

КЛИФФОРД РАЙМАК

ПРЕЛЕСТЬ

Фантастика и фэнтези. Большие книги

Клиффорд Саймак

Прелесть

«Азбука-Аттикус»

1931–1973

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

Саймак К. Д.

Прелесь / К. Д. Саймак — «Азбука-Аттикус», 1931–
1973 — (Фантастика и фэнтези. Большие книги)

ISBN 978-5-389-20922-0

Клиффорд Саймак – один из отцов-основателей современной фантастики, писателей-исполинов, благодаря которым в американской литературе существует понятие «золотой век НФ». В начале литературной карьеры Саймак писал «твердые» научно-фантастические и приключенческие произведения, а также вестерны, но затем раздвинул границы жанра НФ и создал свой собственный стиль, который критики называли мягким, гуманистическим и даже пасторальным, сравнивая прозу Саймака с прозой Рэя Брэдбери. За пятьдесят пять лет Саймак написал около тридцати романов и более ста двадцати повестей и рассказов. Награждался премиями «Хьюго», «Небьюла», «Локус» и другими. Удостоен звания «Грандмастер премии „Небьюла“». В формате a4.pdf сохранен издательский макет книги.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-445

ISBN 978-5-389-20922-0

© Саймак К. Д., 1931–1973
© Азбука-Аттикус, 1931–1973

Содержание

На Землю за вдохновением	6
Дурак в поход собрался	17
Нечисть из космоса	25
Достойный противник	42
Зеленые, на вылет!	52
Точная копия	62
Золотой астероид	89
Хороший поселенец – мертвый поселенец	100
1	100
2	103
3	107
4	112
5	115
Дезертирство	118
Золотые жуки	126
По спирали	150
1	150
2	152
3	154
4	156
5	158
6	159
7	163
8	167
9	170
10	172
11	176
12	178
13	181
14	183
Денежное дерево	185
1	185
Конец ознакомительного фрагмента.	189

Клиффорд Саймак

Прелесть

Сборник избранных рассказов и повестей

- © Н. Аллунан, перевод, 2005
 - © В. Альтштейнер, перевод, 1995
 - © О. Г. Битов (наследник), перевод, 1982, 1988, 1994, 2005
 - © Е. Л. Бутенко, перевод, 2006
 - © Нора Галь (наследник), перевод, 1970
 - © В. А. Гольдич, И. А. Оганесова, перевод, 2004
 - © Д. А. Жуков (наследники), перевод, 1965, 1967
 - © Е. И. Клипова, перевод, 2022
 - © В. В. Ковальчук, перевод, 2006
 - © К. М. Королев, перевод, 1994
 - © Г. Л. Корчагин, перевод, 2022
 - © А. А. Кузнецова, перевод, 2006
 - © А. В. Новиков, перевод, 1993
 - © Ю. Ю. Павлов, перевод, 2022
 - © К. П. Плешков, перевод, 2022
 - © А. С. Полошак, перевод, 2022
 - © И. Г. Почиталин (наследник), перевод, 1971
 - © И. А. Тетерина, перевод, 2022
 - © С. П. Трофимов, перевод, 1994
 - © А. В. Филонов, перевод, 2005
 - © Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2022
- Издательство АЗБУКА®

* * *

На Землю за вдохновением

Филберт заблудился. К тому же он был напуган. Это обстоятельство настораживало само по себе, потому что Филберт был роботом, а роботам эмоции неведомы.

Некоторое время Филберт обдумывал создавшееся положение, пытаясь разобраться в своих чувствах. Однако логики в них он так и не усмотрел.

Вокруг простиралась мертвая пустыня – все, что осталось от Старой Земли. Высоко над головой в иссиня-черном небе тускло светило кирпичное солнце – атмосфера почти исчезла, и звезды сверкали нестерпимо ярким блеском. Хилая растительность, тщетно цепляющаяся за жизнь в мире, где жизни почти не было, казалось, сжималась от страха перед чувством врожденной бесплодности своих усилий.

Филберт вытянул правую ногу – и она скрипнула. Коленный сустав вышел из строя уже много часов назад. В него попал песок – очевидно, когда Филберт упал и повредил плоскость ориентировки. Потому-то он и заблудился. Тремя глазами, расположенными в верхней части головы, Филберт внимательно изучал звезды.

– Как жаль, что я ничего не знаю о созвездиях, – произнес он скрипучим от недостатка смазки голосом. – Босс утверждал, что люди пользовались ими для навигации. Впрочем, нет смысла принимать желаемое за действительное.

Ну вот что: если он не найдет масла, ему конец. Только бы вернуться назад, к изуродованному космолету, внутри которого лежало такое же изуродованное человеческое тело. Там для него нашлось бы довольное масла. Но он не мог вернуться, потому что не имел представления о месте катастрофы.

Ему оставалось только брести вперед, в надежде отыскать затерянный в пустыне космический порт. Раз в месяц пассажирские лайнеры доставляли на Землю паломников и туристов, стремящихся взглянуть на старые храмы и памятные места первой обители человечества. Кто знает, может быть, ему удастся набрести на одно из примитивных племен, все еще живущих на Старой Земле.

Филберт продолжал идти, скрипя правым коленом. Солнце медленно опускалось на западе, и на смену ему вставала луна – чудовищный, изрытый оспинами мир. Тень Филберта скользила впереди, пересекая вместе с ним выветрившиеся, изъеденные временем горы, горбившиеся дюнами пустыни и белое от солончаков дно моря. Ни души вокруг.

Скрип в колене становился все сильнее. Наконец Филберт остановился, разобрал левый коленный сустав и наскреб из него немного смазки для больного колена. Через несколько дней скрипели уже оба колена. Тогда он разобрал руки, сначала одну, потом другую, и выбрал из них все оставшееся масло. Не важно, что руки выйдут из строя, лишь бы ноги продолжали двигаться!

Но затем заныло бедро, вслед за ним другое, и наконец свело лодыжки. Филберт заставлял себя идти вперед, еле действуя высохшими суставами и с трудом сохраняя равновесие.

Он наткнулся на стоянку, но люди покинули лагерь. Живительный источник иссяк, и в поисках воды племя перекочевало в другое место.

Теперь Филберт уже волочил правую ногу, и страх не покидал его.

– Я схожу с ума, – простонал он. – Меня преследуют видения, а это случается только с людьми. Только с людьми...

Его голосовой аппарат захрипел, задрезжал, связки заклинило. Нога подломилась, и он пополз. Но когда и руки отказались ему повиноваться, Филберт бессильно распростерся на песке. Струйки песка с шипением ударялись о его металлический корпус.

– Кто-нибудь меня найдет, – прохрипел он.

Но никто его не нашел. Филберт ржавел и с течением времени превратился в развалину. Сначала отказал слух, затем потухли глаза, от металлического корпуса отлетали тускло-рыжие чешуйки. Однако внутри мозговой коробки, герметически закрытой и автоматически смазываемой, мозг Филберта продолжал выполнять свою функцию.

Робот все еще жил, вернее, существовал. Он не мог двигаться, слышать, видеть, говорить – он был всего лишь вместилищем неустанно работающих мыслей. И если продолжительность человеческой жизни составляла примерно десять тысяч лет, то жизнь робота мог оборвать только несчастный случай.

Шли годы. Века постепенно складывались в тысячелетия. А Филберт послушно продолжал думать, решал гигантские проблемы, находил нужный выход из положения при самых разнообразных обстоятельствах. Наконец им овладела мысль о тщете существования.

В полнейшем отчаянии от бездействия, восстав против пыльной логики, Филберт пришел к логическому заключению, которое положило конец – хотя робота и не оставляли дурные предчувствия – самой необходимости в логике; пока он был частицей человечества, логическое мышление было его обязанностью. Теперь же, когда он больше не был связан с человеком, его логика стала ненужной.

Педант по природе, Филберт никогда не довольствовался полумерами. Поэтому он начал выдумывать невероятные ситуации, сочинял всякого рода приключения и путешествия, принимал на веру сомнительные предпосылки и теории, играл с метафизическими представлениями. Он углублялся в невероятные измерения, разговаривал со странными существами, живущими в неведомых мирах, воевал с чудовищами, рожденными за пределами времени и пространства, спасал цивилизации, находившиеся на краю неминуемой гибели.

Мчались годы, но Филберт этого не замечал. Для него наступило счастливое время.

Джером Дункан с кислой миной взглянул на очередной отказ из редакции, осторожно взял лист со стола и принялся изучать редакторские каракули.

«Неубедительно. Слишком мало науки. Ситуации банальные. Действующие лица нежизненные. Весьма сожалею».

– На сей раз ты превзошел самого себя! – прорычал Дункан, обращаясь к каракулям.

Мягко ступая, в комнату скользнул Дженкинс, робот-камердинер.

– Еще одна, сэр? – спросил он.

От неожиданности Дункан подпрыгнул:

– Дженкинс, что за манера подкрадываться! Ты меня нервируешь!

– Извините, сэр, – с достоинством промолвил Дженкинс. – Я вовсе не подкрадывался. Я просто заметил, что вам вернули рукопись.

– Ну и что из этого? За последнее время мне вернули массу рукописей.

– Вот именно, сэр, вот именно. Раньше их никогда не возвращали. Вы были автором лучших в Галактике книг. Настоящая классика, сэр, если мне будет позволено заметить. Ваш «Триумф роботов» был удостоен ежегодной премии, сэр, и...

Лицо Дункана просветлело.

– Да, вот это была история! Все роботы засыпали эту старую кислотину-редактора хвалебными отзывами. Конечно, можно было не сомневаться, что роботам понравится повесть. В конце концов, речь там шла о них.

Он печально взглянул на письмо и покачал головой:

– Теперь конец всему этому, Дженкинс. Дункан выходит из игры. А ведь читатели пишут письма, спрашивают обо мне. «Когда же Дункан напишет что-нибудь новое вроде „Триумфа роботов“?» И тем не менее редактор отправляет все мои материалы обратно. Неубедительно, говорит. Мало науки. Действующие лица его не устраивают.

– Могу я высказать свое мнение, сэр?

– Валяй, – вздохнул Дункан. – Высказывай свое мнение.
– Дело вот в чем, сэр, – сказал Дженкинс. – Вы уж меня извините, но вашим произведениям не хватает убедительности.

– Вот как? И что же, по-твоему, я должен с ними сделать?

– Почему бы вам не посетить места, о которых вы пишете? – предложил робот. – Почему бы вам не взять отпуск для поисков местного колорита и вдохновения?

Дункан почесал голову.

– Пожалуй, ты прав, Дженкинс, – признался он. Затем еще раз взглянул на отвергнутую рукопись, перелистал страницы.

– Вот уж на нее-то должен был бы найтись покупатель. Это рассказ о Старой Земле, а они всегда популярны.

Он отшвырнул рукопись и встал.

– Дженкинс, позвони в Галактическое агентство и узнай расписание полетов на Старую Землю.

– Но полеты на Старую Землю были прекращены еще тысячу лет назад, – запротестовал Дженкинс.

– Там находятся храмы, которые люди посещали на протяжении миллионов лет.

– По-видимому, сэр, храмами никто больше не интересуется.

– Вот и хорошо! – рявкнул Дункан. – Марш отсюда и зафрахтуй корабль. Да не забудь собрать походное снаряжение.

– Походное снаряжение, сэр?

– Вот именно. Мы отправляемся на Старую Землю и будем жить в палатке. Там мы впитаем в себя столько местного колорита, что он потечет у нас из ушей!

Дункан злобно уставился на послание редактора:

– Я покажу этому старому...

Звякнул колокольчик службы новостей, и на стенной панели зажегся синий свет. Дункан нажал кнопку, из трубки в стене на письменный стол выпала газета. Он быстро развернул ее и прочитал заголовок, набранный броскими алыми буквами:

ПОХИТИТЕЛИ РОБОТОВ СНОВА ЗА РАБОТОЙ

Дункан с отвращением отбросил газету.

– Они совсем помешались на этих похитителях, – пробормотал он. – Кому нужны несколько роботов! Может, роботы сами разбегаются.

– Но они не могут убежать, сэр, – возразил Дженкинс. – По крайней мере эти роботы не могут. Я был знаком кое с кем из них. Они преданы своим хозяевам.

– В таком случае это очередная газетная кампания, – заявил Дункан. – Полагаются увеличить тиражи.

– Но ведь кража роботов происходит по всей Галактике, сэр, – настаивал Дженкинс. – Газеты пишут, что это похоже на действия организованной шайки. Красть роботов и снова их продавать может оказаться выгодным делом, сэр.

– Если так, – проворчал Дункан, – то скоро их поймают. Еще никому не удавалось долго водить за нос этих сыщиков.

Старый Хэнк Уоллес уставился в небо, бормоча что-то себе под нос.

– Клянись громом, – вдруг взвизгнул он, – корабль! Наконец-то!

Он проковылял к контрольному посту порта, который размещался в сарае, потянул на себя рычаги, включающие освещение посадочного поля, и вышел наружу, чтобы еще раз взглянуть на корабль. Корабль снизился, мягко коснулся бетона и, прокатившись несколько ярдов, остановился.

Шаркая ногами, Хэнк направился к кораблю. Дыхание со свистом вырывалось из его кислородной маски. Из корабля вышел закутанный в мех человек с маской на лице. За ним спустился робот, нагруженный пакетами.

– Эй там, привет! – крикнул Хэнк. – Добро пожаловать на Старую Землю!

Вновь прибывший посмотрел на него с любопытством:

– Мы не думали, что найдем здесь кого-нибудь.

Хэнк ошетинился:

– А почему бы нет? Это Станция галактического транспорта. Здесь всегда кто-то находится. Обслуживание круглые сутки.

– Но ведь станцию покинули, – недоумевая, сказал Дункан. – Этот маршрут отменили тысячу лет назад.

Старик замолчал, пытаясь усвоить полученную информацию.

– Вы в этом уверены? – немного погодя спросил он. – Вы уверены, что маршрут отменен?

Дункан кивнул.

– Черт побери! – взорвался Хэнк. – Я чувствовал, что что-то стряслось. Думал – вдруг война.

– Дженкинс, – приказал Дункан, – вытаскивай походное снаряжение из корабля, да побыстрее.

– Какая подлость! – не унимался Хэнк. – Какая мерзкая подлость! Заставить человека слоняться здесь тысячу лет в ожидании корабля!

Хэнк и Дункан сидели рядом, откинув стулья назад и упираясь спинами в стенку сарая. За окном на западе садилось солнце.

– Если вы ищите атмосферу и местный колорит, – сказал Хэнк, – то правильно сделали, что приехали сюда. Некогда здесь была плодородная зеленая земля, колыбель великой цивилизации. При более близком знакомстве с этим местом ощущаешь почти священный трепет. Давным-давно, до того как люди оставили Землю ради Галактики, они называли ее Мать-Земля. Правда, потом в течение многих столетий они возвращались, чтобы полюбоваться храмами.

Он печально покачал головой:

– Но теперь все это забыто. В истории Старой Земле уделяется всего один-два параграфа: просто упоминается, что там возникло человечество. Я даже слышал однажды, будто человек произошел совсем не на Земле, а на какой-то другой планете.

– Очевидно, последнюю тысячу лет вам было здесь очень одиноко, – сказал Дункан.

– Ну, не так-то уж и одиноко, – ответил старик. – Сначала у меня был Вильбур, мой робот. Отличный парень. Мы любили сидеть и болтать обо всем на свете. Но затем Вильбур рехнулся: шестеренка соскочила или еще что-то. Начал как-то странно себя вести, и я испугался. Дождался удобного момента и выключил его. Потом на всякий случай вынул из головы Вильбура мозг. Вот он, лежит на полке. Время от времени я снимаю его и чищу. Вильбур был хорошим роботом.

Снаружи донесся глухой удар, затем что-то с дребезгом покатило.

– В чем дело? – крикнул Дункан. – Что там происходит?

– Я только что нашел корпус робота, сэр, – донесся голос Дженкинса. – Должно быть, я его опрокинул.

– Ты отлично знаешь, что опрокинул его! – рявкнул Дункан. – Это корпус Вильбура. Сейчас же поставь его на место.

– Слушаю, сэр, – сказал Дженкинс.

– Если вам нужны действующие лица, – продолжал Хэнк, – отправляйтесь ко дну бывшего океана, это примерно в пятистах милях отсюда. Там живет племя, одно из последних на Старой Земле. Это те, для кого пожалели места на кораблях, когда человечество покидало

Землю. Но то было миллионы лет назад. Сейчас мало кто из них уцелел. Единственное место, где еще остались вода и воздух, – это глубокие впадины на дне океана. В давние времена племена посильнее захватили их и вытеснили тех, кто был слаб.

– А что случилось со слабыми племенами? – спросил Дункан.

– Они вымерли, – ответил Хэнк. – Вы же знаете, без воды и воздуха жить нельзя. Впрочем, они и так живут недолго. Сто лет – их предел, а может, и того меньше. За последнюю тысячу лет, насколько мне известно, у них сменилось двенадцать вождей. Сейчас там верховодит старый гриб, называющий себя «Громовержцем». Ничего, кроме мешка с костями, собой не представляет, да и грома на Земле не слышали по крайней мере пять миллионов лет. Но они обожают звучные имена. Между прочим, знают также массу историй, да таких, что волосы становятся дыбом.

Громовержец яростно пискнул и с трудом приподнялся. Толпа сорванцов с воплями перебрасывала какой-то круглый предмет, который попал ему по ноге. Мальчишки бросились врассыпную и исчезли за углом в облаке пыли. Громовержец со стоном медленно опустился на скамью. Он пошевелил пальцами ног, не сводя с них зачарованного взгляда, явно удивленный тем, что они двигаются.

– Эти проклятые мальчишки сведут меня в могилу, – проворчал он. – Никакого воспитания. Когда бы я был на их месте, папаша всю душу бы из меня вытряс за подобные фокусы.

Дункан подобрал мяч.

– Где они нашли эту штуку, шеф? – спросил он.

– Да где-нибудь в пустыне, – сказал Громовержец. – Мы частенько находим всякий хлам, разбросанный повсюду, особенно там, где некогда были города. Мое племя неплохо зарабатывало на этом. Продавали простофилям-туристам старые вещи.

– Но, шеф, – запротестовал Дункан, – это не просто кусок металлолома. Это мозговая коробка робота.

– Да неужели? – пропищал Громовержец.

– Совершенно точно, – заверил его Дункан. – Посмотрите-ка на серийный номер, вот здесь, внизу. – Он пригляделся к номеру и свистнул от удивления. – Подумать только! Этой коробке около трех миллионов лет! Всего десять цифр. У модели нынешнего года номер состоит из шестнадцати знаков.

Дункан задумчиво подержал коробку в руках.

– А ведь он мог бы поведать нам любопытную историю, – сказал он. – Наверно, провалялся в пустыне очень долго. Все старые модели были проданы на металлолом сотни лет назад. Устарели, за это время добились множества улучшений. Взять хотя бы эмоции. Три миллиона лет назад роботы не знали эмоций. Если бы мы могли подсоединить эту коробку...

– У вас ведь есть робот, – напомнил вождь.

Дункан оценивающе посмотрел на Дженкинса. Дженкинс попятился назад.

– Нет-нет, – заблеял он. – Только не это, сэр! Вы не можете со мной так поступить.

– Это же совсем ненадолго, – убеждал его Дункан.

– Мне это не нравится, – заявил Дженкинс. – Ни чуточки не нравится.

– Дженкинс! – рявкнул Дункан. – Сейчас же подойди ко мне!

Свет острием ножа пронзил мозг Филберта – всепроникающий, неумолимый свет, который смел тысячелетия пустоты. Филберт попытался закрыть глаза, но мозг слишком медленно реагировал на команды. Безжалостный свет резал глаза. Затем до него дошли звуки – пугающие звуки. Но он знал, что они что-то значат.

Наконец заслонки глаз закрылись, и Филберт замер, выжидая, пока его глаза привыкнут к свету. Вскоре он чуть-чуть их приоткрыл. И снова свет отозвался болью, но на сей раз она была

не такой острой. Постепенно он приподнял заслонки. В глазах у него двоилось, все растекалось, словно в тумане. Снова слышались какие-то звуки, они разрывали барабанные перепонки. Наконец он отчетливо разобрал слово:

– Встать!

Команда дошла до его сознания. Двигательные центры, медленно и неуверенно, возобновили свою деятельность, и Филберт выпрямился. Он пошатнулся, стараясь сохранить равновесие. Внезапное перемещение его сознания из мира снов в реальный мир было пугающим. Робот сфокусировал глазные линзы. Он увидел деревню. Чуть дальше виднелся крохотный пруд, а еще дальше – ряды голых холмов. Словно уступы гигантской лестницы, поднимались они к черному небу, где висело большое красное солнце. Перед роботом стояли несколько человек. Один из них был закутан в меха, и на его груди болталась кислородная маска.

– Кто ты? – спросил человек в мехах.

– Я... – начал Филберт и замолчал.

Кто он? Он попытался вспомнить, но его память все еще пребывала в призрачном мире, в котором он жил так долго. Ему вспомнилось одно только слово, один крошечный ключ, и все.

– Я – Филберт, – сказал он наконец.

– Ты знаешь, где находишься? – спросил человек. – Как ты сюда попал? Сколько времени прошло с тех пор, как ты был жив?

– Не знаю, – ответил Филберт.

– Вот видите, – пропищал Громовержец, – он ничего не помнит. Чурбан он – и все.

– Нет, – Дункан покачал головой, – просто он провел здесь слишком много времени.

Время стерло его память.

Покончив с ужином, племя собралось вокруг костра, где Громовержец принялся рассказывать одну из древних легенд. Это была длинная история, отличавшаяся, как подозревал Дункан, минимальным уважением к истине. Вождь с вызовом посмотрел на Дункана, как бы подзадоривая его выразить свое недоверие.

– ...И тогда Ангус схватил пришельца из звездных миров голыми руками и засунул ему в рот его же хвост. Чудовище отчаянно сопротивлялось, пытаясь вырваться, но Ангус не сдавался и пропихивал хвост все дальше. В конце концов ужасная тварь проглотила самое себя!

Племя одобрительно зашептало. Да, это была хорошая история. Неожиданно шепот был прерван хриплым голосом.

– Чепуха! – насмешливо выпалил Филберт. – Барахло, а не история!

Туземцы замерли от удивления, затем заворчали, охваченные внезапной яростью. Громовержец вскочил как ужаленный. Дункан выступил вперед и уже открыл рот для команды, но поднятая рука Громовержца остановила его.

– Может быть, ты, ничтожество, – пропищал вождь, глядя на Филберта в упор, – знаешь истории получше?

– Конечно знаю, – ответил Филберт. – Более того, история, которую я собираюсь рассказать, – истинная правда. Все это случилось со мной.

Громовержец бросил на него разъяренный взгляд.

– Ну хорошо, – проворчал он, – рассказывай! Для твоей же шкуры будет лучше, если история окажется интересной. Помни об этом.

И Филберт заговорил. Сначала туземцы слушали его, храня враждебное выражение лиц, но по мере развития событий робот все больше завладевал их вниманием, ибо лучшей истории им никогда не приходилось слышать.

Некий безумный мир решил завоевать остальную Галактику. Человечество под руководством Филберта (в чем можно было не сомневаться) изобрело синтетического безумца, который и расстроил все планы завоевателей.

Захваченный рассказом, Дункан старался не пропустить ни слова. Вот где настоящая научная фантастика! Да, человека, написавшего такую повесть, по праву сочтут непревзойденным во всей Галактике мастером этого жанра! У него голова шла кругом, и лица сидящих перед ним людей сливались в одно. Внезапно его осенила мысль, от которой он даже побледнел.

Он, и никто другой, напишет эту повесть!

Между тем Филберт окончил свой рассказ и отступил назад, в глубину круга. Дункан схватил его за руку.

– Филберт! – воскликнул он. – Где ты услышал эту историю?

– Я ее не услышал, – ответил Филберт. – Это произошло со мной.

– Это не могло произойти с тобой, – запротестовал Дункан. – Если бы произошло что-либо подобное, история упоминала бы об этом.

– Но так было в самом деле, – настаивал Филберт. – Я говорю правду.

Дункан внимательно посмотрел на робота.

– Скажи, Филберт, – спросил он, – а ведь с тобой, наверное, случались и другие происшествия?

– Еще бы! – Филберт оживился. – Масса происшествий. Да, я побывал во многих местах и немало сделал. Хотите, расскажу?

– Только не сейчас, – поспешно сказал Дункан. – Пойдем лучше со мной.

Почти силой он вытолкнул робота из круга и направился к кораблю. Вслед им послышался яростный писк вождя:

– Эй, послушай, а ну-ка вернись обратно!

Дункан обернулся. Громовержец, вскочив на ноги, потрясал кулаками.

– Сейчас же верни робота! – кричал он. – Тебе не удастся улизнуть с ним!

– Но это мой робот, – возразил Дункан.

– Верни его немедленно! – завопил старик. – Он наш. Разве не мы нашли его? И мы не позволим тебе увести первого хорошего рассказчика, появившегося у племени за последние пятьсот лет!

– Но, шеф...

– Кому говорят, веди его обратно! Не то мы с тобой живо расправимся.

По выражению лиц туземцев было видно, что небольшая потасовка им явно по душе. Дункан повернулся к Филберту и увидел, что робот поспешно удаляется.

– Эй, ты! – крикнул Дункан, но Филберт только прибавил ходу.

– Эй! – хором завопили туземцы.

Услышав вопль, Филберт помчался быстрее ветра. Он миновал лагерь, пересек равнину и исчез из виду в тени холмов.

– А теперь полюбуйтесь, что вы натворили! – сердито крикнул Дункан. – Вы спугнули его своими воплями.

Громовержец проковылял к Дункану и потряс массивным волосатым кулаком перед его носом.

– Будь ты проклят! – пропищал он. – Я готов разорвать тебя на куски! Пытался улизнуть с нашим рассказчиком! Убирайся, да поживее, пока мы не поотрывали тебе руки и ноги.

– Но он такой же ваш, как и мой, – настаивал Дункан. – Не спорю, вы нашли его, но ведь это я дал ему тело своего робота...

– Пришелец, – свирепо произнес Громовержец, – залезай-ка лучше в свою консервную банку и убирайся отсюда!

– Но послушайте, – запротестовал Дункан, – вы не имеете права выгонять меня вот так, за здорово живешь.

– Кто сказал, что мы не имеем права? – проскрипел старик.

Дункан посмотрел на выжидающие, полные затаенной вражды лица туземцев.

– Ваша взяла, – сказал он. – Я и сам не намерен здесь оставаться. Можно было бы и без угроз.

Следы Филберта вели через пустыню. Старый Хэнк пробормотал что-то себе в бороду.

– Вы совсем спятили, Дункан, – немного погодя сказал он. – Вам не удастся поймать робота. Одному богу известно, где он сейчас. Он может и не остановиться, пока не пересечет полмира.

– Я должен его поймать, – упрямо заявил Дункан. – Неужели вы не понимаете, что он для меня значит? Да ведь этот робот – энциклопедия научно-фантастической литературы! История, которую он сегодня рассказал, превосходит все, что мне когда-либо приходилось слышать. А у него в запасе тьма таких рассказов. Он сам сказал об этом. Должно быть, он придумывал их, лежа в песке. За несколько миллионов лет можно немало придумать, когда у тебя только и дела, что лежать да шевелить мозгами. Если все это время он думал только о сумасшедших научных идеях, то теперь, верно, пропитан ими насковозь. Самое-то интересное: он думал о них так долго, что начисто позабыл все, что знал, и теперь убежден, будто все его необыкновенные приключения происходили на самом деле. Он не сомневается, что участвовал в них.

– Но черт побери, – с трудом переводя дыхание, пробормотал Хэнк, – можно было бы гоняться за ним в космическом корабле, а не тонуть в этом дьявольском песке.

– Вы же понимаете, что случится, если мы попытаемся выследить его на корабле, – сказал Дункан. – Мы полетим с такой скоростью, что не увидим его следов. А замедлить скорость нельзя, иначе корабль не сумеет преодолеть тяготение.

В этот момент Дженкинс споткнулся о валун и со страшным грохотом и дребезжанием кубарем полетел в песок. Он с трудом поднялся, не переставая ворчать.

– Если Вильбуру приходилось таскать этот корпус, – заявил Дженкинс, – то мне понятно, почему он свихнулся.

– Скажи спасибо, что хоть такой нашелся, – огрызнулся Дункан. – Если бы не он, ты бы так и оставался разъединенным. Такая перспектива тебя устраивает?

– Это ничуть не хуже, чем спотыкаться на каждом шагу в этом сооружении, сэр, – ответил Дженкинс.

– Сначала я опасался, – продолжал Дункан, обращаясь к Хэнку, – что старина Громова-вержец опередит меня и первым зацапает Филберта, но теперь это нам не грозит. Мы от них далеко. Туземцы не станут забираться вглубь.

– Вам бы тоже не захотелось, сэр, – пробурчал Дженкинс, – если бы вы не нагрузили на меня пару бочек воды. Мне это совсем не нравится. Я камердинер, а не выючная лошадь.

К вечеру Дженкинс, который шел впереди, неожиданно остановился и окликнул идущих за ним. Дункан и Хэнк поспешили к нему. Склонившись, они увидели, что к следам Филберта присоединились следы еще двух роботов. Было видно, что произошла схватка, затем все три робота направились вперед, через дюны. Старый Хэнк пришел в неопределимое волнение.

– Но этого же не может быть! – От ужаса у него тряслись бакенбарды. – На Земле нет роботов, кроме вашего Дженкинса и сумасшедшего Филберта. Правда, был еще Вильбур, но его больше нечего считать.

– Как видите, есть и еще, – сказал Дункан. – Перед нами следы трех роботов; ясно как день, что здесь произошло: два робота сидели в засаде за этими вот валунами, поджидая Филберта. Как только он подошел, они бросились на него. Филберт сначала сопротивлялся, но после короткой схватки они скрутили его и увели с собой.

Они молча глядели на следы.

– Как вы это объясняете? – наконец прошептал Хэнк.

– Я вовсе не собираюсь ничего объяснять, – огрызнулся Дункан. – Я просто пойду по их следам. Все равно Филберт от меня не уйдет, даже если это будет стоить мне жизни. Я заставлю этого старого слюнтяя-редактора выпучить от изумления глаза, когда он станет читать мои рассказы. А они все у Филберта. Так разве я могу позволить ему улизнуть?

– По-моему, вы мелете вздор, – заметил Хэнк с горечью в голосе.

– По-моему, тоже, – согласился Дженкинс и нехотя добавил: – Сэр.

Следы вели через лабиринт дюн. Но вот они нырнули в глубокую каменистую расщелину. Расщелина эта становилась все шире, и вскоре глазам путников предстала унылая долина. Некоторое время они шли прямо, затем начались извилистые повороты.

– Мне это место не нравится, – хрипло прошептал Хэнк. – Здесь прямо-таки пахнет опасностью.

Но Дункан, напряженно прислушиваясь, упрямо шел вперед: он сделал очередной резкий поворот и вдруг замер от неожиданности. Остальные двое тоже повернули и столкнулись с ним.

Со дна долины поднимались гигантские машины – могучие буровые установки, экскаваторы, шахтное оборудование. А вокруг них сновали сотни роботов!

– Бежим отсюда! – дрожащим голосом произнес Хэнк.

Осторожно, почти не дыша, они попятились назад. Дженкинс, который не отставал от них, ступил ногой в небольшую выемку и потерял равновесие. Пятисоткилограммовый металлический корпус робота грохнулся о камни с такой силой, что среди узких скал разнеслось громовое эхо.

И тотчас к ним со всех сторон бросились роботы.

– Ну вот, – обреченно сказал Хэнк, – теперь-то нам точно крышка!

Дженкинс, успевший встать на ноги, при виде приближающихся роботов воскликнул:

– Я знаю некоторых из них, сэр! Это те, которых похитили!

– Кто их похитил? – удивленно спросил Хэнк.

– Скоро узнаем, – сказал Дункан упавшим голосом. – Эти похитители – самая удачливая шайка, когда-либо орудовавшая в Галактике. Они крадут роботов отовсюду.

– А я в таком виде! – простонал Дженкинс. – Друзья мне этого не простят. Я – и внутри металлолома!

– Заткни свою пасть, – гаркнул Дункан, – и они никогда тебя не узнают! А если ты еще будешь грохаться, я разьединю твой мозг и выброшу его в космос.

– Я же не нарочно, сэр, – сказал Дженкинс. – Этот корпус – самая неуклюжая штука, которую я когда-либо видел. Ничего не могу с ним поделать. А вот и они!

Перед ними стояла толпа роботов. Один из них вышел вперед и, обращаясь к Дункану, сказал:

– Рады видеть вас. Мы не теряли надежды, что кто-нибудь нас найдет.

– Найдет? – спросил Дункан. – Разве вы заблудились?

Робот опустил голову и смущенно затоптался на месте:

– Ну, не то чтобы заблудились. Мы, так сказать, совершили ошибку.

– Послушайте, – нетерпеливо начал Дункан. – Я никак не возьму в толк. Разве вы не те роботы, которых похитили бандиты?

– Нет, сэр, – признался робот. – Сказать по правде, никаких похитителей не существует.

– То есть как это не существует?! – взорвался Дункан. – А если похитителей не существует, то чем вы здесь занимаетесь?

– Мы убежали, но это не наша вина. То есть не совсем наша. Дело в том, что один писатель, который пишет научную фантастику...

– Какое отношение имеет писатель, занимающийся научной фантастикой, ко всему этому? – рявкнул Дункан.

– Он написал повесть, – сказал робот. – Имя этого писателя – Джером Дункан...

Дункан что есть силы пнул Дженкинса в голень, тот ойкнул и проглотил слова, готовые сорваться с языка.

– Он написал повесть под названием «Триумф роботов», – продолжал робот. – В ней говорилось о том, как роботы решили создать свою собственную цивилизацию. Человеческая раса им опостылела, они считали, что люди только портят все, за что принимаются. Поэтому они решили, что убегут куда-нибудь, начнут все сначала и создадут свою великую цивилизацию, не повторяя людских ошибок.

Робот подозрительно взглянул на Дункана.

– Уж не думаете ли вы, что я вас дурачу? – спросил он.

– О нет, – ответил Дункан. – Я и сам читал эту повесть. Мне она понравилась.

– И нам тоже, – признался робот. – Очень понравилась. Мы ей поверили. Мы все были словно в лихорадке, нам хотелось поскорее приняться за дело и осуществить то, о чем говорил этот писатель. – Он замолчал и свирепо взглянул на Дункана. – Ну, если бы он нам сейчас попался, этот Дункан! Нам бы только поймать его!

Дункан почувствовал, как сердце у него стремительно юркнуло вниз, но он ничем себя не выдал и голос его звучал по-прежнему ровно:

– Что же случилось? Разве из вашей затеи ничего не вышло?

– Не вышло! – проскрипел робот. – Всей Галактике ясно, что не вышло! Мы втихомолку бежали, несколько роботов зараз, и собирались в заранее условленном месте. Когда нас набралось порядочное количество, достаточное, чтобы загрузить корабль, мы отправились сюда. Прилетели, выгрузили оборудование и взорвали корабль. Именно так и поступали роботы в книге, чтобы никто, как бы ему ни надоело, не мог улизнуть. Как бы пан или пропал, понимаете?

– Да, теперь я припоминаю книгу, – сказал Дункан. – Мне даже помнится, что роботы прилетели на Старую Землю – считали, что им следует начать с той же планеты, где родилось человечество. Вроде бы для вдохновения.

– Вот именно, – сказал робот. – На бумаге все было великолепно, а на деле оказалось не так гладко. Этот идиот-писатель забыл об одном. Он забыл, что, перед тем как люди оставили Землю, они ободрали ее как липку, выкачали всю нефть, добыли всю руду и вырубали весь лес. Планета стала голой, как бильярдный шар. На ней ничего не осталось. Мы бурили скважины в поисках нефти – ни капли. То же с минералами. Здесь просто не с чем создавать цивилизацию.

Но это еще не все. Весь ужас в том, что еще одна партия роботов собирается на другой заброшенный мир. Мы должны остановить их, потому что им повезет не больше, чем нам. Вот почему мы так рады, что вы нас нашли.

– Но мы искали не вас, – возразил Дункан. – Мы искали робота по имени Филберт.

– Мы поймали вашего Филберта. Его заметили в дюнах и решили, что кто-то из наших пытается улизнуть. Поэтому его схватили, но вы можете поступать с ним как хотите. Он нам не нужен. Чокнутый какой-то. Чуть было не свел нас с ума баснями о своих подвигах.

– Ладно, – сказал Дункан. – Выводите его.

– Но что будет с нами?

– А что будет с вами?

– Вы ведь возьмете нас обратно, да? Не оставите же вы нас здесь?

– Пожалуй, стоило бы бросить вас – варитесь как знаете, в собственном соку, – сказал Дункан.

– Ну что ж, – ответил робот. – В таком случае вы не получите Филберта. Правда, он нам осточертел, но мы разберем его на части и выбросим в пустыню.

– Подождите-ка, – воскликнул Дункан, – вы не имеете права!

– Заберите нас с собой – и Филберт ваш.

– Но у меня нет места! На одном корабле все вы просто не поместитесь!

– Это пусть вас не волнует. Мы разъединим друг друга и оставим свои тела здесь. Тогда вам придется забрать только наш мозг.

– Но послушайте, я не могу на это пойти. Галактическое Бюро Расследований меня арестует. Они-то считают, что вас украла банда, которую они называют «Похитители роботов». Чего доброго, меня примут за главаря.

– Если это случится, – сказал робот, – мы дадим показания в вашу пользу. Мы расскажем обо всем откровенно и спасем вас. А если вы доставите нас обратно и вас не арестуют, то вы можете заявить, что спасли нас. Мы не будем протестовать. Право же, мистер, мы готовы на что угодно, лишь бы выбраться отсюда.

Дункан задумался. Предложение роботов было ему не по душе, но другого выхода не оставалось.

– Ну так как, – спросил робот, – приниматься за разборку Филберта или вы берете нас с собой?

– Так и быть, – вздохнул Дункан, – тащите сюда Филберта.

Дункан торжествующе помахал новым журналом перед лицом Филберта.

– Ты только посмотри! – ликуя, воскликнул он. – На обложку и так далее. А столбец отзывов читателей набит письмами, расхваливающими последний рассказ. Да, дружище, мы создаем настоящие шедевры!

Филберт зевнул и насмешливо поднял железные брови.

– Мы? – спросил он.

– Конечно мы... – начал Дункан, но замолчал и уничтожающе посмотрел на робота. – Послушай, ты, жестяное чудо, оставь-ка этот высокомерный тон. Ты мне и так изрядно надоел.

– До того как вы нашли меня, вам не удавалось продать ни одного рассказа, – обиженно возразил Филберт, – и вы это знаете. Когда мне предоставят собственную страницу? Когда вы перестанете пожинать все лавры?

Дункан даже подскочил от негодования.

– Сколько можно говорить об этом?! Ведь я хорошо забочусь о тебе, правда? Ты получаешь все, что хочешь. Но писать рассказы буду только я! Я не собираюсь сотрудничать с каким-то роботом. Понял? И точка.

– Ну что ж, – сказал Филберт. – В таком случае вы не получите от меня больше ни одной истории.

– Вот посажу тебя обратно в старый корпус Вильбура, – пригрозил Дункан. – Похромаешь в нем недельку, не так запоешь.

– А если я расскажу вам новую историю, – начал торговаться Филберт, – купите мне тот великолепный корпус, который мы на днях видели в магазине? Не хочу, чтобы девушки считали меня неряхой.

– Но тебе вовсе ни к чему новый корпус! – воскликнул Дункан. – Ведь у тебя их уже добрый десяток!

– Ну хорошо, – сказал Филберт, пуская в ход свой главный козырь. – Я попрошу кого-нибудь разобрать меня и спрятать. Пожалуй, так даже лучше. По крайней мере никто не будет меня отвлекать.

– Ладно, – проворчал Дункан, признавая свое поражение. – Иди купи себе новый корпус. Купи два, если хочешь. Лишь бы ты был доволен.

– Вот это другой разговор, – сказал Филберт. – К тому же вы сэкономите деньги на смазке и чистке этого корпуса, так что нечего ворчать.

Дурак в поход собрался

Долгое время я был деревенским дурачком, но теперь я уже не дурак, хотя меня до сих пор обзывают болваном, а то и почище.

Я теперь гений! Но об этом я никому не скажу. Ни за что. Если узнают, станут остерегаться.

Никто не догадывается и не догадается. Я все так же шаркаю ногами, мой взгляд все так же пуст, и речь бессвязна, как и прежде. Порой нелегко бывает помнить, что надо непременно шаркать, смотреть бессмысленным взглядом и бормотать чепуху, а иногда, наоборот, с большим трудом удерживаешься, чтобы не переиграть. Главное – не вызвать подозрений!

Все началось в то утро, когда я пошел на рыбалку.

За завтраком я сказал маме, что собираюсь порыбачить, и она не возражала. Она знает, что я люблю ловить рыбу. Когда я рыбачу, со мной не случается никаких неприятностей.

– Сходи, Джим, – сказала она. – Хорошо бы отведать рыбки.

– Я знаю, где ее ловить, – сказал я. – В яме, что сразу за домом Алфа Адамса.

– Сынок, не затевай ты ссоры с Алфом, – предупредила меня мама. – Если ты невзлюбил его...

– Он надул меня. Заставил работать больше, чем положено, а сам ничего не заплатил мне за это. Да еще смеется.

Не надо было мне говорить этого. Мама очень расстраивается, когда слышит, что надо мной смеются.

– Ну и пусть, не обращай внимания, – ласково сказала она. – Вспомни, что говорил проповедник Мартин в прошлое воскресенье. Он сказал...

– Я помню, что он сказал, но все равно не люблю, когда надо мной смеются. Я не позволю смеяться надо мной.

– Ладно, – с грустью согласилась мама. – Не позволяй.

Я доедал завтрак и думал о том, что проповедник Мартин мастак говорить о смирении и покорности. Но я-то знаю, что он за человек, знаю и про его дела с органисткой Дженни Смит.

После завтрака я пошел в сарай за удочкой, а Баунс прибежал помогать мне. После мамы Баунс мой лучший друг. Конечно, он не умеет разговаривать со мной... по-настоящему, но он и не смеется надо мной.

Копая червей, я спросил его, не хочет ли он отправиться со мной на рыбалку. Я видел, что ему очень хочется, и пошел в дом напротив предупредить миссис Лоусон, что Баунс пойдет со мной: Баунс ведь принадлежал ей, хотя почти все время проводил со мной.

Так мы и пошли: я с удочкой впереди, а Баунс следом, словно я был важной персоной. Но Баунс все равно гордился тем, что нас видят вместе.

Путь наш лежал мимо банка, и через большое окно я увидел банкира Пэттона, сидевшего за письменным столом. Вот у кого был важный вид! Да он и в самом деле был самой важной персоной в Мэплтоне. Я убавил шаг, чтобы вволю насладиться своей ненавистью к нему.

Мы с мамой не жили бы в этой старой развалюхе, где живем сейчас, если бы после смерти папы банкир Пэттон не лишил нас права выкупа закладной на наш дом.

Мы миновали усадьбу Алфа Адамса, у которого была лучшая ферма в городе, и о нем я тоже подумал с ненавистью, но не с такой, как о банкире Пэттоне. Адамс мне насолил поменьше – заставил работать больше положенного и не заплатил за это.

Алф был рослый хвастливый человек и, кажется, неплохой фермер. Во всяком случае, ферма приносила доход. У него был большой новый коровник, и только он мог решиться выкрасить коровник не в красный цвет, как красят все коровники, а в белый с красной полосой. Ну разве бывают коровники в полоску?

Сразу за домом Алфа мы с Баунсом свернули с дороги и пошли через луг к речке, туда, где яма...

На другом конце луга вместе с остальным стадом пасся бык-медалист, принадлежавший Алфу. Увидев нас, он пошел в нашу сторону – не потому, что был зол и собирался напасть на нас, а просто для порядка, на случай, если кто-нибудь вздумает сразиться с ним. Я не боялся его, потому что подружился с ним в то лето, когда работал у Алфа. Я, бывало, баловал его, чесал за ушами. Алф сказал, что я сумасшедший дурак, когда-нибудь бык прикончит меня.

– Никогда не доверяй быку, – говорил Алф.

Подойдя поближе и узнав, кто перед ним, бык решил, что мы ничего дурного ему не сделаем, и вернулся к стаду.

Мы подошли к яме, и я стал удить, а Баунс поскакал вверх по речке на разведку. Я вытащил несколько рыб, но не очень больших. Клев был плохой, и мне стало неинтересно. Я люблю ловить рыбу, когда хорошо ловится.

Тогда я стал фантазировать. А что, если взять какое-нибудь маленькое поле... скажем, в сто квадратных футов... и хорошенько рассмотреть эту землю – сколько в ней можно найти разных растений!.. Я посмотрел на землю рядом с тем местом, где сидел, и увидел... обыкновенную луговую траву, несколько одуванчиков, листья щавеля, две фиалки и еще не распустившийся лютик.

Но что это? Вглядываясь в одуванчик, я вдруг заметил, что вижу весь цветок, а не только ту его часть, что растет над землей!

Не знаю, стал ли я видеть сквозь землю в то самое мгновение, когда засмотрелся на одуванчик, или немного раньше. Но так или иначе, я увидел, как уходит в землю стержневой корень одуванчика, как от него отходят маленькие мохнатые корешки, увидел, где сидят вообще все корни, как они берут воду и минеральные соли из земли, как откладываются запасы питательных веществ в корне и как одуванчик при помощи солнца делает их годными для усвоения. Странное дело, я ведь никогда не знал ничего этого прежде!

Я посмотрел на другие растения и увидел их точно так же – целиком. И я подумал: может, с моими глазами что-то случилось и теперь я буду видеть не только поверхность вещи, но и то, что у нее внутри? Тогда я попробовал увидеть все как прежде, и у меня это получилось. Потом мне снова захотелось увидеть корень одуванчика, и я увидел.

Я сидел и думал: почему никогда раньше я не мог так видеть, а теперь могу? Тем временем мне захотелось узнать, что делается на дне ямы... И мне стало видно все как на ладони. Я мог теперь заглядывать в любой омут, где прячутся такие рыбины, каких в нашей речке еще никто не ловил.

Я ясно увидел, что возле моего крючка нет ни одной рыбешки, и стал передвигать его, пока он не очутился перед самым носом большущей рыбины. Но рыба, казалось, не замечала червяка. Может, она была сыта и просто лежала, шевеля плавниками и жабрами.

Я подвел крючок так близко, что он задел рыбу по носу, но она и на это не обратила ни малейшего внимания.

Тогда я заставил рыбу проголодаться.

Не спрашивайте меня, как я это сделал. Я не смогу объяснить. Просто я решил, что знаю, как выкинуть эту штуку. Заставил, значит, я рыбу проголодаться, и она накинута на наживку, как Баунс на кость.

Рыба утянула поплавок под воду, я подсек ее и выдернул из воды. Сняв рыбину с крючка, я продернул сквозь ее жабры и рот веревку, на которой уже было нанизано штук пять рыбешек, пойманных раньше.

Потом я выбрал еще одну большую рыбину, подвел к ней крючок и заставил ее проголодаться.

За полтора часа я выловил всех больших рыб. Оставалась разная мелочь, но возиться с ней мне было уже ни к чему. На веревке почти не было места, и, когда я взял ее и пошел, конец связки волочился по земле. Мне пришлось перекинуть ее через плечо, и от рыбы рубашка сразу же стала мокрой.

Я позвал Баунса, и мы двинулись в город.

Всякий, кто попадался мне навстречу, останавливался и расспрашивал, где я поймал рыбу, на что ловил, осталась ли там еще рыба, или я вытащил всю. Когда я говорил, что выловил всю, люди хохотали до упаду.

Только было собрался я свернуть с главной улицы к дому, как из парикмахерской вышел банкир Пэттон. От него чудесно пахло всеми одеколонами, которыми парикмахер Джейк опрыскивает своих клиентов.

Увидев меня с рыбой, банкир остановился. Он посмотрел на меня, на рыбу и потер свои жирные руки. Потом заговорил со мной как с маленьким:

– А ну, Джимми, говори, где ты взял всю эту рыбу?

Он сказал это таким тоном, будто рыба не моя или будто я ловил ее каким-нибудь запрещенным способом.

– В яме за домом Алфа, – ответил я.

И вдруг само собой получилось так, что я увидел его внутренности – точно так же, как корни одуванчика под землей. Желудок, кишки и еще что-то, наверное печень, а надо всем этим в какой-то рыхло-розовой массе – пульсирующий ком, в котором я узнал сердце.

Я вытянул вперед руки... не руки, конечно, потому что в одной руке я держал удочку, а в другой рыбу, но у меня было такое ощущение, будто я протянул их, схватил его сердце и сильно сжал.

Банкир открыл рот, охнул и обмяк, как будто из него ушла вся сила, и мне пришлось отскочить в сторону, чтобы он не свалился прямо на меня.

Он упал и больше не вставал.

Из своей парикмахерской выбежал Джейк.

– Что с ним? – спросил он меня.

– Взял и упал, – ответил я.

Джейк посмотрел на банкира:

– Это сердечный приступ. Уж я-то знаю. Бегу за доктором.

Он побежал по улице к дому врача Мейсона, а со всех сторон стали сбегаться люди.

Я узнал Бена с сыроварни, Майка из клуба и двух фермеров, приехавших за покупками.

Выбравшись из толпы, я пошел домой. Мама увидела рыбу и обрадовалась.

– Вот вкусно-то будет! – сказала она. – Как тебе удалось наловить так много, Джим?

– Клев был хороший, – пробормотал я.

– Так не теряй же времени, начинай чистить. Немного мы съедим сейчас, несколько штук я отнесу проповеднику Мартину, а остальное посолю и положу в погреб. Там она продержится еще не один день.

Тут прибежала миссис Лоусон, что живет напротив, и рассказала маме о том, что случилось с банкиром Пэттоном.

– Он как раз разговаривал с Джимом, – заметила она.

– Почему же ты молчал, Джим? – спросила меня мама.

– Не успел сказать, – ответил я. – Я показывал тебе рыбу.

Мама и миссис Лоусон заговорили, перебивая друг друга, о банке, а я пошел в сарай чистить рыбу. Баунс сидел со мной рядом и наблюдал. Я готов поклясться, что он был доволен не меньше меня. Будто и в самом деле помогал мне ловить рыбу.

– Хороший выдался денек, Баунс, – сказал я, и Баунс согласился со мной. Он вспомнил, как носился вдоль речки и дразнил лягушку, вспомнил, как приятно пахнет земля, если ее хорошенько обнюхать.

Я вовсе не хочу убедить вас, что Баунс заговорил со мной. Но у него был такой вид, будто он и в самом деле умеет говорить.

Люди все смеются надо мной, отпускают шуточки и стараются поддеть меня, потому что я деревенский дурачок. Но когда-нибудь этот дурачок покажет им всем! Они бы до смерти испугались, если бы с ними, например, заговорила собака. Просто я подумал, как было бы хорошо, если бы Баунс заговорил и мне не надо было бы угадывать, что он хотел сказать. Ничего удивительного я в этом не увидел бы, потому что всегда считал, что Баунс смысленный пес, и стоит ему только захотеть, как он начнет говорить.

Так мы и болтали с Баунсом, пока я чистил рыбу. Когда я вышел из сарая, миссис Лоусон уже ушла домой, а мама на кухне готовила сковородку для рыбы.

– Джим, ты... – сказала она и запнулась. – Джим, ты ведь никакого отношения не имеешь к тому, что случилось с банкиром Пэттоном, правда? Ты не толкнул его, не ударил?

– Даже пальцем до него не дотронулся, – сказал я, и это была суцая правда. Я и в самом деле не коснулся его рукой.

Днем я работал на огороде. Мама иногда помогает кому-нибудь по хозяйству и зарабатывает немного, но если бы не огород, нам бы на это не прожить! Прежде зарабатывал и я, но после ссоры с Алфом, из-за того что он не заплатил мне, она не разрешает мне работать. Она говорит, что я и так ей помогаю, копаясь в огороде и добывая время от времени немного рыбы.

В огороде я нашел еще одно применение моему новому умению видеть. В капусте были черви – я их всех видел сквозь капустные листья и давил, как раздавил сердце банкира Пэттона. Обнаружив белесые пятнышки на кустах помидоров, я решил, что это какой-то вредитель. Они были такие маленькие, что сначала я их не заметил. Поэтому я их увеличил своим новым зрением, внимательно разглядел и заставил исчезнуть. Я не давил их, как червей, а просто сделал так, чтобы они пропали.

Интересно работать на огороде, когда можешь заглядывать в землю и видеть, как прорастают семена пастернака и редиса, убивать вредителей, узнавать, хороша ли земля и все ли в порядке.

На обед мы ели рыбу, на ужин – тоже рыбу. А после ужина я пошел прогуляться.

Сам не знаю, как я очутился у дома банкира Пэттона и, проходя мимо, почувствовал, что в доме этом горе.

Не входя в дом, я позволил горю войти в меня. Наверно, стоя снаружи, я мог бы совершенно легко увидеть сквозь стены, что делается в любом доме нашей деревни, но тогда я этого еще не знал. Я почувствовал горе в доме Пэттона только потому, что оно было глубокое и сильное.

Старшая дочь банкира была у себя в комнате наверху, и я почувствовал, что она плачет. Вторая дочь сидела с матерью в гостиной. Ни та ни другая не плакали, но у обеих был убитый вид. В доме были еще какие-то люди, но они не очень-то печалились. Вероятно, соседи пришли посидеть.

Мне стало жаль всех троих и захотелось помочь им. Ведь не их вина, что банкир Пэттон был таким плохим человеком.

И вдруг мне показалось, что я могу им помочь, и я начал с той дочери, что сидела наверху в своей комнате. Я мысленно приблизился к ней и стал внушать ей светлые мысли. Начало было не из легких, но очень скоро я освоился, и утешить ее не составило большого труда. Потом я утешил двух других и, довольный, пошел дальше.

Я прислушивался к тем домам, мимо которых проходил. Почти везде жили счастливые или, во всяком случае, довольные люди, хотя попадались и несколько печальных. Машинально

я задумывался о них и давал им счастье. Я вовсе не думал, что мне надо делать добро каким-то определенным людям. По правде говоря, я даже не помню, какие дома сделал счастливыми. Просто я подумал, что, раз я могу делать это, надо делать.

Когда я вернулся, мама еще не ложилась, ждала меня. Она была немного встревожена: она всегда тревожится, когда я надолго исчезаю.

Я пошел в свою комнату, лег в постель, но долго не мог заснуть: все думал, как могло случиться, что я оказался способным на все эти штуки, и как неожиданно проявились эти способности. Наконец я заснул.

Умывшись и позавтракав, я вышел на улицу и увидел, что Баунс ждет меня. Он сказал, что хочет погонять кроликов, и я согласился пойти с ним. Раз теперь мы можем разговаривать, вдвоем нам ловить кроликов будет сподручнее. Взобравшись на пень, или на грудку камней, или даже на дерево, я высматриваю кролика и кричу Баунсу, куда он бежит, а Баунс мчится ему наперерез.

Мы пошли по дороге, ведущей к дому Алфа, потом свернули на луг и направились к поляне на склоне холма, что на той стороне речки.

Когда мы свернули с дороги, я оглянулся и снова подумал о том, как ненавижу Алфа. И вдруг мне пришла в голову мысль. Я не знал, смогу ли осуществить ее, но мне она понравилась. Я решил попробовать.

Я перевел взгляд на коровник Алфа, мысленно прошел сквозь стены и очутился посреди сеновала. Кругом было сено, но, как вы помните, сам я в это время стоял на лугу рядом с Баунсом, с которым мы пошли гонять кроликов.

Мне хотелось бы объяснить, что я сделал потом и как я это сделал, да только мне самому непонятно, откуда у меня взялось все это... Словом, знание химических реакций или как их там называют... Что-то сделалось с сеном, что-то с кислородом, и в сеновале зажегся огонь. Увидев, что огонь занялся хорошо, я убрался оттуда и снова очутился рядом с Баунсом. Потом мы перешли речку и стали подниматься по склону холма.

Я все оглядывался, думая, что огонь не разгорится, как вдруг из-под крыши сеновала потянулась тоненькая струйка дыма.

К тому времени мы уже вышли на поляну, я сел на пень и увидел, что огонь разгорелся вовсю и теперь уже ничто не может спасти коровник. С шумом рвалось пламя, густой столб дыма подымался на небо.

Возвращаясь домой, я зашел в лавку. Алф был там, но для человека, у которого только что сгорел коровник, у него был слишком довольный вид.

Очень скоро я понял, почему он такой довольный.

– Я застраховал коровник, – сказал он хозяину магазина Берту Джонсу, – застраховал до последнего гвоздика. Коровник был слишком велик, мне такой не нужен. Когда я строил его, то рассчитывал, что стадо будет побольше.

Берт хихикнул:

– Нагрел ты руки на пожаре, Алф!

– Такого везения у меня еще не бывало. Я построю новый коровник, да еще деньжата останутся.

Мне было досадно, что все так вышло, но я не терял надежды расквитаться с Алфом.

После полдника я пошел на луг Алфа и отыскал быка. Он обрадовался мне, хотя и рыл землю копытом и громко ревел – хотел себя показать. По дороге я все думал, смогу ли разговаривать с быком так, как разговаривал с Баунсом. Я боялся, что ничего не получится: ведь Баунс намного смысленнее быка.

И конечно же, я оказался прав. Втолковать что-либо быку было ужасно трудно.

Зря я стал чесать у него за ушами – он закрыл глаза и почти заснул. Я чувствовал, что это ему приятно. Тогда я растормошил быка, ткнул кулаком в бок. Он расшевелился и даже пробормотал что-то в ответ. Очень эти быки неразговорчивы.

Но я был уверен, что он понял меня как следует, – он вдруг так расшвирился и разбушевался, что меня даже страх взял, не перестарался ли я. Я едва успел добежать до забора и перемахнуть через него. Домчавшись до забора, бык снова стал рыть землю копытами и так заревел, что меня как ветром сдуло.

Я вернулся домой очень довольный собой. Я ничуть бы не удивился, если бы услышал в тот же вечер, что Алфа покалечил его собственный бык. Что ж, так Алфу и надо: разве приятно, когда у тебя зажиливают заработок!

Когда кто-то принес известие о том, что случилось, я как раз был в клубе. Кто-то вспомнил, как Алф всегда говорил, что ни одному быку нельзя доверять. Еще кто-то добавил, что Алф часто говорил, будто только я могу управляться с его быком, и он все время опасался, как бы бык не убил меня.

Меня тоже спросили, что я думаю о случившемся. Но я притворился, будто двух слов связать не могу, и все смеялись надо мной, но мне было все равно. Я знал то, чего не знали они. Воображаю, как удивились бы они, узнав правду!

Но они ее, конечно, не узнают.

Не такой уж я простак.

Придя домой, я достал блокнот с карандашом и стал писать имена всех моих врагов, всех, кто хоть раз посмеялся надо мной, навредил мне или плохо говорил обо мне.

Список получился довольно длинный. Он включал почти всех в деревне.

Я подумал и решил, что, может быть, не стоит убивать всех. Я бы, конечно, сделал это запросто. Но, думая об Алфе и банкире Пэттоне, я понял, что от гибели людей, которых ненавидишь, радости мало. И еще мне было ясно как день, что, поубивав всех, можно остаться совсем одному.

Я перечитал список. Два имени у меня вызвали сомнение, и я вычеркнул их, потом еще и еще... Просмотрев список еще раз, я все-таки подумал, что все оставшиеся в нем люди плохие. Я решил, что если не уничтожу их, то что-нибудь сделаю с ними, потому что нельзя позволить им оставаться плохими.

Долго я думал о дурном и хорошем, вспоминал, что слышал об этом от проповедника Мартина. А он большой мастак на всякие такие разговоры. И я решил в конце концов, что с ненавистью к врагам мне надо кончать. Лучше платить добром на зло.

Утром я так торопился, что буквально проглотил завтрак. Мама спросила, куда я собираюсь, и я ответил, что хочу прогуляться.

Сперва я пошел к дому приходского священника и уселся за церковной оградой. Вскоре из дому вышел проповедник Мартин. Он стал прохаживаться взад и вперед по своему, как он говорил, саду и делал вид, будто погружен в благочестивые размышления. Правду сказать, мне всегда казалось, что он делает это для того, чтобы произвести впечатление на наших старушек.

Очень легко я соединился с его разумом, и так тесно, что мне показалось, будто не он, а я сам прохаживаюсь по саду. И, скажу я вам, странное это было ощущение: я ведь превосходно знал, что сижу за оградой.

Благочестивых размышлений у проповедника Мартина в голове и в помине не было. Он, оказывается, обдумывал доводы, которые собирался привести на приходском совете, чтобы ему повысили жалованье. Он мысленно осыпал проклятиями некоторых членов совета за их скупость, и я согласился с ним, потому что они и в самом деле скряги.

Я заставил его подумать о том, что прихожане верят ему и видят в нем своего духовного наставника. Я заставил его вспомнить о том, как в молодые годы, только что окончив семинарию, он считал, что жизнь – сплошное подвижничество. Я внушил ему мысль, что он предал все то, во что верил тогда, и довел его до такой степени самоуничтожения, что он чуть не разрыдался. Тогда я заставил его прийти к выводу, что спастись можно, лишь покайся и начав другую, праведную жизнь.

Решив, что неплохо поработал над проповедником, я пошел дальше. Но я знал, что время от времени мне придется еще проверять проповедника Мартина.

Я зашел в лавку, сел и понаблюдал, как Берт Джонс подметает пол. Пока мы с ним разговаривали, я пробрался к нему в разум и напомнил ему, что он сплошь и рядом платит фермерам за яйца меньше положенного. Заставил я его вспомнить и о привычке приписывать лишнее в счетах, которые он посылает покупателям, берущим в кредит, и о жульничестве с подходящим налогом. При мысли о подходящем налоге он перепугался, а я продолжал обработку, пока не почувствовал, что он почти решил возместить убытки всем, кого обманывал. На этом я ушел из лавки, уверенный, что могу вернуться в любое время и сделать из Берта честного человека.

В парикмахерской я понаблюдал за Джейком, который кого-то подстригал. Меня не очень интересовал человек, которого стриг Джейк: он жил милях в пяти от нас, а я решил пока обрабатывать жителей только нашей деревни.

Когда я уходил, Джейк уже горько раскаивался в том, что увлекается азартными играми в клубе. Он был готов во всем чистосердечно признаться жене.

Я направился в клуб. Майк сидел в углу и читал в утренней газете отчет о бейсболе. Я взял вчерашнюю газету и сделал вид, что тоже читаю. Майк засмеялся и спросил, когда это я научился читать. За это ему, конечно, здорово достанется. Я знал, что стоит мне выйти за дверь, как он помчится в подвал и спустит весь запас самогона в канализацию, а немного погодя, когда я еще поработаю над ним, прикроет азартные игры в задней комнате клуба.

На сыроварне, куда я пошел, у меня не было возможности поработать над Беном. Фермеры везли молоко, и Бен был слишком занят, чтобы я мог по-настоящему пробраться к нему в голову. Но я все-таки заставил его подумать о том, что случится, если парикмахер Джейк когда-нибудь застанет его со своей женой. И я знал, что, как только мы останемся с ним одни, я его обработаю как миленького: он ведь очень труслив.

Так вот все и шло.

Это была тяжелая работа, и порой мне хотелось бросить ее. Тогда я напоминал себе, что это мой долг, ведь недаром мне дана такая власть. Значит, надо сделать все, что от меня зависит. Кроме того, я должен применять ее не в своих эгоистических интересах, а только на благо других людей.

Кажется, я обработал в нашей деревне всех до единого.

С тех пор как Берт исправился, он стал самым счастливым человеком на свете. Его не тревожит даже потеря покупателей, которые обиделись на него, узнав, что он обжуливал их. Он рассказал им все, когда возвращал деньги. Я не знаю, как поживает Бен: он исчез сразу же после того, как Джейк стрелял в него. Все в один голос говорят, что Бен перестарался, попросив у Джейка прощения за то, что крутил с его женой. Впрочем, жена Джейка тоже исчезла. Говорят, она ушла с Беном.

По правде говоря, я очень доволен тем, как все получилось. Все стали честные, не жульничают, не пьянствуют, не играют в азартные игры. Мэплтон, наверное, стал самой праведной деревней в Соединенных Штатах.

Я думаю, все это вышло потому, что начал я с искоренения собственных дурных мыслей, и, вместо того чтобы поубивать всех, кого ненавидел, я превратил их в хороших людей.

Когда вечерами я хожу по улице, меня удивляет одно: почему это у людей все меньше становится светлых мыслей? Порой приходится трудиться весь вечер, чтобы развеселить их.

Казалось бы, честные люди должны быть счастливыми. Ведь, по-моему, теперь они не плохие, а хорошие, теперь они не убивают время на легкомысленные развлечения, а заняты разумными, серьезными делами.

Только о себе вот немного беспокоюсь. Я сделал много добра, но, наверно, руководствовался эгоистическими побуждениями. Хотел искупить убийство Алфа и банкира Пэттона. Кроме того, я делал добро не людям вообще, а тем, кого знаю лично. Наверно, это неправильно. Почему я должен помогать только знакомым?

Я провел ночь в раздумьях, и теперь мне все стало ясно.

Приняв решение, я чувствую себя одновременно и могучим, и робким. Я знаю, что призван творить добро, и меня ничто не остановит. Я знаю, что деревня была всего лишь пробным камнем: здесь я познал, на что способен. И теперь я намерен осчастливить все человечество.

Мама уже давно копит деньги на приличные похороны.

Я знаю, где она их прячет.

Этого мне хватит, чтобы добраться до ООН. Там я развернусь всюю!

Нечисть из космоса

Газета с красочным описанием самых последних из множества кошмарных событий, которые разыгрались на Земле за последние шесть месяцев, отправилась в печать. Заголовки кричали о том, что Шесть Углов, крошечная деревушка в Пенсильвании, была уничтожена Кошмаром. Еще одна статья на первой полосе рассказывала об Ужасе в долине Амазонки, который заставил напуганных туземцев уйти вниз по течению реки. Другие статьи повествовали о случившихся там и сям смертях, в которых винили «Черный Ужас», как его называли.

Зазвонил телефон.

– Слушаю, – отозвался редактор.

– Вас вызывает Лондон, – послышался в трубке голос телефонистки.

– Соединяйте.

Он узнал Терри Мастерса, специального корреспондента. Трансатлантическая телефонная линия совсем не исказила его голос.

– Ужас всюду нападает на Лондон, – сообщил Мастерс. – Их тысячи, и они полностью окружили Лондон. Все дороги перекрыты. Полчаса назад правительство объявило в городе военное положение. Предпринимаются попытки организовать сопротивление врагу.

– Секундочку! – крикнул в трубку редактор.

Он нажал кнопку на столе, и через секунду ответный звонок подтвердил, что печатный цех на связи.

– Остановите машины! – в переговорную трубу приказал редактор. – Даем другой материал на первую полосу!

– Хорошо, – слабо донеслось из трубы, и редактор вернулся к телефону.

– А теперь давайте, – сказал он, и голос на том конце провода забубнил, рассказывая историю, которую еще через полчаса прочитал весь мир и содрогнулся в леденящем страхе, проглядывая сенсационные заголовки.

– Вудс, – велел редактор «Пресс» корреспонденту, – поезжайте и поговорите с доктором Сайлесом Уайтом. Он позвонил мне и попросил кого-нибудь прислать. Это как-то связано с Ужасом.

Генри Вудс без единого слова поднялся из кресла и вышел из кабинета. Когда он проходил мимо телеграфного аппарата, тот со сводящей с ума методичной медлительностью выстукивал историю падения Лондона. Всего полчаса назад с него сошли «молнии» о нападении на Париж и Берлин.

Вудс вышел на улицу, запруженную перепуганными представителями человеческого рода. Шесть месяцев Кошмара, многочисленных загадочных смертей, истребления деревень, довели землян до ручки. Теперь, когда Ужас завладел Лондоном, а Париж и Берлин отчаянно боролись за жизнь, весь мир обезумел от страха.

На каждом углу проповедники вещали о конце света, приписывая Ужас воле Всевышнего, разгневанного всеобщей греховностью, и убеждали людей готовиться к вечности.

Ежесекундно ожидая нападения Ужаса, люди бросали работу и собирались на улицах. Местами движение было парализовано по многу часов, практически никакие правила не действовали. Торговля и транспорт пришли в упадок: насмерть перепуганные люди бежали из крупных городов, безуспешно пытаясь укрыться в сельской местности от смерти, которая шествовала по стране.

Из громкоговорителя на фасаде магазина музыкальных инструментов несся экстренный выпуск последних известий.

– Стало известно, – размеренно читал диктор, – что примерно десять минут назад прекратилось всякое сообщение с Берлином. В Париже отчаянные попытки обуздать Ужас оказались напрасными. Взрывчатые вещества раздирают его на части, но не уничтожают. Ужас разлетается и тут же воссоединяется снова – не всегда в той же форме, что и прежде. Новый газ, один из наиболее ядовитых, созданных человечеством, не оказал на этих существ никакого воздействия. Электрические и тепловые пушки не возымели совершенно никакого эффекта.

В экстренном сообщении, которое нам только что передали из Рима, говорится, что многочисленный Ужас был замечен с воздуха к северу от города. Похоже, в первую очередь они нападают на столицы крупнейших стран мира. Из Вашингтона пришло сообщение, что к городу подтянуты все известные оборонительные средства. Нью-Йорк также готовится к...

Генри Вудс проталкивался сквозь толпу, топчущуюся перед громкоговорителем. Гул возбуждения постепенно сменялся молчанием – немотой оглушенных людей, испуганным безмолвием толпы, столкнувшейся с силой, которую она не в состоянии понять. Осажденный мир с бесполезным оружием наперевес стоял перед врагом, которого никто не знал.

Корреспондент в отчаянии принялся оглядываться в поисках такси, но со вздохом покорности судьбе осознал, что ни одна машина не проехала бы в такой давке. Трамвай, увязший в потоке людей, которые теснились и толкались вокруг него, стоял неподвижно – как символ поражения.

Похоже, единственный из необъятного моря охваченных страхом мужчин и женщин, у кого была четкая цель, газетчик принялся прокладывать себе дорогу сквозь толпы, запрудившие улицы.

– Прежде чем перейти к сути дела, – полчаса спустя говорил доктор Сайлес Уайт, – давайте сперва еще раз вспомним все, что нам известно об этом так называемом Ужасе. Расскажите-ка мне точно, что вы о нем знаете.

Генри Вудс беспокойно заерзал на стуле. Почему старый дурак не перейдет прямо к делу? Шеф голову оторвет, если этот материал не успеет в очередной номер. Он украдкой бросил взгляд на циферблат. В запасе еще почти час. Может быть, у него все-таки получится. Если бы только этот старый гриб перестал ходить вокруг да около!

– Мне известно ровно столько же, – признался он, – сколько и всем остальным.

Пронзительные глаза седого ученого пробуравили газетчика.

– Что именно?

Ничего не напишешь, со вздохом подумал Генри. Придется плясать под дудку старого хрыча.

– Насколько нам известно, – начал он, – Ужас появился на Земле приблизительно шесть месяцев назад.

Доктор Уайт одобрительно кивнул.

– Вы весьма точно формулируете факты, – заметил он.

– То есть?

– Вы говорите «насколько нам известно».

– Ну и что из этого?

– Потом поймете. Продолжайте, пожалуйста.

Газетчику вдруг пришла в голову смутная мысль, что непонятно, кто у кого берет интервью: он у ученого или ученый у него.

– Впервые об их появлении стало известно, – продолжил Вудс, – ранней весной. Тогда они уничтожили небольшую деревушку в провинции Квебек. Все ее обитатели, за исключением горстки спасшихся бегством, были обнаружены мертвыми – кто-то убил их и обглодал. Создавалось впечатление, что людей сожрали дикие звери. Беженцы были сами не свои от

страха и лопотали что-то о черных теньях, которые посреди ночи напали из темного леса на их деревушку.

Следующее упоминание о них появилось примерно неделю спустя: в сельской глуши где-то в Польше они убили и сожрали обитателей нескольких хуторов. В течение еще одной недели было уничтожено множество деревень практически во всех странах мира. Из глубинки приходили слухи об убийствах, творящихся под покровом ночи, о мужчинах и женщинах, получивших ужасные увечья, о забитом скоте, о домах, разгромленных какой-то неведомой титанической силой.

– Сначала они появлялись только ночью, а потом, похоже, осмелели и начали нападать даже среди бела дня, причем их стало больше.

Газетчик умолк.

– Вы это хотели услышать? – спросил он.

– Это только часть, – отозвался доктор Уайт, – но далеко не вся информация. Как выглядит Ужас?

– Вот с описанием уже сложнее, – сказал Генри. – Судя по сообщениям, они имеют самый разнообразный вид. Одни большие, другие маленькие. Одни похожи на животных, другие – на птиц или рептилий, третьи принимают самый жуткий облик, какой только может породить воображение существа, обитающего в мире, совершенно чуждом нашему.

Доктор Уайт поднялся, прошелся по комнате и встал напротив журналиста.

– Молодой человек, – спросил он, – а вы сами допускаете, что Ужас пришел к нам из совершенно чуждого мира?

– Не знаю, – ответил Генри. – Мне известно, что некоторые ученые полагают, будто они прилетели к нам с какой-то другой планеты – возможно, даже из какой-то другой солнечной системы. Во всяком случае, на Земле никогда еще не было ничего подобного. Они всегда угольно-черного цвета и словно состоят из вещества, напоминающего деготь, – ну, знаете, такие липкие на вид, брр. Имеющееся в распоряжении людей оружие не причиняет им никакого вреда. Взрывчатку против них применять без толку, реактивные снаряды тоже. Они преспокойно проходят сквозь ядовитый газ и едкие химикаты и, похоже, получают от этого удовольствие. Хитроумные электрические преграды оказались бесполезными. Высокая температура этим тварям нипочем.

– Значит, вы тоже считаете, что они прилетели с другой планеты или даже из другой солнечной системы?

– Я не знаю, что и думать, – признался Генри. – Если они прибыли из космоса, у них должны бы иметься какие-то средства передвижения, но тогда наши астрономы засекли бы их задолго до приземления. Если эти средства передвижения маленькие, то их должно быть много. Если же транспорт один, то его размеры должны быть поистине грандиозными. Так или иначе, они не могли проскочить незамеченными. Ну, разве только...

– Разве только – что? – оживился ученый.

– Разве только они перемещались со скоростью света. Только в этом случае они остались бы невидимыми.

– Не просто невидимыми, – фыркнул Уайт, – а несуществующими.

Генри хотел было задать давно вертевшийся на языке вопрос, но старик его опередил.

– Вы можете представить себе четвертое измерение? – спросил он.

– Нет, не могу, – ответил Вудс.

– А предмет, у которого всего два измерения?

– Смутно.

Ученый хлопнул в ладоши.

– Вот теперь мы подходим к делу! – воскликнул он.

Генри Вудс пристально посмотрел на собеседника. Старый хрыч, должно быть, тронулся умом. Какое отношение измерения имеют к Ужасу?

– Вам что-нибудь известно об эволюции? – продолжал допрашивать газетчика Уайт.

– Кое-какое представление имею. Это процесс роста – своего рода лестница, по которой простые организмы карабкаются вверх, постепенно становясь более сложными.

Доктор Уайт хмыкнул и задал еще один вопрос:

– Известно ли вам что-нибудь о теории расширяющейся Вселенной? Вы замечали, что все, пребывающее в совершенном равновесии, имеет тенденцию выходить из-под контроля?

Генри медленно поднялся на ноги.

– Доктор Уайт, – сказал он, – вы позвонили в редакцию и сказали, что можете сообщить нам кое-что интересное. Я пришел, чтобы выслушать вас, но вы только и делаете, что задаете вопросы мне. Если у вас нет информации, которую стоит опубликовать в нашей газете, то я, пожалуй, пойду.

Доктор протянул руку, и Вудс заметил, что та слегка дрожит.

– Сядьте, молодой человек, – велел он. – Понимаю ваше нетерпение, но я как раз подошел к сути моего дела.

Газетчик повиновался.

– Я разработал гипотезу, – снова заговорил доктор Уайт, – и провел несколько экспериментов, которые, похоже, ее подтверждают. Предполагая, что гипотеза верна, я ставлю на кон свою репутацию. И не только ее, но еще и жизни нескольких отважных людей, всецело верящих в меня и мою теорию. Откровенно говоря, это не самое главное, ведь если я ошибусь, мир обречен, а если окажусь прав, он будет спасен от полного уничтожения.

Вам никогда не приходило в голову, что наши эволюционисты могли ошибаться, что лестница эволюции ведет вниз, а не вверх? Теория расширяющейся Вселенной, мнение, что все сущее, выбитое из равновесия потерей энергии и прищипориваемое вселенскими катастрофами, движется к тому времени, когда все придет в упадок и космическое пространство будет заполнено клубящейся пылью разрушившихся миров, подтверждают такую точку зрения.

Сказанное не относится к человеческому роду. Без сомнения, наша эволюция направлена вверх: мы произошли от одноклеточных тварей, копошившихся в иле первобытных океанов. По тому же принципу, возможно, развивались и тысячи других разумных видов на дальних планетах других галактик. Однако эти примеры идут вразрез с основной эволюционной тенденцией всего космоса и являются всего лишь случайными отклонениями от общего курса космической эволюции, которая на фоне вечности не более чем доля секунды на фоне миллиона лет.

Итак, отбросив эти варианты как несущественные, будем считать, что космическая эволюция движется не в восходящем, а в нисходящем направлении: не от простого к сложному, а, наоборот, от сложного к простому.

Допустим, жизнь и разум дегенерировали. Как определить, что такая дегенерация имела место? В чем она могла проявиться? Какие изменения претерпевала бы жизнь, переходя от одной стадии к другой? Какова была бы природа этих стадий?

Ученый, сверкая глазами, подался вперед в своем кресле. Газетчик ответил просто:

– Понятия не имею.

– Господи! – воскликнул старик. – Да неужели вы не понимаете, что дело в измерениях? Из четвертого измерения в третье, из третьего во второе, из второго к первому, из первого к сомнительному существованию или уровню, который находится за рамками нашего понимания, или, быть может, к забвению и концу жизни. Почему бы четвертому измерению не возникнуть из пятого, пятому – из шестого, шестому – из седьмого... и так далее – вплоть до бог знает какого измерения?

Доктор Уайт помолчал, чтобы дать собеседнику возможность осознать всю важность его утверждений. Однако Вудс не оправдал возложенных на него надежд.

– Но какое отношение это все имеет к Ужасу? – спросил он.

– У вас что, совсем нет воображения? – возмутился старик.

– Ну, не знаю... По-моему, есть. Но я все равно не понимаю.

– Мы имеем дело с вторжением существ из четвертого измерения, – прошептал старик с таким видом, как будто опасался говорить вслух. – На нас напала форма жизни, которая стоит на лестнице эволюции на одно измерение выше, чем мы. Говорю вам, мы сражаемся с ордой нечисти из космоса, по уровню интеллекта неизмеримо превосходящей людей. В том, что касается знания, между нами лежит пропасть столь широкая и глубокая, что поражает воображение. Они смотрят на нас как на животных, если не на кого-нибудь похуже. Для них мы просто корм, нечто пригодное в пищу, как для нас – овощи, злаки и мясо домашних животных. Быть может, они долгие годы следили за развитием человеческой расы, видели, как разрастается жизнь в нашем мире, и щелкали своими чудовищными челюстями в предвкушении удовольствия. Они дождались, пока стол будет накрыт должным образом, и теперь пируют.

Их мысли и идеалы в корне отличаются от наших. Возможно, у нас с ними вообще нет ничего общего, за исключением первичной основы всякой жизни: инстинкта самосохранения и необходимости питаться.

Возможно, они пришли сюда по собственной воле. Я предпочитаю думать так. Может быть, они лишь следуют за естественным ходом событий, повинуются какому-то непреложному закону, установленному неизвестным нам высшим существом, которое присматривает за космосом и решает, кто или что имеет право на существование, а кто или что – нет. Если это так, значит в мои рассуждения вкралась ошибка, ибо я полагал, что жизнь каждого уровня дегенерирует вместе с самим уровнем, что этот уровень подчиняется тем законам эволюции, которые управляют жизнью на нем. Я совершенно убежден, что это вторжение – хорошо спланированная кампания, что какая-то раса из четвертого измерения нашла способ пробиться сквозь пелену силы, отделяющей ее уровень от нашего.

– Но почему вы уверены, что эти существа четырехмерны? Я не вижу в них ничего такого, что предполагало бы наличие дополнительного измерения, – возразил Генри Вудс.

– Ну разумеется, они трехмерны. Иначе они не смогли бы жить в нашем трехмерном мире. Те двухмерные объекты, которые известны нам, только иллюзии, проекции третьего измерения. Как тени. На одном конкретном уровне не могут сосуществовать разные измерения.

Чтобы напасть на нас, им пришлось бы расстаться с одним измерением. Очевидно, они это сделали. Можете представить, какой несусветной глупостью с вашей стороны была бы попытка напасть на двухмерный объект. Для вас он не имел бы массы. То же верно и для других измерений. И еще. Существо с любого уровня не может причинить вред обитателю более высокого уровня. Совершенно очевидно, что, хотя Ужас утратил одно материальное измерение, он тем не менее сохранил определенные качества четвертого измерения. Они-то и делают его неуязвимым для всех средств воздействия, которыми мы располагаем на нашем уровне.

Теперь газетчик, затаив дыхание, сидел на краешке кресла.

– Но если все так, то у нас нет никакой надежды. Что мы можем сделать с этими тварями? – едва слышно спросил он.

Доктор Уайт придвинул свое кресло ближе, и его пальцы яростно стиснули колено собеседника.

– Мальчик мой! – В голосе ученого слышался боевой задор. – Мы должны нанести им ответный удар. И сделаем это! Мы вторгнемся на четырехмерный уровень этой нечисти!

Генри Вудс вскочил на ноги.

– Как? – вскрикнул он. – Вы что, нашли?..

Доктор Уайт кивнул:

– Я нашел способ переместить трехмерный уровень в четвертое измерение. Идемте, я вам кое-что покажу.

Машина была огромной, но производила впечатление несложной конструкции: стоящий вертикально большой параллелепипед из какого-то странного черного металла и примыкавшие к нему со всех сторон параллелепипеды поменьше. На верхушке большого параллелепипеда была установлена полусфера из какого-то странного вещества, показавшегося Генри похожим на матовое стекло. На одной стороне большого параллелепипеда имелся пульт управления – с виду относительно простой: рычаг, длинная стеклянная панель, две вертикальные трубки и три циферблата.

Рядом с сооружением из пяти параллелепипедов на полу лежал обточенный до выпуклости диск из прозрачного материала, сквозь который проглядывала замысловатая путаница проволочной сетки.

Прямо над ним с потолка свисал еще один диск, но его выпуклость была более выраженной.

Провода соединяли диски между собой и тянулись от них к прямоугольной машине.

– Суть в том, чтобы правильно применить две силы: электрическую и силу тяжести, – гордо пояснил доктор Уайт. – Надлежащим образом приложенные, они преобразуют трехмерный уровень в четырехмерный. Чтобы вернуть объект на трехмерный уровень, используется обратный процесс. Принцип работы машины...

Доктор Уайт едва не пустился в пространные объяснения, но взгляд на часы сказал Генри, что номер вот-вот отправят в печать, и газетчик не позволил старику уйти далеко в сторону от темы.

– Секундочку, – сказал он. – Вы предлагаете отправить существо из третьего измерения в четвертое? Но разве оно сможет там находиться? Вы сами только что сказали, что на каждом конкретном уровне может существовать лишь одно измерение.

– Вы ничего не поняли, – рявкнул доктор Уайт. – Я не отправляю объект из третьего измерения в четвертое, а превращаю трехмерное существо в четырехмерное. Я добавляю измерение – и существо автоматически перемещается на другой уровень. Я обращаю эволюцию вспять. Третье измерение, в котором мы сейчас существуем, миллионы эр назад развилось из четвертого. Я отправляю объект назад, через эти миллионы эр, на уровень, сходный с тем, на котором неизмеримо давно обитали его предки.

– Но господи боже мой, почему вы так уверены в успехе?

Глаза доктора блеснули, и он потянулся к звонку.

Слуга появился почти мгновенно.

– Приведите собаку, – рявкнул старик.

Слуга исчез.

Доктор Уайт повернулся к Генри:

– Молодой человек, сейчас вы поймете, почему я убежден в успехе эксперимента. Я уже отправлял кошек и собак в четвертое измерение и благополучно доставлял их в эту комнату. А теперь продемонстрирую вам, как это происходит. Уверю вас, то же самое я могу делать и с людьми.

Появился слуга с маленькой собачкой на руках.

Ученый подошел к пульта управления странной машиной.

– Давайте, Джордж, – сказал он.

Слуга, очевидно, уже давно работал со стариком и без объяснений понял, что от него требуется. Он подошел вплотную к диску на полу и замер. Собака тихонько заскулила, словно почувствовав что-то неладное.

Старый ученый медленно повернул рычаг вправо, и в то же мгновение комнату наполнил слабый гул, мгновенно превратившийся в оглушительный рев, едва только Уайт поднял рычаг. С обоих дисков ударили странные снопы голубого света, которые пересеклись посередине и образовали светящуюся фигуру в форме песочных часов.

Свет не переливался и не сверкал. Он казался резким и колючим, и Вудс ощутил невероятную мощь, исходящую от странных голубых лучей. Как сказал старик? Превратить существо из третьего измерения в существо из другого измерения? Да, тут без силы не обойтись.

Под его изумленным взглядом слуга шагнул вперед и бросил собачку прямо в сноп света. Буквально на миг мелькнув в прозрачном голубом потоке, несчастное создание исчезло.

– Смотрите в шар! – закричал старик.

Генри вскинул глаза к полусфере на верхушке машины...

И ахнул.

Внутри шара, в самом его матовом сердце, светилась картина, от которой голова у Вудса пошла кругом. Ни один человек не смог бы вообразить то, что предстало глазам газетчика. Это было искаженное изображение причудливого пейзажа, подобный которому едва ли существовал на земле.

– Четвертое измерение, сэр, – пояснил слуга.

– Нет, – поправил его старик. – Это только трехмерный образ четвертого измерения – всего лишь проекция, тень, дающая нам представление о четвертом уровне.

Черное пятно начало медленно затягивать пейзаж. Мало-помалу оно обрело определенную форму. Это озадачило репортера. Пятно казалось знакомым и было живым – оно двигалось. Вудс готов был поклясться, что уже где-то видел его.

– А это, сэр, та самая собака, – отважился заметить Джордж.

– Была собака, – снова поправил его доктор Уайт. – Один бог знает, во что она превратилась теперь.

Он обернулся к газетчику.

– Вам достаточно доказательств? – осведомился он.

Генри кивнул.

Ученый медленно потянул рычаг. Рев утих, свет померк, проекция внутри полусферы стала расплывчатой.

– Как вы собираетесь это использовать? – спросил газетчик.

– У меня есть девяносто восемь добровольцев, которые согласились, чтобы я спроецировал их в четвертое измерение, где они смогут разыскать существ, напавших на нас, и отплатить им тем же. Они отправятся туда через час.

– Где у вас телефон?

– В соседней комнате.

Репортер выскочил за дверь. Свет между двумя дисками совсем погас, и на нижнем появилась маленькая собачка. Сжавшись в комочек, она дрожала всем телом и тихонько покусывала.

Уайт приблизился к диску, поднял животное на руки и погладил по шелковистой головке.

– Хорошая собачка...

Маленькое существо прижалось к нему, постепенно успокаиваясь, уже начиная забывать то жуткое место, откуда только что вернулось.

– Все готово, Джордж? – спросил старик.

– Да, сэр. Люди рвутся в бой, – ответил слуга и добавил: – Если хотите знать мое мнение, ребята что надо.

– Это такие храбрецы, каких еще не видела земля, – мягко заметил ученый. – Каждый из этих искателей приключений часто смотрел в лицо опасности и ни разу не дрогнул. Прирожденные бойцы. Единственное, о чем я сожалею, – это о том, что не удалось набрать побольше им

подобных. Тысяча таких парней одержали бы верх над любым противником. Увы. Все остальные претенденты на участие в эксперименте оказались трусливыми глупцами. Они решили, что я выживший из ума старик, и смеялись мне в лицо. Мне! Единственному, кто стоит между ними и Ужасом и может спасти их от полного уничтожения. – Его голос взвился почти до крика, но потом снова вернулся к нормальному тону: – Быть может, я посылаю девяносто восемь отважных героев на верную гибель. Но искренне надеюсь, что это не так.

– Вы же в любую минуту можете вернуть их обратно, сэр, – заметил Джордж.

– Да-да, конечно, – не слишком уверенно пробормотал старик.

На пороге появился Генри Вудс.

– Когда мы начинаем? – осведомился он.

– Мы? – воскликнул ученый.

– Ну да. Неужели вы думаете, что я останусь в стороне? Боже, это же величайшая сенсация всех времен! Я собираюсь принять участие в этой экспедиции как специальный военный корреспондент.

– Они поверили? Они напишут об этом? – вскричал ученый, вцепляясь в рукав газетчика.

– Ну, редактор сначала отнесся скептически, но, после того как я поклялся всем, чем только мог, что это правда, согласился опубликовать материал. Только не рассчитывайте, что ради него задержат тираж.

– Этого я не ожидал. Я просто рискнул. И почти не сомневался, что они тоже надо мной посмеются.

– Так когда мы начинаем? – напомнил Генри.

– Вы говорите серьезно? Вы действительно намерены присоединиться к тем парням? – недоверчиво спросил старик.

– Еще как! Попробуйте меня остановить.

Доктор Уайт взглянул на часы.

– Мы начинаем ровно через тридцать четыре минуты.

– Десять секунд.

Джордж с часами в руках чеканил слова, и сама их рубленая четкость выдавала переполнявшее его волнение.

Голубой свет с шипением метался от диска к диску, комната содрогалась от грохота машины, перед которой стоял доктор Уайт. Он держался за рычаг и не сводил взгляда с приборов.

Люди, которым предстояло переместиться в другое измерение, чтобы разыскать там неведомого врага и сразиться с ним, выстроились в очередь перед диском. Возглавлял строй высокий мужчина с ручищами-кувалдами, обветренным лицом и всклокоченной копной волос. Следом за ним стоял маленький задиристый кокни. . . Генри Вудс был в очереди пятым. Кое-кто из пестрой компании искателей приключений, понимая, что в третьем измерении находиться им осталось не больше нескольких секунд, явно боялся. Все эти люди отозвались на загадочное объявление, весьма приблизительно представляя себе, что предстоит делать, однако бесстрашно согласились выполнить предложенную работу. Да, для них это была работа, пусть и чудная. И они взялись за нее, как брались в своей жизни за другие, столь же опасные, хотя и не столь необычные.

– Пять секунд, – отрубил Джордж.

Теперь рычаг был поднят. В молочной дымке полусферы показался чудовищно искаженный пейзаж. Свет стал резким, колючим, шипение превратилось в визг. Машина равномерно грохотала, производя впечатление чудовищно мощного устройства.

– Время!

Высокий мужчина шагнул вперед. Его нога ступила на диск. Второй шаг – и его окутал голубой свет, третий – и человек исчез. Маленький кокни последовал за ним.

Чувствуя, что вот-вот сдадут нервы, Генри двинулся следом за четвертым мужчиной. Ему было смертельно страшно, хотелось выскочить из очереди и убежать куда глаза глядят – подальше от этого холодного, равнодушного света. На его глазах три человека вошли в перекрестье голубых снопов, замерцали – и словно испарились. На диск ступил четвертый.

На лбу у Вудса выступил холодный пот. Словно робот, он поставил ногу на диск. Номера четвертого уже и след простыл.

– Давай живей, приятель, – рявкнул за его спиной следующий доброволец.

Генри шагнул, споткнулся о край диска и полетел головой вперед в колонну света.

Его объял жгучий жар, в следующий же миг сменившийся столь же обжигающим холодом. Словно чья-то великанская рука вдруг на секунду придавила Вудса к диску, а потом ему показалось, что тело расширяется, взрывается и, разлетаясь на части, уносится в разные стороны...

Он ощутил твердую почву под ногами, широко раскрыл глаза и увидел чужую землю – окрашенный в мрачные тона край безбрежных серых пустошей и нависающих черных утесов. В раскинувшемся перед ним пейзаже было что-то неправильное – нечто неосоздаемое, трудно-определимое.

Он огляделся вокруг, ожидая увидеть остальных. Никого! Он был совершенно один в этом унылом, безрадостном краю. Случилось что-то ужасное! Неужели только он благополучно добрался из третьего измерения? Неужели произошла какая-то жуткая авария? И он теперь один?

Его охватила внезапная паника. Если что-то случилось, если все остальные где-то в другом месте, не получится ли так, что машина не сможет вернуть его обратно, в его собственное измерение? Что, если теперь он обречен вечно торчать на этом ужасном четвертом уровне?

Он взглянул на свое тело и смятенно вскрикнул.

Нет, эта нелепая карикатура, кошмарный, омерзительный комок плоти, нечто вроде фантазмагорического чудища, подсмотренного в снах умалишенного, не могла быть его телом!

Однако это уродство существовало наяву. Руки – хотя на самом деле появившиеся на их месте придатки были лишь чем-то сродни рукам, служили для тех же целей, что и руки в третьем измерении, – сказали ему то же самое. Он стал существом четвертого измерения, но его четырехмерный мозг еще не перестроился полностью на четырехмерные мысли и продолжал цепляться за непокорные остатки прежнего, трехмерного мышления. Он пока что не владел своими четырехмерными глазами и видел все, что его окружало, сквозь мутную призму миллионов эр трехмерного существования. Да, картина была намного отчетливее, чем в полусфере в лаборатории доктора Уайта, но он не сможет ясно разглядеть ее, пока разум окончательно не избавится от влияния третьего измерения. А на это, вероятно, потребуется время.

Он ощупал свое непривычное тело придатками-руками и обнаружил бугры перекачивающихся мышц, мощные сухожилия, крепкую, упругую плоть. Ощущение здоровья нахлынуло на него, и он заурчал, как животное – как животное с этого кошмарного четвертого уровня.

Но ужасные звуки, сорвавшиеся со слюнявых губ, издавал не он, а голоса множества людей.

И только тогда до него наконец дошло, что он вовсе не один. Здесь, в этом уродливом теле, сосредоточились тела, разум, сила и дух всех остальных девяти восьми участников эксперимента. В четвертом измерении все миллионы трехмерных объектов составляли единое целое. Возможно, часть третьего измерения, называемая Землей, развилась – или выродилась? – из какого-то фрагмента распадающегося четвертого измерения. Вернувшись на четвер-

тый уровень, третье измерение автоматически подчинилось загадочным законам эволюции и приняло форму уровня-прародителя, невообразимо далекого от расы его потомков. Он больше не журналист Генри Вудс, а сущность, которая в незапамятные времена произвела на свет третье измерение. И он не один, ибо включает в себе тела и души других сынов этой древней сущности.

Он почувствовал, что растет, ощутил, как тело увеличивается в размерах и наполняется жизненной силой тех, кто бросился в колонну света в лаборатории, чтобы вернуться сюда и слиться с ним воедино.

Впрочем, тело не принадлежало единолично *ему*. Разум был не только *его* разумом. Отныне это местоимение относилось к общей сумме всех добровольцев, согласившихся на эксперимент доктора Уайта.

Внезапно его охватило новое чувство – ощущение завершенности, превосходной физической формы. Он понял, что последний из девяноста восьми человек ступил на диск и все они сейчас собрались здесь, в этом исполинском теле.

Теперь его зрение прояснилось. Подробности пейзажа, ускользнувшие от его внимания прежде, теперь стали узнаваемыми. Ужасные мысли мелькали в мозгу – тяжелые, мрачные, черные мысли. Пейзаж начал казаться ему знакомым, уже когда-то виденным, родным. Явления, представившиеся бы невыносимыми разуму из третьего измерения, воспринимались как самые обычные. Он наконец-то обрел четырехмерное зрение, в мозгу роились четырехмерные мысли.

В сознание просочились воспоминания, и его наполнили видения: мрачные пещеры, озаренные адским пламенем, безбрежные моря, безжалостно швыряющие волны высотой в милю, на утесы что вздымаются к нависшим небесам. Он вспомнил бурю пустыню, усеянную алыми валунами, серебристые скалы из поблескивающего, как металл, камня. И где-то в глубинах памяти возникло вдруг что-то еще – смутно знакомое ощущение, в котором смешались ненависть, всепоглощающая страсть и жгучая жажда крови какого-то другого существа.

Он больше не был составным организмом, сложенным из обитателей третьего измерения, а превратился в существо с другого уровня, сжигаемое страстной ненавистью и непреодолимым желанием отомстить. И внезапно он понял, кто и почему всколыхнул в его душе эти чувства. Осознал и то, что существо, на которое они направлены, где-то рядом. Громадные кулачищи сжались и вновь расправились.

Каким образом это стало ему понятно? Быть может, благодаря некоей способности, присущей обитателям высшего уровня, но совершенно не свойственной землянам? Впоследствии он не раз задавался этим вопросом, однако в тот миг знал лишь, что где-то совсем рядом бродит заклятый враг, и не пытался отыскать источник этой уверенности.

Бормоча что-то на наречии, которое существо из третьего измерения сочло бы полной бессмыслицей, пылая яростью, которая красной пеленой застилала сознание, он зашагал по склону к бесплодной равнине, и от великанских шагов, неуклонно приближавших его к цели, содрогалась земля.

У подножия холма он остановился, и из горла вырвался вызывающий рык, заставивший покачнуться утесы вокруг пустоши. Скалы, словно передразнивая, эхом отразили угрожающий рев.

И снова он взревел, изливая в этом звуке жгучее презрение к врагу, который рыскал где-то поблизости.

И снова скалы отразили его вызов, но на этот раз эхо, огласившее пустошь, утонуло в другом устрашающем вопле...

В дальнем конце пустоши появилась исполинская фигура. С гневным рычанием существо двинулось ему навстречу, неуклюже переставляя уродливые, бесформенные ноги. Несмотря на

ковыляющую походку, оно стремительно приближалось и одну за другой изрыгало чудовищные угрозы.

Совсем немного не дойдя до противника, великан остановился, и лишь тогда в его глазах забрезжило осознание.

– Ты Мал-Шафф? – проревел он на своем гортанном языке, и на безобразном лице отразились изумление и испуг.

– Да, я Мал-Шафф, – пророкотал незваный гость. – вспомни, Оуглат, тот день, когда ты уничтожил меня и мой уровень. Я вернулся, чтобы отомстить. Разгадал загадку, о которой ты даже не подозревал, и пришел. Ты, глупец, и вообразить не мог, что, послав своих приспешников кормиться на другой уровень, снова напал на меня. И я здесь затем, чтобы убить тебя.

Оуглат бросился на него, и тот, кто некогда был Генри Вудсом, газетчиком, и еще девятиностию восемью мужчинами, но теперь стал Мал-Шаффом из четвертого измерения, ринулся навстречу врагу.

Мал-Шафф ощутил силу Оуглата, почувствовал острую боль от удара гигантского кулака и взмахнул чудовищными руками, метя прямо в ухмыляющееся лицо противника. Его кулаки врезались в твердую плоть, и кости под ними затрещали и подались.

Ноздри Мал-Шаффа наполнились ужасным смрадом зловонного дыхания врага и его немывтого тела. Он качнулся на искривленных ногах, увернулся от мощного пинка и, бросившись вперед, ткнул оттопыренным большим пальцем сопернику в глаз.

Оуглат взвыл от боли и, нагнув голову, бросился на противника. Мал-Шафф отскочил назад, и его шишковатый кулак грозно выметнулся вперед, навстречу разъяренному врагу, чьи скрюченные пальцы тянулись к его горлу, а острые когти полосовали плечи. В отчаянии он ударил, и Оуглат кувырком отлетел в сторону. Одним стремительным шагом Мал-Шафф сократил разделявшее их расстояние и с размаху всадил кулак прямо в слюнявую пасть Оуглата. Яростно тесня еле держащегося на ногах врага, он молотил кулаками словно кувалдами. В конце концов Оуглат пошатнулся и ничком рухнул на песок.

Мал-Шафф кинулся на поверженного врага и наподдал ему когтистой ногой, безжалостно раздирая плоть. В этой схватке не было и речи об игре по правилам, о милосердии никто даже не заикнулся. Шла беспощадная битва не на жизнь, а на смерть; пощады быть не могло.

Поверженное чудовище взвыло, но вой оборвался: жуткие челюсти с острыми клыками сомкнулись на теле Мал-Шаффа, когти в поисках опоры впились глубоко в плоть.

Мал-Шафф, в сознании которого бушевал ошеломляющий вихрь странных эмоций, осыпал противника убийственными ударами, рвал и полосовал его когтями. Они катались по песку, словно два титана, схлестнувшиеся в поединке, и над местом смертельной битвы зависла густая туча пыли.

В отчаянии Оуглат, приложив всю свою силу до последней капли, разорвал хватку противника и отбросил его в сторону.

Два чудовища вскочили на ноги с налитыми малиновой яростью глазами и сквозь облако пыли буравили друг друга ненавидящими взглядами.

Рука Оуглата медленно подобралась к грозному черному цилиндру, висевшему на ремне у пояса. Уродливые пальцы обхватили оружие, и великан навел его на Мал-Шаффа. Губы его растянулись, и лицо исказила отвратительная ухмылка.

Сжав кулаки, Мал-Шафф наблюдал, как громадный палец врага медленно нажимает кнопку на цилиндре. Страх пригвоздил его к земле, в то время как на задворках сознания какой-то слабый голос тщетно пытался объяснить весь ужас непонятной штуки, которую держал в руках Оуглат.

Потом из цилиндра, словно винтообразный столб пара, вырвалась разноцветная спираль. Она со всего размаху ударила в грудь Мал-Шаффа, и в этот миг он заметил в красных глазах Оуглата мерзкую искру ликования.

Там, куда влетела спираль, зашипало, но ничего не произошло. Странно. Ведь он так боялся этого оружия и был уверен, что оно предвещает ужасную гибель, однако испытывал сейчас лишь ощущение легкого пощипывания.

Какую-то долю секунды Мал-Шафф стоял столбом, потом сорвался с места и, раскинув руки, двинулся на Оуглата. Из его горла полились жуткие звуки – речь обитателей четвертого измерения:

– Разве я не говорил тебе, подлый сын Саргоута, что разгадал загадку, о которой ты никогда не подозревал? Хотя ты давным-давно уничтожил меня, я вернулся. Бросай свое никчемное оружие. Я из низшего измерения и потому неуязвим для твоего орудия уничтожения. Ах ты, жирный...

Он разразился потоком мерзостей, которые никогда не могли бы прийти в голову существу из третьего измерения.

Оуглат, каждая черточка лица которого была искажена страхом, отшвырнул оружие и, развернувшись, неуклюже заковылял прочь по равнине.

Мал-Шафф бросился за ним.

Мал-Шафф уверенно нагонял Оуглата и, когда их разделяло всего несколько шагов, сумел ухватить врага за ноги.

Оба рухнули на землю, но падение заставило Мал-Шаффа разжать пальцы, и оба вскочили на ноги практически одновременно.

Пустошь огласил горловой рев, и между высокими утесами заметалось эхо. Теперь все решала только сила. От зубодробительных ударов, которыми обменивались противники, покрывалась синяками плоть и трещали кости. Когда сражающиеся бросались в нападение или пытались уйти от удара, массивные ноги оставляли в песке глубокие борозды. Кровь – кровь существ из четвертого измерения – покрывала тела обоих и окрашивала песок в свой жуткий оттенок. Пот струился ручьями, дыхание вырывалось прерывистыми толчками.

Мертвенное солнце ползло по пурпурному небу, а эти двое все еще бились друг с другом: Оуглат из древних и Мал-Шафф, возрожденный из мертвых. То была битва великанов, затмевавшая даже титанические схватки давным-давно позабытых богов и героев из тех времен, когда трехмерная Земля была еще юной.

Мал-Шафф не имел представления о времени. Их единоборство могло длиться и секунды, и часы. Казалось, прошла уже целая вечность. Он пытался сражаться по правилам, но у него ничего не вышло. В то время как одна часть его стремилась уклоняться от соперника, дожидаться, когда тот откроется, а до тех пор беречь силы, другая часть гнала его вперед, заставляла безостановочно молотить ненавистное чудовище, сошедшее с ним в схватке.

Создавалось впечатление, что Оуглат увеличивается в размере, становится более проворным, обретает все новые и новые силы. Его удары ранили все больше, а точно нанести удар по нему становилось все труднее.

Но Мал-Шафф, пригнув голову и неутомимо работая кулаками, упорно пытался достать врага. Казалось, чем сильнее и крупнее становится Оуглат, тем стремительнее слабеет и уменьшается в размерах он сам.

Это было очень странно. Оуглату тоже давно пора выдохнуться. Его удары должны бы сделаться менее точными, а движения медленными и неловкими.

Однако ничего подобного не происходило. Оуглат рос, несомненно черпая силы из какого-то загадочного источника. В его тело откуда-то текла свежая энергия. Но откуда?

Громадный кулак врезался в челюсть Мал-Шаффа. Его оторвало от земли, и через миг он уже летел по песку.

Отчаянно хватая ртом воздух, слишком измотанный, чтобы подняться навстречу врагу, который черной горой маячил за тучей пыли, Мал-Шафф вдруг понял, из какого источника

Оуглат пополняет запас сил. Он отзывал своих приспешников из третьего измерения! И те, возвращаясь в тело своего прародителя, вливали в него все новую и новую мощь!

Это конец, подумал Мал-Шафф, но через силу поднялся на ноги, чтобы отразить нападение своего исконного врага. С боевой песней на губах, неизмеримо древней зловещей песнью смерти, которая всплыла в его памяти сквозь туманную толщу бесчисленных тысячелетий, он нанес убийственный удар прямо в потрясенное лицо несущегося на него Оуглата...

Молочно-белая сфера на верхушке машины в лаборатории доктора Уайта сияла мягким светом, и внутри ее боролись две фигурки.

Перед машиной, не снимая рук с пульта, стоял доктор Сайлес Уайт. За спиной у него столпились журналисты и фотографы.

Уже несколько часов прошло с тех пор, как девяносто восемь человек – девяносто девять, считая Генри Вудса, – вошли в колонну пронзительного голубого света и были перемещены сквозь неизмеримую толщу времен на другой уровень существования. Все эти часы старый ученый простоял как истукан перед своей машиной, не сводя глаз с шара.

Окно было открыто, и с улицы доносился голос торговца газетами: «Пресс» опубликовала величайшую сенсацию всех времен. Телефон надрывался, и Джордж снял трубку. В дверь несколько раз позвонили. Старый слуга с бесстрастным выражением лица ввел в комнату журналистов, засыпавших его бесчисленными вопросами. Джордж отвечал кратко, не сообщая никаких подробностей. Репортеры едва не передрались за право воспользоваться единственным телефоном в доме и в конце концов стали тянуть жребий. Кое-кто побежал к соседям, чтобы позвонить от них.

Прибыли фотографы, засверкали вспышками и защелкали камерами. В комнате творилось нечто невообразимое. В те редкие мгновения, когда по телефону не разговаривал кто-нибудь из журналистов, аппарат заливался пронзительными трелями. Властные голоса требовали доктора Сайлеса Уайта. Джордж, не сводя взгляда с хозяина, ровным тоном отвечал, что доктор Сайлес Уайт занят и его нельзя беспокоить.

С улицы доносился гортанный шум тысяч голосов. Дом осаждали сотни охваченных страхом людей, и все взгляды были прикованы к окнам лаборатории доктора Сайлеса Уайта. Цепочки полицейских едва сдерживали напор толпы.

– Почему они так медленно двигаются? – спросил один репортер, глядя на полусферу. – Смотрите, еле шевелятся. Похоже на замедленную съемку.

– Это иллюзия, – ответил доктор Уайт. – По всей видимости, между нами и четвертым измерением существует разница во времени. Там оно должно течь медленнее. Возможно, причина в том, что четвертый уровень куда больше третьего. На самом деле те двое яростно сражаются. Это смертельная битва! Смотрите!

Гротескная рука одной из фигур в дымчатой полусфере медленно потянулась вперед и поползла, нацеленная в голову другой фигуры. Вторая фигура столь же медленно отклонилась в сторону – слишком медленно. Кулак продолжал неспешно двигаться в том же направлении и в конце концов коснулся головы, а тело нападающего плавно подалось в сторону противника. Голова другого странного существа неестественно извернулась, отклонилась назад, и оно неторопливо опрокинулось.

– Что говорит Уайт?.. Да неужели вы не можете выжать из него какое-нибудь заявление? Он молчит? Хорошенький же из вас репортер, если вы не способны развязать человеку язык. Спросите его о Генри Вудсе. Сочините репортаж о том, как Вудс вошел в голубой свет. Спросите Уайта, сколько еще это будет продолжаться. Черт побери, да сделайте же хоть что-нибудь! И не отрывайте меня от дел до тех пор, пока у вас не будет на руках настоящего материала! Да,

я сказал – настоящего материала! Вы что, плохо слышите? Ради бога, раздобудьте хоть какую-нибудь стоящую информацию!

Редактор швырнул трубку.

– Брукс! – рявкнул он. – Свяжитесь с военным министерством в Вашингтоне. Спросите, намерены ли они поддержать Уайта. Давайте шевелитесь. За дело! Как с ними связаться? Понятия не имею. Свяжитесь – и все. Да побыстрее!

Пишущие машинки стрекотали, словно досужие кумушки, перекрывая стоящий в редакции гул. Вокруг сновали курьеры, сжимая в грязных руках белые листы бумаги. Телефоны трезвонили вразнобой, и в сизом дыму от трубок и сигарет слышались резкие голоса взмокших журналистов, которые лихорадочно облекали в слова поразительные события, сотрясавшие мир.

Редактор, без галстука, расстегнув ворот рубахи и закатав по локоть рукава, барабанил пальцами по столу. Последние сутки в редакции творилось настоящее безумие, и он ни на минуту не покидал своего кресла. Он смертельно устал. Когда выдастся свободная минутка, когда напряжение спадет, он уснет как убитый. Но сейчас возбуждение поддерживало его на ногах. Надо работать. Таких новостей мир не помнил. Каждая новая заметка означала необходимость верстать все заново, готовить еще один экстренный выпуск. Даже сейчас печатные машины работали на полную мощность, а газеты, на которых едва высохла типографская краска, в два счета расхватывала публика.

В отдел городских новостей, размахивая листком бумаги, ворвался человек и положил листок перед редактором. Все, кто находился в комнатке, словно почувствовав что-то необычное, сгрудились вокруг.

– Только что пришло, – выдохнул человек.

Это было телеграфное сообщение:

«Рим. Черный Ужас отступает по всему фронту. Хотя он, по всей видимости, все так же неуязвим для любого известного людям оружия, осада с города практически снята. Причина неизвестна».

Редактор пробежал текст глазами.

Далее следовало еще одно сообщение:

«Мадрид. Черный Ужас, последние два дня окружавший город кольцом темного кошмара, спасается бегством, стремительно исчезая...»

Редактор нажал на кнопку. Послышался ответный звонок.

– Наборный цех, – крикнул он, – готовьте новую первую полосу. Да, еще один экстренный выпуск! У всех глаза на лоб вылезут!

Телефон залился отчаянным звоном. Редактор схватил трубку.

– Да. Что такое?.. Уайт заявил, что требуется помощь? Понятно. Вудс и все остальные слабеют? Сильно досталось, говорите?.. Нужны еще люди для отправки на другой уровень? Необходимо подкрепление?.. Да, ясно. В общем, скажите ему, что он все получит. Если он может подождать полчаса, народ отправится туда тысячами. Я буду не я, если мы этого не сделаем! Только скажите Уайту, пусть продержится! Вся страна придет на помощь!

Он бросил трубку.

– Ричардс, – велел он, – сделайте заголовок: «Нужна помощь», «Требуется подкрепление» – ну, что-нибудь в таком роде, понимаете? Так, чтобы брало за душу. Скажите мастеру, чтобы отыскал самый крупный шрифт, какой только есть. Хоть в целый фут высотой. Сейчас он будет как никогда кстати.

Редактор вновь вернулся к телефону:

– Девушка, свяжите меня с военным министром в Вашингтоне. Да, лично с министром. И ни с кем другим. Вы хорошо меня поняли?

В ожидании соединения редактор обвел взглядом вопросительные лица журналистов, обступивших стол.

– Через два часа, – пояснил он, для убедительности грохнув кулаком по столу, – вся армия Соединенных Штатов отправится строем вслед за Вудсом!

Кровавое солнце садилось за край странного мира, но, казалось, никак не могло собраться с духом и окончательно нырнуть за исполинские черные утесы, нависающие над чернильными тенями у их подножий. Пурпурное небо потемнело и стало похожим на мягкий черный бархат. Вспыхнули огромные звезды.

В сгущающихся сумерках темнел гигантский силуэт Оуглата – жуткого бесформенного великана. Он стал выше, шире, огромнее. Теперь голова Мал-Шаффа едва доставала противнику до груди; громадные ручищи казались игрушечными по сравнению с руками Оуглата, а ноги – прутиками.

Раз за разом он едва уворачивался от пытающегося схватить его Оуглата. Стоит лишь оказаться во власти врага – и тот разорвет его на куски.

Поединок превратился в игру в прятки, точнее – в кошки-мышки, а мышкой на этот раз был Мал-Шафф.

Солнце медленно опускалось, и все вокруг погружалось в сумрак. Лихорадочно соображая, как уцелеть, Мал-Шафф дожидался темноты. Он ловко подводил их поединок все ближе и ближе к непроницаемой тьме, укрывавшей подножия могучих утесов. В темноте есть шанс скрыться. Сил продолжать этот неравный бой больше не было. Оставалось лишь бегство.

Солнце уже село. Тьма стремительно окутывала пространство бескрайним покрывалом, создавая иллюзию, будто само мрачное небо опускается на землю.

От непроглядной черноты под утесами Мал-Шаффа отделяло всего несколько шагов. Он молнией кинулся в эту тьму и утонул в ее объятиях.

Взревев, Оуглат бросился следом.

Почти касаясь плечами исполинской каменной стены, которая уходила на сотни футов ввысь, Мал-Шафф несся вперед, и страх придавал прыти его подламывающимся ногам. За спиной слышался рев врага. Оуглат разыскивал его. Безнадежная затея: в кромешной тьме врагу нипочем не найти его – Мал-Шафф был уверен в этом.

Измученный и задыхающийся, он упал у подножия стены, хватая ртом воздух. Кровь гудела в висках, и все силы, казалось, иссякли. Он лежал неподвижно и смотрел на чуть менее темную пустошь, расстилавшуюся впереди.

Так он лежал, отдыхая. Его взгляд бесцельно бродил по пустоши и вдруг наткнулся на холм, вздымающийся из земли в отдалении – справа от него. Тот показался Мал-Шаффу смутно знакомым. В голове забрезжили воспоминания о чем-то очень важном, связанном с этим холмом.

Внезапно его охватило необъяснимое беспокойство. Далеко позади слышался разъяренный рык Оуглата, но Мал-Шафф едва замечал его. Пока землю окутывала тьма, врага можно было не опасаться.

А вот холм вызывал беспокойство. Мал-Шафф вдруг почувствовал, что должен подняться на вершину. Этому решению не было никаких разумных объяснений. Здесь, у подножия утеса, он определенно находился в большей безопасности, но его словно звал какой-то голос, дружеский голос с вершины холма.

Мал-Шафф поднялся на гудящие ноги и двинулся вперед. Каждая клеточка тела отчаянно протестовала, но он, упрямо переставляя ноги, механически шел дальше.

Очувтившись у подножия холма, он заглушил странный настойчивый голос, который звучал у него в голове, и ненадолго остановился, чтобы дать отдых измученному телу. Нужно было набраться сил для подъема.

Он понимал, что впереди ждет опасность. Как только он покинет спасительную черноту у подножия утеса, Оуглат непременно заметит его. А это верная гибель. Лишь на вершине холма он будет в безопасности.

Внезапно пейзаж залило мягкое зеленое сияние. Только что вокруг было темно, хоть глаз выколи, а через миг вдруг стало светло как днем – словно кто-то включил гигантский фонарь.

Мал-Шафф в ужасе огляделся в поисках источника света и над самым горизонтом увидел громадный зеленый шар, который прямо у него на глазах поднимался по небесной лестнице.

Луна! Огромный зеленый спутник, стремительно вращающийся вокруг этого проклятого мира!

Ошеломляющий страх охватил Мал-Шаффа, и с высоким пронзительным криком гнева он помчался вперед, забыв про терзаемое болью тело и саднящие легкие.

На его крик эхом отозвался издали другой, и из мрака вокруг утесов в конце пустоши выскочила черная фигура. Оуглат напал на след!

Мал-Шафф бешено понесся по склону, взбежал на гребень и ничком бросился на землю, обессиленный почти до предела.

Странное ощущение довольства овладело Мал-Шаффом. Новые силы хлынули в него, и бывшее возбуждение битвы с прежней мощью запульсировало в крови.

Что-то непонятное происходило не только с его телом, но и с сознанием. Мир вокруг казался необычным, как будто скрывал в себе какую-то неуловимую, непостижимую тайну. Откуда-то из глубин разума упорно пробивался вопрос: кто он такой и что собой представляет? Станные мысли! Он Мал-Шафф! Но всегда ли он был Мал-Шаффом?

В памяти всплыла колонна пронзительного света, существа, которые вступали в этот свет... Их тела ничем не напоминали его собственное, но он был одним из этих существ. А еще что-то такое об измерениях, о других уровнях, о том, что один уровень замыслил напасть на другой...

Он кое-как поднялся на кривые ноги и замолотил по исполинской груди могучими ручищами с длинными когтями. Потом запрокинул голову, и из его горла вырвался рев, от которого даже у самых отважных храбрецов кровь застыла бы в жилах.

Внизу бродивший по пустоши Оуглат услышал его клич и ответил на него своим, столь же кровожадным.

Мал-Шафф сделал шаг вперед – и окаменел. В его сознании прозвучал резкий приказ вернуться на прежнее место и ждать нападения там.

Он отступил назад и встал, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу и чувствуя, как с каждой секундой в него вливаются все новые и новые силы и тело, увеличиваясь в размерах, обретает еще большую, чем прежде, мощь. Глаза застилала красная пелена ненависти, с языка одно за другим слетали вызывающие оскорбления в адрес того, кто в этот самый миг приближался к подножию холма.

Оуглат поднялся на вершину – и ночь превратилась в кромешный ад. Исполненные гнева и ярости крики, словно прибой, бились о черные утесы. На губах взбешенного великана выступили хлопья пены, красные глаза сузились до щелочек, челюсти ходили ходуном.

Когда врагов разделяло всего несколько футов, Оуглат бросился в атаку.

Мал-Шафф был готов к бою. Теперь они сравнялись друг другом в размерах, и исход кровавого поединка был непредсказуем.

Почувствовав под пальцами мягкое горло врага, Мал-Шафф усилил хватку. Обезумевший Оуглат в ответ осыпал его градом чудовищных ударов, однако все попытки громадного чудовища вырваться из хватки соперника были безрезультатными.

Теперь над пустошью стояла тишина. Сама ночь, казалось, погрузилась в мрачные раздумья, наблюдая за поединком на вершине холма.

Все больше и больше становился Мал-Шафф, пока не вознесся над Оуглатом словно исполин.

Тогда он разжал пальцы, но едва Оуглат попытался удрать, протянул руку и, ухватив врага за шкуру, вскинул его высоко над головой, а потом швырнул оземь. Прыгнув на распростертое тело, Мал-Шафф принялся топтать его, расплющивая и вбивая в землю. С дикими криками он иступленно месил ногами то, что еще недавно было Оуглатом – Черным Ужасом.

Когда от противника не осталось и следа, Мал-Шафф отошел в сторону и огляделся.

И тут он впервые заметил, что на гребне холма в безмолвии столпились другие чудовищные фигуры. Он обвел их взглядом, не зная, удивляться их появлению или сердиться.

– Это же Мал-Шафф! – воскликнул один из неизвестных.

– Да, я Мал-Шафф. А вам что за дело?

– Но послушай, Мал-Шафф, ведь Оуглат давным-давно тебя уничтожил!

– А я, – отозвался Мал-Шафф, – только что уничтожил Оуглата.

Чудища молчали и беспокойно переминались с ноги на ногу. Потом еще один великан выступил вперед.

– Мал-Шафф, – начал он, – мы считали тебя мертвым. Но, как видно, ошибались. Мы рады, что ты снова среди нас. Оуглат, который когда-то пытался убить тебя, но не сумел, погиб от твоей руки. Туда ему и дорога. Оставайся и живи с нами в мире и согласии. Мы приветствуем тебя.

Мал-Шафф поклонился.

Словно и не было никаких мыслей о третьем измерении. В памяти Мал-Шаффа промелькнули странные, щемящие воспоминания о бурой пустыне, усеянной алыми валунами, о серебристых скалах из поблескивающего, словно металл, камня, о безбрежных морях, обрушивающих волны на вздымающиеся к небесам утесы. И не только о них. Перед его внутренним взором возникли огромные дворцы из сверкающих драгоценных камней, причудливые картины ночных празднеств в глубоких черных пещерах, озаренных сполохами поистине адского пламени.

Он снова поклонился:

– Благодарю тебя, Батазар.

Не оглядываясь, Мал-Шафф зашагал вниз по склону вместе с остальными.

– Что?! – крикнул редактор в трубку. – Что вы сказали?! Доктор Уайт мертв?! Самоубийство?! Да, понял. Эй, Робертс, живо сюда! Срочно возьмитесь за этот материал.

Когда будете писать, – сказал он, передавая трубку своему подчиненному, – особо подчеркните, что Уайт очень разволновался из-за провала эксперимента, а главное – из-за невозможности вернуть людей обратно в третье измерение. Расхваливайте его на все лады за то, что он положил конец Черному Ужасу. Это настоящая сенсация.

– Я все понял, шеф. Сделаю, – ответил Робертс и, обращаясь уже к собеседнику на другом конце провода, проговорил: – Ладно, Билл, давай выкладывай, что там у тебя...

Достойный противник

Пятнашники запаздывали.

Может, они чего-нибудь не поняли.

Или выкинули очередную шутку.

А может, они и вовсе не собирались придерживаться соглашения.

– Капитан, – осведомился генерал Лаймен Флад, – который теперь час?

Капитан Джист оторвал взгляд от шахматной доски.

– Тридцать семь – ноль восемь по среднегалактическому, сэр.

И снова уткнулся в доску. Сержант Конрад загнал его коня в ловушку, и капитану это не нравилось.

– Опаздывают на тринадцать часов! – пропыхтел генерал.

– Они, наверное, так и не взяли в толк, когда мы их ждем.

– Мы же объяснили им все на пальцах. Взяли их за ручку и твердили одно и то же снова и снова, пока они не уразумели. Они не могли не понять нас.

Но они очень даже могли, и генералу это было известно лучше, чем кому бы то ни было.

Пятнашники не понимали толком почти ничего. Идея перемирия озадачила их так, будто они никогда не слыхивали ни о каких перемириях. Предложение обменяться пленными поставило их в тупик. Даже задача согласовать время обмена потребовала изнурительных объяснений – словно они прежде не догадывались, что время можно измерить, и не ведали элементарной математики.

– А вдруг они потерпели аварию? – предположил капитан.

Генерал фыркнул:

– У них не бывает аварий. Их корабли – настоящее чудо. Чудо, которому все нипочем.

Они же смели нас, просто смели, разве не так?

– Так точно, сэр, – откликнулся капитан.

– Как по-вашему, капитан, сколько их кораблей мы уничтожили?

– Не больше дюжины, сэр.

– Крепкий противник, – изрек генерал.

И, пройдя через всю палатку, уселся в кресло.

Капитан почти не ошибся. Точное число было одиннадцать. Да и из тех одиннадцати лишь один был уничтожен наверняка. Остальные в лучшем случае удалось на какое-то время вывести из строя.

И получилось в итоге, что общий счет был десять – один в пользу пятнашников, если не хуже. «Никогда еще, – признался себе генерал, – земной флот не переживал столь жестокого разгрома». Целые эскадры были развеяны в прах или бежали с поля брани и вернулись на базу в половинном составе.

Корабли бежали, но на борту не было калек. На корпусах – ни царапины. Впрочем, погибшие крейсера также не подвергались никаким видимым разрушениям – они просто-напросто исчезали, не оставляя даже мельчайших обломков.

«Ну разве можно одолеть такого врага? – спросил себя генерал. – Как прикажете бороться с оружием, которое глотает корабли целиком?»

На далекой Земле и на сотнях других планет, входящих в состав Галактической Федерации, тысячи ученых денно и нощно, отложив все иные заботы, трудились над тем, чтобы найти защиту от страшного оружия или по крайней мере изобрести что-либо похожее.

Но шансы на успех – кто-кто, а генерал это ясно понимал – были призрачно малы: не находилось и намека на ключ, способный открыть тайну. Это и понятно – ведь те, кто пострадал от оружия пятнашников, исчезали бесследно.

Быть может, такой ключ мог бы дать кто-нибудь из попавших к ним в плен. Если бы не надежда на разведчиков поневоле, то, по его убеждению, не стоило бы и затевать этот хлопотный обмен пленными.

Он взглянул на капитана и сержанта, сторбившихся над шахматной доской, и на пленного пятнашника, следившего за поединком.

И подозвал пленного к себе.

Тот подкатился, колыхаясь, как пудинг.

И, наблюдая за ним, генерал вновь, без всяких на то оснований, испытал странное чувство, будто ему нанесли оскорбление.

Пятнашник являл собой потешное гротескное зрелище, несовместимое с представлением о воинственности. Он был кругленький, каждая его черточка, гримаска и жест искрились весельем, а одет он был в неприлично пестрый наряд, скроенный и пошитый словно нарочно для того, чтобы возмутить военного человека до глубины души.

– Что-то ваши друзья запаздывают, – заметил генерал.

– А подождите, – отвечал пятнашник голосом, похожим на свист. Приходилось внимательно вслушиваться в этот свист, чтобы хоть что-нибудь разобрать.

Генерал призвал на помощь все свое самообладание.

Что толку спорить?

Ну а браниться и вовсе бессмысленно.

Интересно, сумеет ли он – да что там он, сумеет ли человечество когда-нибудь раскусить пятнашников?

Не то чтобы это и вправду кого-то занимало всерьез. Пусть бы отвязались от земель – и того довольно.

– Подождите, – просвистел пятнашник. – Они придут по истечении среднего времени.

«Какого черта, – возмутился генерал про себя, – сколько еще ждать этого „среднего времени“?..»

Пятнашник откатился назад и продолжал следить за игрой.

Генерал выбрался из палатки наружу.

Крошечная планетка выглядела еще холоднее, пустыннее и неприютнее, чем прежде. «Стоит только присмотреться, – мелькнула мысль, – и кажется, будто ландшафт с каждым часом становится все тоскливее: запомнился унылым – стал удручающим».

Безжизненная, бесплодная, начисто лишенная какой бы то ни было стратегической или экономической ценности планетка представлялась нейтральной территорией, как нельзя лучше подходящей для обмена пленными. Нейтральной, поскольку никто во Вселенной пальцем не шевельнул бы для того, чтобы ее захватить.

Дальняя звездочка, солнце планеты, светилась на небе тусклым пятном. Гольй черный камень простирался к горизонту, до которого было рукой подать. Ледяной воздух полоснул генерала по ноздрям точно ножом.

Здесь не было ни холмов, ни долин. И вообще не было ничего, кроме плоского, без единой трещинки камня, уходящего во все стороны, – не планета, а сплошной исполинский космодром.

Генерал напомнил себе, что местом встречи эта планетка была назначена по предложению пятнашников, и это само по себе выглядело подозрительным. Но на тогдашней стадии переговоров Земля не могла позволить себе роскоши торговаться по мелочам.

Он стоял, ссутулив плечи, и ощущал, как по спине бежит холодок мрачных предчувствий. По мере того как час тянулся за часом, планетка все явственнее напоминала ему гигантскую ловушку.

Нет, наверное, он заблуждается. В поведении пятнашников не было ровным счетом ничего, что оправдывало бы подобные подозрения. Напротив, они вели себя почти великодушно. Они могли бы выдвинуть свои условия – практически любые условия, – и Галактической федерации пришлось бы, хочешь не хочешь, принять их. Земля должна была выиграть время любой ценой. Земля должна была успеть подготовиться к следующей схватке – через пять лет, или через десять, или сколько бы лет ни прошло.

Однако пятнашники – невероятно, но факт – не выдвинули никаких условий. «Хотя, – поправил себя генерал, – никто не в силах догадаться, что у пятнашников на уме и какой еще фокус они задумали».

В полутьме вырисовывался лагерь землян – несколько палаток, передвижная электростанция, замерший в ожидании космический корабль, а подле него – маленький разведывательный катер, тот самый, на котором летал пленный пятнашник.

Катер сам по себе как нельзя лучше доказывал глубину пропасти, разделяющей пятнашников и людей. Три полных дня переговоров ушли только на то, чтобы пятнашники сумели членораздельно объяснить свое желание получить катер и его пилота обратно.

С сотворения мира ни один корабль во всей Галактике не подвергался столь тщательному обследованию, как это крохотное суденышко. Но достоверно установить удалось совсем немного. А пленный пятнашник, невзирая на бешеные усилия психологов, сообщил и того меньше.

Лагерь казался спокойным, почти вымершим. Двое часовых четко выхаживали взад и вперед. Все остальные были в укрытии и поджидали пятнашников, убивая время кто как мог.

Генерал торопливо пересек пространство, отделявшее его от госпитальной палатки. Пригнувшись, шагнул за порог.

За столом сидели четверо, лениво перебрасываясь в картишки. Один из игроков бросил карты на стол и поднялся:

– Что слышно, генерал?

Генерал поздоровался с ним за руку:

– Должны пожаловать с минуты на минуту. У вас все в порядке, док?

– Мы готовы уже давно, – сказал психиатр. – Сразу же по прибытии забираем ребят сюда и обследуем по всем статьям. Наши игрушки все на ходу. Долго мы вас не задержим.

– Прекрасно. Мне бы хотелось распрощаться с этим небесным камушком как можно скорее. Не нравится мне тут.

– Только один вопрос...

– Что такое?

– Как угадать, сколько человек нам вернут?

Генерал покачал головой:

– Этого мы так и не выяснили. Они не очень-то в ладах с цифрами. Что, если математика не так повсеместна, как вы, ученые, полагаете?

– В любом случае, – ответил доктор покорно, – сделаем все, что в наших силах.

– Да нет, – продолжал генерал, – их не может быть много. Мы же возвращаем единственного пятнашника и один кораблик. Как по-вашему, во сколько людей они могут его оценить?

– Откуда же мне знать! Слушайте, а вы уверены, что они вообще прилетят?

– Трудно быть уверенным даже в том, что они нас поняли. Когда дело доходит до откровенной тупости...

– Не так уж они тупы, – тихо возразил доктор. – Мы оказались не способны усвоить их язык, так они овладели нашим.

– Сам знаю, – отмахнулся генерал нетерпеливо. – Вернее, сознаю. Но перемирие – ведь сколько дней понадобилось, чтобы они хотя бы отдаленно поняли, о чем речь? И еще больше

дней ушло на то, чтобы согласовать систему отсчета времени. Ей-же-ей, договориться на пальцах с дикарями каменного века было бы и то легче!

– Конечно легче, – сказал доктор. – Дикари как-никак люди.

– А пятнашники – высокоразвитые существа! Их техника во многих отношениях даст нашей сто очков вперед. Они же поколотили нас, как маленьких.

– Да что там, просто разнесли вдребезги...

– Хорошо, пусть так, разнесли. И почему бы не разнести? У них есть оружие, какое нам и не снилось. Они действовали много ближе к своим базам. У них не было наших проблем материально-технического обеспечения. Да, они разнесли нас вдребезги, но разрешите спросить: сами-то они догадываются об этом? Воспользовались они плодами своей победы? Они могли перебить нас до последнего. Могли навязать нам такие условия мира, что отбросили бы нас на века. А вместо того отпустили нас подобра-поздорову. Где тут логика, я вас спрашиваю?

– Вы столкнулись с иной логикой, – сказал доктор.

– Мы сталкивались с другими инопланетянами. И всегда понимали их. По большей части нам удавалось с ними поладить.

– Мы соприкасались с ними на коммерческой основе, – напомнил доктор. – Трудности, если были трудности, возникали уже потом, когда мы достигали какого-то начального взаимопонимания. Пятнашники – единственные, кто сразу, с места в карьер, бросились в бой.

– И неизвестно зачем, – произнес генерал. – Мы их не трогали, даже не направлялись в их сторону. Могли пролететь мимо и вовсе их не заметить. Кто мы такие, они и понятия не имели. Выходит, им было все равно кто. Ни с того ни с сего выскочили из пустоты и навалились на нас. И то же самое случалось с каждым, кто попадался им на дороге. Они нападают на любого встречного. Просто нет такого дня, когда бы они с кем-нибудь не воевали – а то и с двумя-тремя противниками одновременно.

– У них комплекс самозащиты, – предположил доктор. – Ждут, чтобы их оставили в покое. Добиваются одного – отвадить других от планет, которые они облюбовали для себя. Вы же правильно сказали – они могли и перебить нас всех до последнего.

– А может, они очень обидчивы. Не забывайте, мы тоже раз-другой потрепали их – не так сокрушительно, как они нас, но все-таки ощутило. Держу пари, они нападут на нас снова, как только выдаться случай. – Генерал перевел дыхание. – В следующий раз они не должны застать нас врасплох. В следующий раз они могут и не остановиться на полпути. Мы обязаны одолеть их.

«Нелегкая это задача, – добавил он про себя, – воевать с противником, о котором почти ничего не известно. Против оружия, о котором не знаешь абсолютно ничего».

В теориях, правда, недостатка не ощущалось. Но даже лучшие из них были, в сущности, не теории, а лишь более или менее обоснованные догадки.

Оружие пятнашников могло действовать во времени, отбрасывая свои жертвы вспять, в первозданный хаос. Или переносить их в другое измерение. Или обрушивать атомы внутрь себя, превращая космические корабли в пылинки – самые чудовищно тяжелые пылинки, когда-либо существовавшие во Вселенной.

Достоверно было одно: корабли не аннигилировали, никто не наблюдал ни вспышки, ни жара. Корабли просто исчезали, мгновенно и без следа.

– Беспокоит меня еще и другая странность, – заметил доктор. – Сколько рас пострадало от пятнашников до того, как они наткнулись на нас! Но когда мы попытались связаться с пострадавшими, получить хоть какую-то поддержку, никто не стал с нами разговаривать. Ответить и то не пожелали.

– Это новый для нас сектор пространства, – сказал генерал. – Мы здесь пока еще чужие.

– По логике вещей, – возразил доктор, – пострадавшие должны бы ухватиться за возможность расквитаться с пятнашниками.

– Нечего рассчитывать на союзников. Мы отвечаем за себя сами. Нам самим и выпутываться.

Генерал наклонился, чтобы выйти из палатки.

– Персонал, – заверил доктор, – приступит к делу тотчас же, как придут пациенты. Предварительное заключение будет подготовлено в течение часа, если только от людей хоть что-нибудь осталось.

– Прекрасно, – произнес генерал и, пригнувшись, выбрался наружу.

Ситуация была скверная, неопределенная до ужаса, – если бы не умение владеть собой, в пору было бы закричать от страха.

Да, кто-то из пленных землян, возможно, расскажет что-то полезное – но ведь их слова нельзя принять на веру, как нельзя принять на веру то, что рассказал пленный пятнашник. «На сей раз, – сказал себе генерал, – команде психологов, хочешь не хочешь, придется превзойти себя».

Задумано было ловко, спору нет: устроить пленному пятнашнику космический вояж и с гордостью показать ему вереницу голых, ни на что не годных планет, словно они – жемчужины в короне Галактической Федерации.

Ловко – если бы пятнашники были людьми. Никто из людей не затеял бы свары, не то что войны, из-за планеток, какие были показаны.

Но пятнашники людьми не были. И бог весть какие планеты придутся им по вкусу.

А еще оставался риск, что эти никчемные планетки внушат пленному мысль, будто Земля окажется легкой добычей.

«Нет, эту головоломку не распутать», – решил генерал. Вся ситуация противоестественна в самой своей основе. Каковы бы ни были различия между цивилизациями землян и пятнашников, ситуация противоестественна все равно.

И что-то дикое, противоестественное намечалось здесь в этот самый момент.

Он услышал какой-то звук и, резко повернувшись, уставился в небо.

С неба спускался корабль, он был совсем близко и шел быстро, слишком быстро.

У генерала перехватило дух – но корабль уже замедлил ход, выровнялся и опустился по всем правилам искусства за четверть мили, не дальше, от корабля землян. Генерал бросился бегом, затем опомнился и перешел на четкий военный шаг.

Люди выбирались из палаток и строились в шеренги. Над лагерем прозвучал приказ – и шеренги двинулись, как на параде.

Генерал позволил себе улыбнуться. Да, ребята у него хоть куда. Их не застать врасплох. И если пятнашники рассчитывали, подкравшись исподтишка, привести их в замешательство и заработать на этом очко, то пусть подавятся.

Солдаты, отбивая шаг, быстро приближались к цели. Из-под навеса выехала машина неотложной помощи и последовала за ними. Зарокотали барабаны, в стылом до рези воздухе ясно и отчетливо пропели горны.

«Да, – сказал себе генерал горделиво, – именно таким ребятам по плечу обеспечить целостность Галактической Федерации, сколько бы она ни расширялась. Именно таким по плечу охранять мир на пространствах объемом в тысячи кубических световых лет. Именно таким по плечу в один прекрасный день с Божьей помощью отразить угрозу, какую олицетворяют собой пятнашники».

Войн теперь почти не было. Космос слишком велик для сражений. И уж если в кои-то веки где-то дойдет до конфликта, все равно есть множество путей избежать войны, обойти ее по краю. Но такую угрозу, как пятнашники, игнорировать нельзя. Настанет день, не сегодня, так завтра, и либо им, либо землянам суждено потерпеть полное поражение. Галактической Федерации не ведать покоя, пока у нее под боком крутятся эти бестии.

За спиной послышался топот, и генерал обернулся. Застегивая на бегу мундир, его догнал капитан Джист. Поравнявшись с генералом, капитан произнес:

– Итак, сэр, они наконец прибыли.

– С опозданием на четырнадцать часов, – ответил генерал. – На данный момент наша задача – встретить их как можно достойнее. А вы, капитан, не застегнули пуговицу.

– Прошу прощения, сэр, – отозвался капитан, приводя себя в порядок.

– Ну ладно. Заодно поправьте погоны. Поаккуратнее, если можете. Правой, левой, раз, два!..

Уголкем глаза генерал заметил, как сержант Конрад со своим отделением выводит пленного пятнашника почти по прямой к заданной точке – ловко, уверенно, лучшего и не пожелаешь.

Солдаты двумя параллельными рядами охватили корабль с флангов. Открылся люк, из люка пополз трап, и генерал с удовлетворением отметил, что они с капитаном Джистом окажутся у подножия трапа почти в ту же секунду, когда ступеньки коснутся поверхности. Это было эффектно, это было превосходно, как если бы он лично рассчитал всю процедуру до мельчайших подробностей.

Трап, лязгнув, достиг грунта, и по трапу неторопливо скатились три пятнашника.

«Что за мерзкая троица, – подумал генерал. – Хоть бы один надел форму или, на крайний случай, медаль...»

Едва они спустились вниз, генерал взял дипломатическую инициативу на себя.

– Приветствуем вас, – произнес он медленно и отчетливо, как только мог, чтоб его поняли.

Пятнашники встали в ряд и стояли, глядя на генерала, и он почувствовал себя не в своей тарелке из-за выражения их развеселых округлых лиц. По-видимому, никакого другого выражения на этих лицах просто не могло быть. Но пятнашники упорно глазели на генерала, и он бодро продолжал:

– С большим удовлетворением отмечаю, что Земля добросовестно выполнила обязательства, согласованные при заключении перемирия. Мы искренне надеемся, что это означает начало эры...

– Очень мило, – перебил один из пятнашников.

Что он имел в виду – речь генерала или ситуацию в целом, или просто-напросто пытался соблюсти вежливость, – определить было трудно.

Генерал, не смутившись, хотел было продолжать, но заговоривший пятнашник поднял коротенькую округлую ручку и остановил его.

– Пленные придут вот скоро, – просвистел он.

– Разве вы не привезли их?

– Они придут скоро опять, – заявил пятнашник с восхитительным пренебрежением к точности выражений.

Не отводя взгляда от генерала, он слегка взмахнул ручкой, что, вероятно, соответствовало пожатию плеч.

– Ловушка, – шепнул капитан генералу на ухо.

– Мы побеседуем, – предложил пятнашник.

– Они что-то затеяли, – предупредил капитан. – Следовало бы объявить готовность номер один, сэр.

– Согласен, – ответил генерал. – Только сделайте это без шума. – И, повернувшись к делегации пятнашников, добавил: – Если вы, джентльмены, последуете за мной, я предложу вам подкрепиться...

– Рады весьма, – объявил пятнашник. – Что такое подкре...

– Выпивка, – сообщил генерал и пояснил свои слова недвусмысленным жестом.

- Выпивка – хорошо, – откликнулся пятнашник. – Выпивка – это друг?
- Точно, – сказал генерал.

Он направился к палатке, сдерживая шаг, чтобы пятнашники не отставали. Попутно он не без удовольствия отметил, что на сей раз капитан не промедлил ни минуты. Сержант Конрад уже вел свое отделение обратно, и в центре строя тащился пленный пятнашник. С орудий снимали чехлы, и последние из спешившейся было прислуги земного корабля взбирались на борт.

Капитан нагнал делегацию у самого входа в палатку.

– Все исполнено, сэр, – доложил он шепотом.

– Прекрасно, – отозвался генерал.

Войдя в палатку, генерал открыл холодильную камеру и вынул объемистый кувшин.

– Вот, – сказал генерал, – выпивка, которую мы изготовили для вашего соотечественника.

Он нашел ее очень приятной на вкус.

Он достал стаканы, соломинки для коктейля и отвинтил пробку, сокрушаясь, что не может зажать себе нос: пойло пахло как хорошо выдержанная падаль. Не хотелось даже гадать, из каких компонентов оно составлено. Химики Земли состряпали эту жижу для пленника, который поглощал ее галлон за галлоном с тошнотным наслаждением.

Как только генерал наполнил стаканы, пятнашники обвили их щупальцами и втянули соломинки в безгубые рты. Отведали угощение и восторженно закатили глаза.

Генерал схватил стакан со спиртным, протянутый капитаном, и одним глотком опорожнил его наполовину. В палатке становилось трудно дышать.

«Господи, – подумал он, – и чего только не приходится выносить, чтобы сослужить службу своим планетам и своему народу!..»

Наблюдая за пятнашниками, вкушающими свое пойло, он размышлял: какой же камень они припасли за пазухой?

«Побеседуем», – так выразился тот, кто взял на себя роль переводчика, и это могло означать практически все что угодно. От возобновления переговоров до бесчестной попытки выгадать время.

Если это переговоры, то землян приперли к стене. Ему не оставили выбора – придется вступать в переговоры. Земной флот искалечен, у пятнашников есть их таинственное оружие, возобновление военных действий невысказанно. Землянам необходимо выиграть по меньшей мере лет пять, еще лучше – десять.

А если это пролог к атаке, если планетка – капкан, у него нет другого выхода, кроме самоубийственного решения принять бой и сражаться до последнего патрона.

Что так, что эдак, осознал генерал, – земляне обречены.

Пятнашники отставили пустые стаканы, он наполнил их снова.

– Вы проявили хорошо, – сказал один из пятнашников. – Есть у вас бумага и рисователь?

– Рисователь? – переспросил генерал.

– Он просит карандаш, – подсказал капитан.

– О да. Пожалуйста. – Генерал достал карандаш с блокнотом и положил их на стол.

Пятнашник отодвинул стакан и, подобрав карандаш, принялся старательно рисовать. С земной точки зрения, рисунок напоминал каракули пятилетнего карапуза, выводящего первые в жизни буквы.

Они стояли и ждали, а пятнашник все рисовал. Наконец он справился со своей задачей, отложил карандаш и указал на волнистые линии.

– Мы, – заявил он.

Потом указал на другие, иззубренные линии.

– Вы, – пояснил он генералу.

Тот склонился над бумагой, силясь уразуметь, что же имел в виду художник.

– Сэр, – вмешался капитан, – это похоже на схему сражения.

– Оно, – гордо провозгласил пятнашник.

Он снова поднял карандаш и пригласил:

– Смотрите.

На рисунке появились новые линии, смешные значки в точках их пересечения и кресты там, где боевые порядки были прорваны. Когда пятнашник закончил, земной флот оказался разбит, разделен на три части и обращен в паническое бегство.

– Это, – узнал генерал, ощущая, как в горле клокочет гнев, – столкновение в секторе семнадцать. В тот день мы потеряли половину нашей Пятой эскадры.

– Маленькая ошибка, – объявил пятнашник, сделав при этом странный жест, словно просил прощения. Потом вырвал из блокнота новый листок, расстелил его на полу и принялся рисовать сызнова.

– Внимайте, – пригласил он.

Пятнашник вновь обозначил линии защиты и атаки, но слегка видоизменил их. Боевые порядки землян как бы повернулись вокруг оси, разъединились и превратились в две параллельные полосы, охватившие нападающих пятнашников с флангов. Еще поворот оси – и строй пятнашников дрогнул и рассеялся в пространстве.

Художник отложил карандаш.

– Маленький пустяк, – сообщил он генералу и капитану. – Вы проявили хорошо. Сделали одну чуточную ошибку.

Генерал опять наполнил стаканы, призывая на помощь все свое самообладание.

«Куда же они клонят? – подумал он. – Ну зачем они тянут и не выкладывают все напрямик?»

– Так лучше, – вымолвил один из пятнашников, поднимая свой стакан в знак того, что подразумевает пошло.

– Еще? – осведомился пятнашник-стратег, вновь берясь за карандаш.

– Прошу, – ответил генерал, скрипя зубами.

Прошагав к входному пологу, он выглянул из палатки. Орудийные расчеты были на своих местах. Струйки дыма курились под жерлами стартовых двигателей; возникли необходимость – и корабль взмлет вверх в одно мгновение. В лагере царила напряженная тишина.

Генерал вернулся к столу и продолжал следить за тем, как пятнашник с веселой миной читает лекцию о способах выиграть бой. Лист за листом покрывались схемами, и время от времени стратег проявлял великодушие – показывал, отчего пятнашники проиграли стычку, когда могли бы выиграть, чуть изменив тактику.

– Интересно! – провозглашал он с воодушевлением.

– Действительно интересно, – согласился генерал. – Только один вопрос.

– Спрашивайте, – разрешил пятнашник.

– Допустим, опять война. Почему вы уверены, что мы не используем все эти знания против вас?

– Но прекрасно! – воскликнул пятнашник восторженно. – Мы того и хотим!

– Вы воюете хорошо, – вмешался другой пятнашник. – Однако немножко грубо. В следующий раз научитесь лучше.

– Грубо? – взъярился генерал.

– Слишком резко, сэр. Нет надобности бить по кораблям трах-тарарах...

Снаружи грохнул залп, потом еще и еще, а потом грохот орудий утонул в басовитом, потрясающем скалы реве множества корабельных двигателей.

Генерал в один прыжок очутился у входа и протаранил его насквозь, не удосужившись отогнуть полог. Фуражка слетела у него с головы, и он покачнулся, едва не потеряв равнове-

сия. А задрал голову, увидел, как они приближаются, эскадра за эскадрой, расцвечивая тьму вспышками выхлопов.

– Прекратить огонь! – заорал он. – Безмозглые тупицы, прекратите огонь!

Но кричать не было нужды – пушки умолкли сами по себе.

Корабли приближались к лагерю в безукоризненном походном строю. Затем они пролетели над лагерем, и гром их двигателей, казалось, приподнял палатки и потряс до основания скалы, где эти палатки стояли. А затем сомкнутыми рядами корабли опять пошли на подъем, все с той же безукоризненной точностью выполняя уставный маневр перед мягкой посадкой.

Генерал замер как вкопанный, ветер ерошил его серо-стальные волосы, и в горле сжимался непрошенный комок – гордость за своих и благодарность к чужим.

Кто-то тронул его за локоть.

– Пленные, – объявил пятнашник. – Я же говорил вам так и так.

Генерал попытался ответить, но слова отказывались повиноваться. Он проглотил комок и предпринял новую попытку.

– Мы ничегошеньки не понимали, – сказал он.

– У вас не было наших берушек, – сказал пятнашник. – Потому вы и воевали столь грубо.

– Мы не виноваты, – ответил генерал. – Мы же не знали. Мы никогда еще не воевали таким манером.

– Мы дадим вам берушки, – заявил пятнашник. – В следующий раз мы с вами сыграем как надо. Будут берушки, у вас получится лучше. Нам легче дать, чем терять.

«Неудивительно, – подумал генерал, – что они и слыхом не слыхивали про перемирия. Неудивительно, что были повержены в недоумение предложением о переговорах и обмене пленными. Какие в самом деле переговоры нужны обычно для того, чтобы вам вернули фигуры и пешки, завоеванные в игре?»

И неудивительно, что у других инопланетян идея коллективно обрушиться на пятнашников вызвала лишь скорбь и неприязнь...»

– Они вели себя неспортивно, – сказал генерал вслух. – Могли бы предупредить нас. А может, они привыкли к правилам игры с незапамятных времен...

Теперь он понял, почему пятнашники выбрали именно эту планету. На ней хватало места для посадки всем кораблям.

Он стоял и смотрел, как эскадры опускаются на скальный грунт в клубах розового пламени. Попытался пересчитать их, но сбился; хотя он и без счета знал, что Земле вернули все утраченные корабли, все до единого.

– Мы дадим вам берушки, – продолжал пятнашник. – Научим, как обращаться. Управлять просто. Никаких увечий ни людям, ни кораблям.

«А ведь это, – сказал себе генерал, – нечто большее, чем глупая игра. Да и глупая ли, если вдуматься в ее исторические и культурные корни, в философские воззрения, которые сплелись в ней?...» Одно можно утверждать с уверенностью: это много лучше, чем вести настоящие войны.

Впрочем, с берушками всем войнам придет конец. Те мелкие войны, что еще оставались, будут прекращены раз и навсегда. Отныне нет нужды одолевать врага в бою – зачем, если любого врага можно просто забрать? И нет нужды годами терпеть партизанские вылазки на вновь осваиваемых планетах: аборигенов можно забрать и поместить в культурные резервации, а опасную фауну переправить в зоосады.

– Будем еще воевать? – спросил пятнашник с беспокойством.

– Разумеется! – воскликнул генерал. – В любое время, как только пожелаете. А что, мы и вправду такой хороший противник, как вы сказали?

– Не самый ловкий, – отозвался пятнашник с обезоруживающей прямоотой. – Но лучший, какого мы встречали. Играйте больше – станете еще лучше.

Генерал усмехнулся. «Ну в точности сержант и капитан со своими вечными шахматами», – подумал он.

Повернувшись к пятнашнику, он похлопал того по плечу.

– Пошли назад в палатку, – предложил генерал. – Там еще осталось кое-что в кувшине. Зачем же добру пропадать?

Зеленые, на вылет!

Когда капитан ВВС Кермит Кэри вышел из госпиталя, косые лучи закатного солнца уже падали на улицы Лондона и от домов протягивались длинные тени.

Но Кэри этих теней не видел. Его неотступно преследовал один и тот же образ: забинтованная голова и точно так же обмотанные марлей кисти рук, похожие на громадные боксерские перчатки. А еще вонь антисептика, густые пары эфира и вдобавок ко всему едва уловимый запах страданий.

В ушах продолжало звучать бессвязное бормотание, срывавшееся с распухших губ, а перед глазами слепо хватали воздух бесформенные белые комья.

Но тяжелее всего давили на душу негодование и стыд, исходившие от раненого. Негодование оттого, что Кермит Кэри посмел к нему прийти. Стыд оттого, что Регги теперь полный инвалид.

Кэри тряхнул головой, пытаясь избавиться от назойливых мыслей, но те никуда не делись. Возможно, ему не стоило приходить. Возможно, ему следовало забыть о Регги так же, как он заставил себя забыть об остальных. Все они мертвы, а Регги пока жив, но...

Потребовалось некоторое усилие, чтобы мысленно произнести эти слова. Для Регги было бы лучше, если бы он умер. В сущности, Регги и так уже покойник. Кэри вздрогнул, представив, что скрывается за этими бинтами.

Как правило, человеку, которого вытащили из горящего самолета, уже нет никакого смысла жить дальше. Не стоит вытаскивать людей из горящих самолетов, подумал Кермит Кэри.

Он ускорил шаг, высматривая такси или военную машину, которая могла бы подбросить его до аэродрома. Но такси не попадались, а пробиравшиеся по запруженным улицам армейские грузовики были забиты до отказа.

Вероятно, он совершил ошибку, решив проведать Регги. Если бы не пришел, Регги решил бы, что он занят. Хватило бы и записки. Но нет, он должен был пойти...

Они с Регги остались последними из первого состава истребительной эскадрильи номер шесть. В первом составе Кермита звали Бешеным Янки, но те времена давно миновали. Для молодежи, заменившей прежних летчиков, он попросту Кэри. К нему относятся с уважением, но и с некоторой отчужденностью, и не спускают с него глаз.

Кэри знал причину. Однажды, внезапно войдя в столовую, он услышал обрывки разговора:

«Как долго Кэри сумеет продержаться? Даже если ты сделан из стали...»

И все такое прочее. Когда он наконец сломается? Сколько еще ему будет везти? Надолго ли хватит силы духа?

Естественно, кое о чем парни догадываются. Но обо всем догадаться не могут. Они не знали, каково это – остаться единственным из первого состава эскадрильи. Они не знают, каково это – видеть, как уходят один за другим друзья.

О'Мэлли убит над Дюнкерком. Смит и Читтенден – факелы в небе над Дувром. Капитан Уэлш с воплем падает в Темзу. Молодые не представляют, каково это – видеть новые лица, сменяющие старые, слышать новые голоса вместо прежних.

И уж тем более они не догадываются, какой ужас должен испытывать последний уцелевший. Черные ночи, полные размышлений: не является ли он сам неким проклятием, обрекающим других на смерть? Неотступное ощущение, будто его собственная удача подходит к концу. Будто он в буквальном смысле живет взаимы...

Рядом с Кэри взвизгнули тормоза.

– Подвезти? – спросил голос.

Кэри очнулся.

– Да, пожалуй.

– Куда?

Кэри объяснил.

– Как раз проезжаю мимо, – сказал водитель.

Кэри пригляделся к нему. Явно из клерков – одет недорого, но опрятно, уже немолод. Седина на висках, потертый воротник пиджака и слегка обтрепавшиеся манжеты рубашки.

Кермит легко мог представить жилище этого человека до того, как начались бомбежки. Собственный домик с цветами в саду. Может быть, розы? Да, решил Кэри, наверняка розы.

– Приходится спешить, – сказал водитель. – Вечером снова повезу старуху и детей из города.

– Вполне разумно, – кивнул Кэри.

– Недосыпаем малость, – продолжал водитель. – Но ничего, справляемся.

Негромко гудел двигатель, то и дело покашливая. Дважды они останавливались, чтобы подобрать пешехода. Несколько раз приходилось объезжать огороженные веревками участки, где лежали бомбы с часовым механизмом, и заваленные обломками зданий улицы.

Кэри расслабился, погрузившись в мысли; он едва слышал разговоры троих попутчиков. Вспоминал полувнятные слова, проникавшие сквозь бинт:

«Это был фон Раусниг. Я сбил одну из его приманок, но он меня поджег...»

Кэри не спросил у Регги, почему тот не выпрыгнул с парашютом. Наверняка для этого имелась причина. Вероятно, он пытался избежать катастрофы, спасти машину.

Так это был фон Раусниг!

– Через пару часов они должны вернуться, – сказал водитель.

– Кто? – спросил Кэри.

– Джерри¹.

– Вернутся, – согласился Кэри. – Можно не сомневаться.

Несколько минут спустя водитель высадил его у летного поля. Когда Кэри вошел в столовую, его сослуживцы уже поужинали и выстроились в очередь к бару.

– Давай сюда, Кэри! – громогласно приветствовали его. – Тебе причитается двойная порция. Похоже, нам снова предстоит веселая ночь.

– Будет луна, – сказал молодой Харви.

– Интересно, фон Раусниг вылетит сегодня ночью? – спросил Дерек.

Послышались недовольные возгласы:

– Фон Раусниг, грязный трус! Всегда летает с двумя ведомыми, так что до него не добраться.

– Получил награду от самого Гитлера, – насмешливо бросил Харви. – За что?

– Слушайте, парни, – заявил Кэри, – фон Раусниг – хороший боец. Он знает свое дело. И не рискует, как вы. Он всегда бьет наверняка. И уж точно не млеет от всякого сумасбродства в небесах.

В ответ Кэри добродушно освистали, и стоявший за стойкой капрал толкнул в его сторону двойную порцию бренди. Кэри выпил. В его голове бурлил водоворот мыслей.

Фон Раусниг, имеющий на счету двадцать три сбитых, единственный нацистский летчик, чей самолет украшают особого рода знаки. Хладнокровный, расчетливый боец, командир эскадрильи. Да, за ним всегда следуют двое летчиков, но это вполне разумно. К чему рисковать?

¹ Презрительное прозвище немцев в Британии во Вторую мировую войну, аналогичное нашему «фриц».

В конце концов, что бы там ни говорили газетчики, писатели и прочие, нынешняя битва за Британию не имеет ничего общего со средневековой войной, с ее благородными рыцарскими поединками. Это жестокая, тщательно спланированная борьба, где не существует никаких правил, никто никого не щадит и не просит пощады.

Фон Раусниг, с двадцатью тремя победами на счету... Нет, теперь уже с двадцатью четырьмя. Ведь именно этот нацистский ас сбил Регги...

К Кэри подошел официант:

– Прошу прощения, сэ,р, но ужин стынет.

– Вышвырни его в окно, – зло процедил Кэри, толкая стакан через стойку. – Еще двойную, – приказал он.

И заметил, как остальные посмотрели на него и сразу отвели взгляд.

– Может, тебе все-таки стоит перекусить? – тихо спросил Дерек.

– Я знаю, чего я хочу! – рявкнул Кэри. – Я не хочу ужинать. Я хочу еще выпить.

– Держись, старина. Спокойнее, – посоветовал Дерек.

– Дерек, – огрызнулся Кэри, – если еще раз такое мне скажешь, я тебя в порошок сотру. –

Он схватил стакан, расплескивая бренди по стойке. – Я уже много месяцев держусь, – продолжал он, не понимая, что почти кричит. – Я держался во Франции и над Дюнкерком. Я держался в Дувре и над проливом, когда мы отгоняли джерри от Лондона. Я держался, когда они явились сюда и разбомбили нас в пух и прах. И я до сих пор держусь!

Он понял, что в столовой наступила обескураживающая тишина. На него смотрели встревоженные и слегка растерянные лица.

– Джентльмены, – сказал он, – я не хочу, чтобы кто-нибудь из вас меня жалел.

Осушив стакан с бренди, он повернулся кругом и направился к себе в комнатку.

Остальные молча смотрели ему вслед.

На город за окнами уже опустилась темнота, когда громкоговоритель эскадрильи исторг первые приказы на эту ночь:

– Красные, на вылет! Красные, на вылет! Пилоты Красных! Зеленым приготовиться! Зеленым приготовиться!

Поднявшись с койки, Кэри поспешил в столовую. Звеном Зеленых командовал он.

Трое из звена Красных уже направлялись в помещение для инструктажа. Харви и Дерек натягивали летные комбинезоны.

– Рановато нынче джерри начали, – усмехнулся Дерек.

Буркнув что-то в ответ, Кэри уселся на пустой ящик из-под бомб и начал облачаться в комбинезон. Снаружи на стоянке грохотали «спитфайры»². А издали, откуда-то со стороны Ист-Энда, донеслись первые выстрелы зенитных орудий.

Громкоговоритель забулькал и взревел:

– Зеленые, на вылет! Зеленые, на вылет!

«Спитфайры» звена Красных уже рассекали ночное небо.

– Идем, парни, – бросил Кэри и направился в помещение для инструктажа.

За столом сидел командир эскадрильи, на его рукаве в свете лампы тускло поблескивали три вышитых золотом кольца.

– Как себя чувствуешь, Кэри? – спросил он.

– Прекраснее некуда, – проворчал Кэри и тяжело шагнул наружу.

Там уже ждали три «спитфайра» Зеленых, дрожа, будто громадные гончие псы на поводках. Пламя выхлопа отбрасывало на землю едва заметный свет.

² Британский истребитель времен Второй мировой войны.

Дежурный по обеспечению полетов сунул Кэри в руку бумаги, пытаясь перекричать рев «мерлинов»³.

– Идут волной со стороны реки, – сообщил он. – Высоко. Вероятно, выключат двигатели и перейдут на планирование. Смотри в оба.

Кэри кивнул.

Забравшись в кабину, он закрыл фонарь и застегнул ремни.

– Готов, Дерек? – спросил он в микрофон на воротнике.

– Готов.

В голосе Дерекки звучало волнение, которое Кэри не раз слышал прежде у столь многих, от О’Мэлли до Смайта и Читтендена. И Регги тоже.

– Готов, Харви?

Харви был готов.

На поле лег луч прожектора, освещая взлетную полосу. Мигнул сигнальный фонарь, давая разрешение на взлет. Кэри толкнул вверх рычаг дроссельной заслонки, и «спитфайр» двинулся с места. Набирая скорость, три истребителя с грохотом пронеслись по дерну и взмыли во тьму.

Кэри, почти инстинктивно управляя машиной, устремился в узкое пространство между покачивающимися тросами аэростатов заграждения.

– Держитесь рядом, – предупредил он по радиации. – Осторожнее, не зацепитесь за тросы.

– Следуем за тобой, – коротко ответил Харви.

На востоке едва заметно сияла восходящая луна. Охотничья луна нацистов.

Оскалившись, Кэри загнал дроссель до упора вверх. «Мерлин» заревел во всю мощь своей тысячи лошадиных сил.

Альтиметр показывал, что самолеты пролетели между аэростатами и поднялись выше них. Глянув на закрепленную на бедре карту, Кэри запросил по радиации координаты и тут же получил ответ от наблюдателей.

Передав координаты Харви и Дерекки, он описал дугу и направился в сторону Лаймхауза⁴. Рывками стоявшие на набережной Темзы пушки, и в черном небе фейерверком полыхали разрывы зенитных снарядов.

Издалека доносился грохот бомбежки. В наушниках шлема звучали отрывистые приказы.

В бескрайней тьме «спитфайр» походил на облачко – это светились его приборы. Далеко внизу простирался Лондон – там, вопреки затемнению, то и дело возникали огни. Все так же надсадно кашляли пушки, раскатывались бомбовые громы. В небе мерцали рукотворные молнии. Мглу полосовали лучи прожекторов, искавших цель.

Самолет под управлением Кэри мчался сквозь ночь.

И тут Кэри увидел их – три... четыре... пять темных силуэтов, выхваченных прожекторами. Он заорал в микрофон, и Дерек с Харви радостно закричали в ответ.

«Спитфайр» воплощением чудовищной силы устремился к угодившим в светящуюся сеть черным силуэтам. Вспыхнули новые лучи, окружая непрошенных гостей, скользя по ним, высвечивая.

Сбросив предохранитель на ручке управления, Кэри положил палец на гашетку. Восемь пулеметов на крыльях, восемь смертоносных «браунингов» ждали лишь сигнала.

В луче прожектора возник «дорнье»⁵; высоко задрав нос, он спешил набрать высоту. Бросив в его сторону «спитфайр», Кэри надавил на гашетку. Он увидел, мелькнувший вдоль крыла

³ Британский авиационный поршневого двигателя фирмы «Роллс-Ройс».

⁴ Район в Восточном Лондоне на северном берегу Темзы.

⁵ Средний бомбардировщик Люфтваффе.

вражеского самолета трассирующий след, а затем «дорнье» исчез. Промчавшись под ним, Кэри резко устремился вверх и описал петлю.

Кабину заливал лунный свет, на фонаре плясали тени. На востоке Кэри увидел только что взошедший над Ла-Маншем золотистый шар. Позади пылал «дорнье», корчась в объятиях огненной смерти.

Остальные нацисты исчезли.

Наверняка они мчались где-то в ночи, направляясь к побережью Франции. Как ни вглядывался Кэри сквозь стекло, их нигде не было видно.

Кэри трясло от ярости и унижения. Ему следовало разнести этот «дорнье» в клочья, но все, что он сделал, – изрешетил крыло. Проекторы подставили цель прямо под выстрел, но он промахнулся.

– Кэри! Звено Зеленых! Кэри! – заголосили наушники.

– Слушаю, – ответил Кэри. – Кто сбил тот самолет?

– Дерек, – сказал Харви.

Краем глаза Кэри заметил внезапно блеснувший пропеллер, приближавшийся к нему сверху. Инстинктивно бросив самолет в пике и совершив переворот, он рванул ручку на себя и устремился ввысь. Здесь, высоко над городом, воздух наполнился лунным сиянием, настолько белым, что, казалось, оно обладает материальной сущностью.

Развернув машину, Кэри увидел поднимающийся ему навстречу «мессершмитт». Стиснув зубы, он спикировал, маневрируя в поисках подходящей точки для атаки. Нацист струсил и пустился в бегство. Кэри устремился за ним.

«Спитфайр» содрогнулся от внезапного удара. «Мерлин» закашлялся, и приборная панель в одно мгновение превратилась в искореженные обломки. Кэри инстинктивно отвернул в сторону, слыша, как задыхающийся двигатель вопит, будто от боли.

Глядя на разбитые приборы, капитан Кермит Кэри понял, что угодил в ловушку, о которой ему следовало догадаться. Первый «мессершмитт», промахнувшись, даже не пытался вступить в бой; он ретировался, отвлекая внимание, в то время как другой нацист спикировал сверху и повис на хвосте Кэри.

Вести бой при свете луны непросто даже в самых лучших условиях. Но Кэри все же следовало заметить второй самолет и не клюнуть на приманку.

«Мерлин» продолжал кашлять и заикаться. Когда Кэри попытался поднять нос «спитфайра», тот не подчинился, отчего душа у летчика ушла в пятки. Поспешно задрав голову, он увидел над собой и чуть позади «мессершмитт», выравнивавшийся для очередной атаки.

Чувствуя, как от ужаса спирает дыхание, Кэри бросил самолет почти вертикально вниз, сдвинув дроссель до предела. Он знал, чем рискует при работающем с перебоями двигателе, – возможно, не удастся выйти из пике. Но это был единственный и самый быстрый способ оторваться от атакующего противника. Стоит нырнуть в нетронутую лунной тьму – и Кэри вместе с его покалеченной машиной не так-то легко будет найти.

Но тут же он почти забыл об этом риске – внезапно появилась другая угроза, куда серьезнее.

Из-под кожуха двигателя вырвалось пламя – слегка крошечный язычок, затем ослепительная пелена, которая ползла к фонарю, пузырилась и испепеляла краску фюзеляжа.

Почти нечеловеческим усилием Кэри пытался вывести «спитфайр» из пике, защитить кабину от губельного огня. Ему удалось слегка выровнять самолет. Продолжая держаться одной рукой за ручку, другой он сдвинул фонарь и судорожно схватился за пряжку ремня.

Ветер яростно бил в лицо. Кэри на секунду пригнулся, чувствуя жаркое дыхание пламени и готовясь к прыжку.

А затем прыгнул – как можно дальше от падающего самолета.

Он нырнул из лунного света во тьму. Где-то внизу пронзительно выл вошедший в штопор «спитфайр», который вдруг взорвался; теперь лишь огненный рой обломков быстро летел к земле.

Кэри дернул кольцо. Почувствовал рывок строп, его резко качнуло, отчего к горлу подступил комок, и мгновение спустя он уже медленно плыл к земле, один-одинешенек в ночной тьме.

Зенитки смолкли, прекратились и взрывы бомб. Но он знал, что это лишь передышка. Джерри наверняка вернутся. Восход луны над проливом стоил того, чтобы им воспользоваться. Еще немного – и в лунном свете станут видны все крыши, все дымовые трубы Лондона.

«Спитфайра» больше не было – несколько минут назад его оплавленные обломки рассеялись по земле.

Кэри содрогнулся, осмыслив, насколько близок он был к гибели. Его уже не впервые обдавало дыханием смерти. Так было над Дюнкерком, над Дувром и еще несколько раз. Но каждый раз в последнее время, когда смерть проносилась мимо, он спрашивал себя, как долго еще он сможет избегать ее гнева.

Казалось странным, почти сверхъестественным, что он, Кермит Кэри, все еще жив, хотя все остальные погибли. Ни осколок снаряда, ни пуля из вражеского пулемета не достигли его. Воистину казалось непристойным, что он продолжает жить...

Он мысленно увидел перед собой выбывших. О'Мэлли таранил нацистский бомбардировщик, когда его собственный самолет охватило пламя. Читтенден носил на шее шелковый чулок вместо шарфа. Уэлш знал все свежие анекдоты про Гитлера, Геббельса и Геринга.

И Регги... Регги сейчас лежит в госпитале, его голова – белый шар, руки – громадные боксерские перчатки.

Кэри закрыл глаза. Не надо их видеть, не надо о них думать. Он совершает все больше ошибок и знает об этом. И другие летчики тоже об этом знают. Или по крайней мере подозревают.

Нужно было расстрелять «дорнье». Но он этого не сделал. Нельзя было угодить в ловушку, подстроенную пилотом «мессершмитта». Но он угодил.

У него сдавали нервы. Спиртное проливалось на стойку каждый раз, когда он поднимал стакан. И он все чаще огрызался на товарищей по оружию. Взять хотя бы сегодняшнюю вспышку. Возможно, остальные видели причину в том, что он американец. Порядочные англичане так себя не ведут.

Однако закрытые глаза ничем ему не помогли. Перед ними стояли все те же образы. Уэлш, хихикающий над собственными шуточками. О'Мэлли, обеими руками держащий крошечную стопку бренди. Смеющийся Читтенден с дурацким шелковым чулком на шее, развевающимся в струе воздуха от пропеллера.

Дерек и Харви отдыхали в столовой. Рассвет окрашивал стены в серый, простирая крылья над дымящимся Лондоном. Снаружи заходил на посадку последний «спитфайр» – из звена Желтых.

Они вслух считали садящиеся самолеты. Один... два... Где третий?

Пилоты переглянулись, продолжая ждать третий самолет. Но он так и не появился.

– Луна была слишком яркая, – устало проговорил Дерек.

Харви промолчал. Дерек понизил голос:

– Уверен насчет Кэри? Он точно не выпрыгнул?

– Я не заметил, – ответил Харви. – Но сам понимаешь, в лунном свете не очень-то много увидишь.

Дерек кивнул:

– «Спитфайр» взорвался. А самого Кэри не нашли.

– Следовало ожидать, – проворчал Харви. – По тому «дорнье» он вчистую промахнулся.
– В крылья все-таки попал.
– Крылья не считаются, – мрачно ответил Харви.
В инструктажной послышались тяжелые шаги.
– Кэри! – воскликнул командир эскадрильи.
Ответа не последовало. Шаги приближались. Кэри, пошатываясь, остановился в дверях с парашютом под мышкой.
– Доброе утро, джентльмены, – сказал он. – Вижу, вы тут устроили поминки. Полагаю, преждевременно.
– Это несправедливо, Кэри, – бросил Дерек.
Кэри пропустил его слова мимо ушей.
– Сколько раз вы сегодня взлетали? – спросил он.
– Пять раз, – ответил Харви.
– Пока что это худшая ночь за весь срок, – успокаивающе заметил Дерек.
– Кто с вами летал?
– Сондерс.
Кэри положил парашют на стойку.
– Что ж, Сондерс больше с вами не летает. С вами летаю я. Я прошагал через весь Лондон под непрерывной бомбежкой, а значит, еще на что-то гожусь. Даже парашют принес.
– Конечно, конечно, ты летаешь с нами, – поспешно заверил его Харви. – Мы вовсе не хотим летать с кем-нибудь другим еще.
– Вы знаете, что я промахнулся по «дорнье», – безрадостно заметил Кэри. – Вы знаете, что меня обвели вокруг пальца «мессершмитты». Уверены, что хотите летать со мной?
– Послушай, – уклончиво сказал Дерек, – хватит глупостей, ладно? С каждым бывает.
– Зеленые, на вылет! – загремел громкоговоритель. – Зеленые, на вылет!
– Это нам, – бросил Кэри. – Только позвольте мне взять другой парашют.
– Господи, нас опять гонят в бой!
– Естественно, а чего ты ожидал? – Кэри развернулся к Харви. – Или не слышал, что у нас не хватает пилотов и самолетов?
Коротко кивнув, Харви направился к двери. Комэкс остановил Кэри:
– А может, ты все же...
– Позволишь Сондерсу их вести? – горько усмехнулся Кэри. – Полагаете, я...
– Это его звено, сэр, – прозвучало рядом.
Голос принадлежал стоявшему возле стола Сондерсу.
– Ну, если считаешь, что ты в порядке... – неуверенно проговорил комэкс.
– Спасибо, Сондерс, – сказал Кэри.
Снаружи в жемчужном свете быстро наступающего дня стояли самолеты с работающими на холостом ходу «мерлинами».
– Похоже, джерри вознамерились сегодня нас сломить, – прокричал дежурный по обеспечению полетов, суя Кэри в руку бумаги. – Никакой передышки. Они знают, что у нас не хватает людей, и надеются нас измотать.
– Где они? – выкрикнул в ответ Кэри.
– Идут со стороны устья Темзы. Парни на побережье вылетели навстречу, но врагу удалось прорваться.
Кэри забрался в кабину, преодолевая боль в ногах. Долгий поход через город, когда приходилось снова и снова огибать разрушенные бомбами здания и прятаться в подъездах от взрывов, отнял немало сил. И давал себя знать голод. Хотелось выпить и закурить, но времени не было ни для того ни для другого. Со стороны устья приближались нацисты. Кто-то должен был их остановить. Или по крайней мере попытаться.

«Спитфайры» прокатились по дерну и взмыли. При свете дня пройти между аэростатами было достаточно просто.

Они с ревом взлетели в рассветное небо. Оказавшись над аэростатами, выровнялись и устремились на юго-восток. С других аэродромов поднимались другие самолеты – проворные защитники мчались навстречу врагу.

Кэри сказал несколько слов в микрофон, двое пилотов заверили его, что все хорошо. Внизу дымился город, несколько пожаров разливали окрест алое зарево, а над некоторыми районами, где бомбы падали наиболее густо, висела плотная серая пелена.

Первым нацистов заметил не Кэри, а Дерек. В лимонно-белом утреннем небе отчетливо выделялось скопление черных точек. Его «спитфайр» свирепо устремился ввысь.

Кэри пристально наблюдал за нацистами, довольный, что высота дает преимущество его звену. Волна оказалась не столь велика, как некоторые из тех, что ему довелось увидеть. Вероятно, парни на побережье основательно ее ослабили.

В небе блестели искорки «спитфайров». Несколько звеньев приближалось с юга, другие с севера.

Быстро отдав распоряжения по рации, Кэри внезапно спикировал вниз, будто серебряная молния возмездия. За ним последовали товарищи.

Боевой порядок внизу распался, самолеты устремились во все стороны, но Кэри уже облюбовал один и безжалостно обрушился на него. Противник отчаянно уворачивался, еще два вражеских истребителя повторяли его маневры.

Предохранитель уже был снят, палец лежал на гашетке. Продолжая пикировать, Кэри вдавил ее, и восемь «браунингов» выпустили свинцовые потоки по «мессершмитту».

Нацист затрясся под градом пуль, а миг спустя превратился в огненный шар.

С ревом промчавшись сквозь горящие и дымящиеся обломки, Кэри вывел свой самолет из пике и начал набирать высоту. Но тут он увидел нечто такое, отчего с губ сорвался гневный вопль.

На одном из двух оставшихся самолетов из атакованной им группы алел череп – личный знак внушавшего ужас нацистского аса фон Рауснига!

В голове Кэри пронеслось множество мыслей. Фон Раусниг! Тот самый, который сбил Регги. Который превратил голову Регги в комок бинтов. Который лишил Регги глаз, лица и рук.

Горло сдавила черная ненависть, во рту разлилась горечь. Одного из защитников фон Рауснига не стало. Возможно...

Кэри с жестокой целеустремленностью ринулся вперед и услышал, как протестующе скрежещет и стонет машина. Мимо пронесся еще один «мессершмитт». Даже сквозь рев двигателей Кэри различил треск многих пулеметов. В небе сражались «Люфтваффе» и Королевские ВВС.

Фон Раусниг теперь набирал высоту. Кэри следовал за ним. Но на фоне лютой ненависти к человеку за штурвалом самолета с черепом на борту звучало предостережение – внутренний голос напоминал о том, что случилось вчера ночью.

Бросив взгляд через плечо, Кэри увидел пикирующего на него джерри. Перевернув «спитфайр», он снова устремился ввысь. «Мессершмитт», наверняка второй из звена фон Рауснига, промчался мимо, затерявшись среди идущего внизу сражения.

Но маневр стоил Кэри драгоценной высоты. Самолет фон Рауснига выравнивался, кружа в поисках подходящей позиции.

И вот уже нацист летит прямо на него. Кэри увидел рвущийся из пулеметов дым, почувствовал, как «спитфайр» угодил под очередь. Но в этот раз не было ни разбитых приборов, ни кашляющего мотора. Пули попали в левое крыло. Кэри заметил на нем аккуратные дырочки.

Самолет фон Рауснига промчался под «спитфайром» и взмыл по дуге. Чтобы развернуться для атаки, уже не оставалось ни места, ни времени – немец лишь слегка потерял высоту.

Кэри скупно улыбнулся. Ему противостоит тот, кто умеет летать, тот, кто не оставит без внимания брошенный ему вызов. Что бы ни говорили о фон Раусниге, но он не трус.

Шум боя был теперь едва слышен. Кэри и самолет с черепом на борту забирались ввысь, туда, где должен был состояться их поединок.

Кэри поднимался по спирали все выше, пристально наблюдая за противником. «Как в боксе, – подумал он. – Кружим, кружим, кружим. Все, что нужно, – найти позицию для одного хорошего удара, для завершающего нокаута».

Кэри так и не понял, как это удалось фон Рауснигу, но внезапно «мессершмитт» вновь устремился к нему, причем сзади. Затрещали пулеметы. «Спитфайр» содрогнулся от врезавшихся в его хвост и прошедших вдоль фюзеляжа пуль. Кэри скользнул в сторону, теряя высоту, но изо всех сил держа высоко поднятым нос самолета.

Из груди вырвался вздох облегчения, когда Кэри понял, что машина подчиняется ему безукоризненно. Немецкие пули не повредили ничего важного!

Фон Раусниг с ревом пронесся мимо, и Кэри, стиснув зубы, устремился следом. Задвинув дроссель до упора, он мчался за нацистским самолетом, чувствуя, как отчаянно колотится сердце, и держа палец на гашетке.

Он наконец занял подходящую для стрельбы позицию, но расстояние было слишком велико. Если сейчас ничего не получится, фон Раусниг выйдет из пике и шанс будет потерян.

«Мерлин» взвыл, как дьявол, бросая «спитфайр» на нациста. В ушах пронзительно свистел ветер, перед глазами сгушалась мгла. Судорожно вздохнув, Кэри напряг мышцы живота. Потерять сейчас сознание нельзя! Нужно еще несколько секунд продержаться, сблизиться на дистанцию уверенного выстрела.

Нацистский самолет увеличился в размерах перед мутнеющим взглядом Кэри, но еще не настолько, чтобы...

Сквозь яростный ветер послышалось хихиканье. Вот точно так же хихикал Уэлш над своими шутками про Гитлера. Свист ветра в ушах уже не казался свистом – это был здоровый смех человека, носившего чулок вместо шарфа.

Кэри почудилось, будто в кабине зазвучали слова со знакомым ирландским акцентом:

«Поверь в себя, и все выйдет как надо, янки! Стоит тебе захотеть, и он твой. Опусть нос чуть ниже, и тогда хватит скорости...»

Естественно, слов О'Мэлли он на самом деле не слышал. Просто что-то отдалось в затуманенном мозгу...

Перед глазами все плыло и тряслось, но нацистский самолет стал еще больше, и находился он прямо впереди.

«Пора, старина», – произнес спокойный голос О'Мэлли, и Кэри с силой вдавил гашетку.

Его окутала удушающая тьма, но он сопротивлялся, удерживая на гашетке палец и вспоминая забинтованную голову, вспоминая плавающие самолеты над Дюнкерком и Дувром.

«Это тебе за О'Мэлли! – мысленно кричал он. – А это за Читтендена! А это за Регги – особенно за Регги!»

Словно издали он слышал рев «браунингов», треск выпускаемых ими пуль. И вдруг на том месте, где был «мессершмитт», возник сгусток огня.

Только тогда Кэри отпустил гашетку и рванул ручку на себя.

Он лишился чувств, но совсем ненадолго. Когда к нему вернулось сознание, «спитфайр» поднимался в небо, а бой шел где-то далеко.

Далеко внизу к земле тянулся покачивающийся шлейф черного дыма. Кэри помахал ему ослабевшей рукой.

Свист ветра стих вместе со смехом Уэлша. Но Кэри точно слышал этот смех, как и голос О'Мэлли, погибшего много дней назад.

Кермит Кэри неуверенно рассмеялся. Странные вещи порой приходят в голову, подумал он. Хотя в самом ли деле странные?

Слегка нахмурившись, он развернул самолет к аэродрому.

– Спасибо, парни, – ни к кому конкретно не обращаясь, сказал Кэри.

Но в глубине души он знал, с кем он говорит. С теми, кто возник из горьких воспоминаний, чтобы мчаться в пылающем небе вместе с ним.

Внезапно он со всей ясностью понял, что никогда больше не будет размышлять по ночам о том, почему он жив, а они нет. И никогда больше не попытается забыть этих летчиков и то, что с ними случилось.

Далеко не у каждого пилота есть те, кто может прийти на помощь, когда пилот отчаянно в ней нуждается.

Точная копия

У человека, который вошел в офис Гомера Джексона, на левой ноге была надета правая туфля, а на правой – левая.

Он изрядно удивил Гомера.

Мужчина был высоким и нескладным, однако превосходно одет – если не считать туфель. Впрочем, они отличались изяществом, вот только зачем он так их надел?

– Я говорю с мистером Гомером Джексоном? – спросил он.

Гомер не привык к такой формальности.

– Да, это я, – ответил он.

И беспокойно заерзал на своем стуле. Он надеялся, что за появлением этого посетителя не стоит Гейб Уилсон, который обладал своеобразным чувством юмора.

Офис Гейба, очень любившего изводить Гомера, находился чуть дальше по коридору. Когда Гейб придумывал шутку, он подходил к этому делу исключительно серьезно, не упуская ни малейшей детали. Многие шутки Гейба получались неприятными и надолго запоминались.

Однако посетитель был совершенно серьезен и даже немного нервничал.

– Мистер Гомер Джексон, агент по продаже загородной недвижимости? – уточнил он.

– Вы не ошиблись, – ответил Гомер.

– Вы специализируетесь на домах возле озер с большими участками земли?

– Да, я именно тот, кто вам нужен.

Гомер немного забеспокоился: пожалуй, посетитель перебарщивает. Похоже, тут все-таки не обошлось без Гейба.

– Я бы хотел посоветоваться. У меня к вам небольшое дело.

– Ну так говорите, – предложил Гомер, указывая на стул.

Человек осторожно уселся, но Гомер заметил, что его спина не касается спинки стула.

– Меня зовут Оскар Стин, – продолжал посетитель. – Мы строим дома на участке, который называется Сондерс, но мы решили дать ему имя «Счастливые акры».

Гомер кивнул:

– Да, я знаком с этим участком. Вам повезло, это прекрасное место, на самом берегу озера.

– Благодарю вас, мистер Джексон. Нам тоже там очень нравится.

– И как идет строительство?

– Мы только что его закончили. Наступает самый важный момент. Нам необходимо поселить туда людей.

– Я вас понимаю, – кивнул Гомер. – Сейчас не слишком благоприятная экономическая ситуация. Процентные ставки выросли, Вашингтон ничего не предпринимает, к тому же...

– Быть может, вы согласитесь представлять наши интересы?

Гомер вздрогнул, но сделал вид, что ничего особенного не произошло.

– Ну, даже не знаю. Эти дома будет трудно продать. Вы наверняка захотите получить за них хорошие деньги. Каменная стена, которой вы обнесли участок, изящные ворота... Полагаю, и дома вы построили первоклассные. Получилось нечто исключительное. Лишь очень богатый покупатель сможет позволить себе такое приобретение.

– Мистер Джексон, – заявил Стин, – мы решили применить новый подход. Вам не потребуется продавать дома. Мы сдаем их в аренду.

– То есть сдаете внаем.

– Нет, сэр, сдаем в аренду.

– В конечном счете это то же самое. Вы наверняка заломите высокие цены.

– Пять тысяч.

– Пять тысяч – очень серьезная сумма. Во всяком случае, в наших краях. Пять тысяч в год – это больше четырехсот долларов в месяц...

– Не за год, – уточнил Стин. – За девяносто девять лет.

– За сколько?

– Девяносто девять. Мы сдаем дом в аренду на девяносто девять лет за пять тысяч долларов.

– Но послушайте, дружище, такого просто не может быть! Вы сошли с ума! Одни только налоги...

– Мы не рассчитываем получить прибыль на строительстве домов, поскольку создаем условия для работы нашего торгового центра.

– Вы хотите сказать, что умудрились построить там еще и торговый центр?

Стин позволил себе улыбнуться:

– Мистер Джексон, мы не просто так обнесли участок каменной стеной. Нам не нравится, когда вокруг собираются зеваки.

– Да, я понимаю, – пробормотал Гомер. – Очень разумно. И прекрасная реклама. Можно устроить эффектное открытие. Но стена высотой в двенадцать футов...

– Четырнадцать, мистер Джексон.

– Хорошо, хорошо, четырнадцать. К тому же она построена из сплошного камня. Я знаю – видел собственными глазами. Теперь никто не строит такие стены. Камень используют только для облицовочных работ. А ваша стена производит впечатление...

– Мистер Джексон, пожалуйста. Мы знаем, что делаем. В нашем торговом центре мы продаем все – от арахиса до кадиллаков. Но нам нужны покупатели. Поэтому мы построили для них дома. Более того, мы намерены создать целый квартал, который будет населен состоятельными людьми.

Гомер не выдержал напряжения, вскочил на ноги и принялся расхаживать по офису.

– Но, мистер Стин, вы не сумеете заполнить торговый центр достаточным количеством покупателей, рассчитывая только на людей, которые будут жить в ваших домах. Кстати, сколько домов вы построили?

– Пятьдесят.

– Пятьдесят семей – это капля в море для крупного торгового центра. Даже если все пятьдесят семей станут делать покупки только в вашем торговом центре – а такой уверенности у вас быть не может, – этого будет явно недостаточно. А со стороны к вам никто не придет – помешает стена.

Гомер перестал расхаживать по офису и вновь уселся на свой стул.

– Я и сам не знаю, почему принимаю ваши проблемы так близко к сердцу, – сказал он Стину. – Меня это совершенно не касается. Да, мы занимаемся продажей недвижимости, но я не могу сдавать дома в аренду за свои обычные пять процентов.

– О, я забыл вам кое-что сказать, – сказал Стин. – Вы можете оставлять пять тысяч себе.

Гомер стал задыхаться как рыба, которую вытащили из воды.

– При одном условии, – добавил Стин. – Вы должны будете очень тщательно подбирать покупателей. Дело в том, что у нас есть банк. Он является частью услуг, которые можно получить в торговом центре.

– Банк, – едва слышно пробормотал Гомер.

– Наш банк работает в полном соответствии с законами штата.

– Но какое отношение банк имеет ко мне?

– Вы будете получать десять процентов, – невозмутимо продолжал Стин. – Остальное отправится на ваш счет в банк «Счастливых акров». Сдав в аренду дом, вы оставите себе пятьсот долларов наличными, а четыре с половиной тысячи поступят на ваш банковский счет.

– Я не совсем понимаю...

– Тут имеются некоторые соображения.

– Да, я уже слышал, – сказал Гомер. – Вам необходимы клиенты, торговый центр должен начать работать.

– Верно, но есть и другие причины. Мы не хотим, чтобы ваши друзья и соседи узнали о том, как быстро вы разбогатели. Начнется слишком много разговоров, а нам такая реклама ни к чему. Ну, и не следует забывать о налогах.

– Налогам?

– Мистер Джексон, если вы сумеете сдать в аренду все пятьдесят домов, то заработаете четверть миллиона долларов. Вы понимаете, каков налог с такой суммы?

– Довольно большой.

– Мы не можем этого допустить, – заявил Стин. – Банк решит все ваши проблемы.

– Но я не совсем понимаю как.

– Предоставьте это нам. Мы обо всем позаботимся. Вам нужно лишь сдавать дома в аренду.

– Мистер Стин, я немало лет трудился, чтобы заработать репутацию честного человека в бизнесе, который дает широкие возможности...

– Да, нам хорошо известно, что вы честный человек, мистер Джексон. Именно по этой причине мы обратились именно к вам. Ваша машина здесь?

– Припаркована у входа.

– Отлично. Моя на обслуживании. Давайте посмотрим дома.

Дома оказались превосходными. Проект был выполнен исключительно вдумчиво, а строители потрудились на совесть.

Гомер был вынужден признать, что он уже давно не видел такой качественной работы – пожалуй, с тех самых пор, как началось массовое строительство. Лучшие материалы, ручная работа, надежность и солидность. Теперь таких домов не найти.

Все пятьдесят строений удобно разместились среди заросших лесом холмов, окружавших озеро, причем строители очень бережно отнеслись к деревьям. Между домами осталось достаточно свободного пространства, чтобы люди жили спокойно, не мешая друг другу.

Весной здесь появится множество полевых цветов, а осенью, когда леса запылают багрянцем, повсюду будут петь птицы, снова белки и кролики. И еще Гомер заметил широкую полосу прекрасного песчаного пляжа.

Он уже начал мысленно составлять рекламное объявление, которое поместит в воскресные газеты, и понял, что с нетерпением ждет того момента, когда слова лягут на бумагу. Наконец-то он сможет развернуться, используя самые красивые обороты, которые он так любил.

– Мне здесь нравится, мистер Стин, – сказал он. – Не думаю, что у нас возникнут проблемы.

– Вот и хорошо, – ответил Стин. – Мы готовы заключить с вами эксклюзивный контракт на десять лет. Естественно, возобновляемый.

– Но почему на десять лет? Я справлюсь с поставленной задачей за год или два.

– Вы ошибаетесь. Наш бизнес еще только развивается.

Они стояли на выложенном кирпичиками тротуаре перед входом в один из домов и смотрели на озеро. Ближе к противоположному берегу Гомер заметил два белых паруса, а на середине озера подпрыгивал на волнах веселый ялик, на корме которого виднелась темная фигура рыбака.

Гомер недоуменно покачал головой:

– Я не понимаю.

– Речь пойдет о передаче в субаренду, – небрежно сказал Стин.

– Когда пятьдесят семей берут в аренду дома, обязательно кто-нибудь захочет переехать.

– Нет, это совсем другая история. Субаренда... – Стин вытащил из кармана лист бумаги и вручил его Гомеру. – Ваш контракт. Прочитайте его внимательно. Вы человек осторожный и осмотнительный – именно такой нам и нужен.

Гомер вместе со Стином ехал к торговому центру по дороге, петляющей по лесу.

Торговый центр был прекрасен. Он тянулся вдоль всей южной стороны комплекса, сразу за четырнадцатифутовой стеной, и весь сверкал стеклом и металлом.

Гомер остановил машину, чтобы полюбоваться на великолепное здание центра.

– Вы позаботились обо всем, – заметил он.

– Да, пожалуй, – с гордостью ответил Стин. – У нас даже собственный телефонный узел.

– Насколько мне известно, так поступают нечасто.

– Вовсе нет. Мы просто хотели создать образцовый жилой комплекс. У нас ведь есть собственный водопровод и система очистки воды – почему бы не построить телефонную подстанцию?

Гомер не стал спорить. Какой смысл? Все это выглядело совершенно безумным. Однако Стин вел себя так, словно ничего удивительного не происходило. Быть может, он знает, что делает.

Впрочем, Гомер очень сильно в этом сомневался.

– И еще одно, – сказал Стин. – Это не столь важно, но вам следует знать. У нас имеется агентство по продаже автомобилей. На самом деле несколько агентств. Всякий, кто захочет снять дом, должен купить новую машину.

– Мистер, – сказал Гомер, – я слышал много историй об автомобильном бизнесе, но ваша превосходит все остальные. Если вы полагаете, что я стану продавать для вас машины...

– Ну что тут дурного? – возразил Стин. – У нас хорошие связи. И мы можем предоставить любой автомобиль по достойной цене. Кроме того, наши агентства дадут приличные деньги за поддержанные машины. Мы бы не хотели, чтобы наши клиенты разъезжали в развалюхах.

– Что еще? Лучше уж сразу скажите, чем еще вы занимаетесь.

– Больше ничем. Только автомобилями.

Гомер переключил передачу и медленно подъехал к воротам. Сторож, одетый в аккуратную форму, увидел, что они приближаются, тут же распахнул ворота и весело помахал им, когда они проехали мимо его будки.

– Я бы и близко к ним не подошел, – сказал Гомер своей жене Элейн, – если бы они не предлагали такие хорошие деньги. Но в последнее время в нашем бизнесе застой, а так у меня появляется шанс. Вот только...

– Вот только туфли мистера Стина, которые он надел наоборот, – подхватила Элейн. – Не думаю, что тебе стоит об этом беспокоиться. Помнишь дядюшку Эда?

– Конечно. Он носил свой жилет, вывернув его наизнанку.

– Причем из чистого упрямства. Однажды он случайно вывернул жилет, и кто-то над ним посмеялся. С тех пор дядюшка носил жилет только так – и не изменил своей привычке до самой смерти.

– Возможно, именно так все и обстоит, – ответил Гомер, – но когда ты носишь наизнанку жилет, у тебя не болит спина или грудь. А надетые неправильно ботинки должны ужасно жать ноги.

– Быть может, бедный мистер Стин калека.

– Да, и он таким уродился.

– Если ты сдашь в аренду все дома, мы сможем поехать в Европу. Мы так давно об этом мечтали. По мне, так пусть твой мистер Стин хоть босиком ходит.

– Да, пожалуй.

– И нам не мешает новая машина, – продолжала Элейн, вновь взяв в руки каталог. – А также портьеры для гостиной. А еще я не помню, когда в последний раз покупала новое платье. Кстати, как насчет столового серебра? Оно у нас такое старое. Этель подарила его нам на свадьбу...

– Ладно, – вздохнул Гомер. – Если я сумею сдать дома в аренду и если не попаду в тюрьму, отправимся в Европу.

Он знал, когда следует прекратить сопротивление.

Гомер внимательно прочитал контракт, составленный практически безупречно. Там было прямо написано, что он получит все пять тысяч. Быть может, сказал он себе, следует показать контракт адвокату.

Конгдон сразу же скажет, насколько он надежен. Однако Гомеру не хотелось никому показывать такой выгодный контракт. В нем имелось нечто постыдное – уж слишком велика обещанная сумма.

Потом Гомер проверил банк «Счастливых акров», и выяснилось, что он вполне кредитоспособен. Разрешение на строительство и прочие бумаги также находились в полнейшем порядке.

Ну что еще оставалось делать Гомеру? В особенности если жена уже десять лет говорит, что мечтает о поездке в Европу.

Гомер сел за стол и написал рекламное объявление для воскресной газеты. После некоторых размышлений он решил отказаться от красивых фраз и использовал совсем другую технику. Рекламный текст получился коротким – прочитать его не поленится никто.

Всего 4,16 доллара!!!
ВЫ ГОТОВЫ ЗАПЛАТИТЬ ВСЕГО 4,16\$
в месяц, чтобы жить в доме,
который стоит от 35 000
до 50 000 долларов?
Если готовы, то позвоните или зайдите
В АГЕНТСТВО ДЖЕКСОНА,
специализирующееся на продаже домов за городом.

Первым предполагаемым покупателем стал Х. Ф. Морган, который зашел в офис Гомера ранним воскресным утром. Х. Ф. Морган был настроен воинственно. Войдя в офис, он швырнул на стол газету с рекламным объявлением, обведенным красным карандашом.

– Все неправда! – завопил Морган. – Возмутительное жульничество!

– Совершенная правда, – спокойно ответил Гомер. – И никакого жульничества.

– Вы хотите сказать, что я буду платить четыре доллара шестнадцать центов, и все?

– Ну, не все, конечно, – уклончиво ответил Гомер. – Вы берете дом в аренду на девяносто девять лет.

– А зачем мне дом на девяносто девять лет? Я так долго не проживу.

– На самом деле так даже лучше, чем владеть домом. Вы сможете прожить в нем всю жизнь, как если бы являлись владельцем, но вам не придется платить налоги, а также за ремонт. Если у вас есть дети, после вас дом перейдет к ним.

– Вы хотите сказать, что все это легально?

Гомер решительно кивнул:

– Совершенно верно.

– А какие недостатки имеет дом?

– Никаких. Речь идет о новом доме, который стоит среди других новых домов в прекрасном загородном районе. А совсем рядом находится торговый центр, ничуть не хуже, чем в городе...

– Вы утверждаете, что дома новые?

– Верно. Там пятьдесят домов. И вы сможете выбрать любой. Но я вам не советую особенно тянуть. Я абсолютно уверен, что дома будут распроданы, как мороженое в жаркий денек.

– Моя машина припаркована возле вашего офиса.

– Вот и хорошо, – сказал Гомер, протягивая руку к шляпе. – Я возьму свою машину и покажу вам дорогу. Дома не заперты. Вы сможете посмотреть на них и выбрать тот, который вам больше понравится.

Гомер вышел на улицу и сел в свою машину. Тут он почувствовал, что на сиденье лежит что-то твердое и неровное. Ему стало больно, и он выругался. Приподнявшись, Гомер вытащил из-под себя странный предмет.

Ему еще никогда не приходилось видеть ничего подобного. Пожалуй, предмет немного напоминал деталь из детского конструктора, но Гомер никак не мог понять, как он попал к нему в машину.

Выехав на улицу, Гомер посигналил Моргану, чтобы тот следовал за ним. Вместе с Х. Ф. Морганом в машине сидели миссис Морган, вредный восьмилетний мальчишка Джек, симпатичная пятилетняя девчушка по имени Джуди и щенок боксера, которого звали Батч. От Гомера не укрылось, что «Счастливые акры» на всех произвели благоприятное впечатление. Миссис Морган всплеснула руками, а лицо Х. Ф. Моргана потемнело от подозрений. Казалось, Гомер слышит, как внутренний голос Моргана шепчет: «Нет такого безумца, который предлагал бы столь выгодную сделку!»

Джек и щенок Батч сразу же побежали в лес, Джуди принялась весело танцевать на лужайке, и Гомер сказал себе, что почти заработал свои первые пять тысяч.

День получился очень напряженным. Его телефон только что не дымился от звонков.

Одна за другой в его офис входили семьи, которые подыскивали себе дом. Они были полны подозрений и сомнений. Гомер старался изо всех сил. Еще никогда у него не было столько клиентов сразу.

Ему пришлось сопровождать каждого из них в «Счастливые акры»; он терпеливо объяснял, что здесь нет никакого обмана, что дома действительно сдаются в аренду. И всех уговаривал поторопиться с принятием решения.

– Такое просто не может продолжаться долго, – говорил Гомер, повторяя древнейшую уловку всех агентов по продаже недвижимости.

После возвращения из церкви Элейн зашла в офис и отвечала на телефонные звонки, пока Гомер беседовал с потенциальными покупателями. Днем он съездил в «Счастливые акры». Вся территория комплекса превратилась в настоящий сумасшедший дом. Ситуация больше напоминала ярмарку штата или чудовищных размеров пикник. Люди бродили по холмам, заходили в дома. Кто-то даже разбил три окна.

На полах остались грязные следы, из открытых кранов текла вода. Кто-то забыл выключить воду в шланге для полива цветов. Гомер пытался разговаривать с некоторыми посетителями, но ему так и не удалось заключить ни одной сделки.

Он вернулся в офис и стал ждать наплыва клиентов.

Однако ничего не происходило. Гомер ответил на несколько телефонных звонков и заверил звонивших, что дома действительно сдаются на выгодных условиях. И все же он ушел домой, чувствуя себя как побитая собака.

В воскресенье ему не удалось сдать в аренду ни одного дома.

Первым пришел Морган. Он явился один, рано утром в понедельник. Его по-прежнему мучили подозрения.

– Послушайте, – сказал Морган. – Я архитектор. Мне очень хорошо известно, сколько стоит дом. В чем тут подвох?

– Подвох в том, что вы платите пять тысяч долларов наличными за право получить дом в аренду на девяносто девять лет.

– Но здесь нет никакого подвоха. Это все равно что купить дом. Через сто лет любой дом теряет большую часть своей стоимости.

– Есть и другой подвох, – сказал Гомер. – Строительная фирма не продаст вам дом до тех пор, пока вы не купите у нее новый автомобиль.

– Это незаконно! – закричал Морган.

– Разве? Никто не заставляет вас принимать предложение фирмы.

– Давайте пока забудем о машине, – предложил Морган. – Скажите, как строительная компания могла построить такие дома всего за пять тысяч долларов? Мне точно известно, что это невозможно.

– Согласен с вами. Но если они намерены потерять кучу денег, зачем им мешать?

Морган постучал костяшками пальцев по письменному столу.

– Так в чем же трюк, Джексон?

– Представитель фирмы носит левую туфлю на правой ноге, а правую – на левой, если вам это что-нибудь объясняет.

Морган мрачно посмотрел на него:

– У меня такое впечатление, что вы тоже сошли с ума. Какое это имеет отношение к делу?

– Понятия не имею, – ответил Гомер. – Я упомянул эту деталь в надежде, что она вам поможет.

– К сожалению, мне не стало легче.

Гомер вздохнул:

– Я и сам ничего не понимаю.

Морган взял шляпу и нахлобучил ее на голову.

– Мы еще встретимся, Джексон, – угрюмо пообещал он.

Его слова прозвучали как угроза.

– Я буду здесь, – ответил Гомер в спину уходящего Моргана.

Гомер спустился в кафе выпить чашку кофе. Когда он вернулся, его ждал новый посетитель. Он сидел на стуле и нетерпеливо барабанил пальцами по портфелю, который держал на коленях. У него было такое выражение лица, словно он выпил что-то очень кислое.

– Мистер Джексон, – сказал он, – я представляю Ассоциацию агентов по продаже недвижимости.

– Меня это не интересует, – равнодушно ответил Джексон. – Я много лет прекрасно жил, не вступая в вашу организацию. И легко обойдусь без нее еще долгие годы.

– Я пришел вовсе не для того, чтобы предложить вам членство в нашей ассоциации. Речь идет о рекламном объявлении, которое вы дали вчера в газете.

– Хорошая реклама, как мне кажется. Во всяком случае, она привлекла много клиентов.

– Именно против подобной рекламы выступает наша ассоциация. Если вы меня простите за слишком сильное выражение, то это настоящее надувательство.

– Мистер... кстати, как вас зовут?

– Снайдер, – ответил незванный гость.

– Мистер Снайдер, если вы действительно хотите снять в аренду дом по смехотворно низкой цене четыре доллара шестнадцать центов в месяц, я с радостью покажу вам один из этих домов. Если у вас есть время, я даже готов отвезти вас туда.

Зубы Снайдера щелкнули, словно захлопывающаяся мышеловка.

– Вы прекрасно понимаете, о чем я говорю, мистер Джексон. Подобное рекламное объявление – настоящее мошенничество, и вам это прекрасно известно. Вы обманываете покупателей, и мы намерены вас разоблачить.

Гомер забросил шляпу на верхушку шкафа и уселся на стул.

– Снайдер, – сказал он, – вы только понапрасну занимаете место и отвлекаете меня от работы. Вы выполнили свой долг – предупредили меня. А теперь уходите.

Гомер не собирался так разговаривать и ужасно удивился собственной резкости. Но теперь, когда слова были произнесены, ему понравилось то чувство независимости и силы, которое они в нем пробудили.

– Вам незачем выходить из себя, – миролюбиво сказал Снайдер. – Давайте все спокойно обсудим.

– Вы пришли угрожать мне, – резко ответил Гомер. – Нам не о чем говорить. Вы сказали, что доберетесь до меня. Что ж, попробуйте.

Снайдер вскочил.

– Вы об этом пожалеете, Джексон, – злобно прошипел он.

– Весьма возможно, – признал Гомер. – А вы уверены, что вам не нужен дом?

– Только не от вас, – бросил на ходу Снайдер и с высоко поднятой головой вышел за дверь.

«Должно быть, я сбил им график продаж», – сказал себе Гомер, глядя из окна на быстро шагающего по улице Снайдера. Гомер задумался. Он знал, что у него будут неприятности, но расторгнуть контракт со Стином не представлялось возможным. Элейн уже твердо решила, что они поедут в Европу.

Выбора нет. Даже если бы Гомер захотел, он не мог повернуть назад – да и сам он уже не мог остановиться. Слишком большие деньги были поставлены на карту.

Включение автомобилей в сделку не нравилось Гомеру, но здесь от него ничего не зависело. К тому же если он будет действовать аккуратно, то не наживет себе неприятностей. Возможно, подумал Гомер, стоит сходить к Стину и поговорить с ним.

Гейб Уилсон, страховой агент, чей офис находился дальше по коридору, заглянул в дверь, увидел, что Гомер один, вошел и с довольным видом уселся на стул. Гейб был ужасное трепло.

– Ну как делишки, приятель? – ухмыляясь, спросил он. – Слышал, ты заполучил контракт со «Счастливыми акрами». Почему бы тебе не взять в долю старого друга? Твои клиенты вполне могли бы страховаться у меня.

– Проваливай, – раздраженно буркнул Гомер.

– Вчера мне рассказали классную историю. Фирма, которая занимается сносом аварийных домов, получила заказ. А помощник прораба все перепутал, и они снесли другое здание. – Гейб хлопнул себя по коленям и расхохотался. – Ты можешь представить себе лицо заказчика, когда он узнал, что произошло?

– Это влетело ему в крупную сумму, – ответил Гомер. – Можно не сомневаться, что он оказался в тяжелом положении.

– Разве не смешно?

– Не вижу тут ничего смешного.

– Как дела со «Счастливыми акрами»?

– Пока нормально, – ответил Гомер.

– Я навел справки, – сообщил Гейб. – Дешевая компания. Они нашли никудышного подрядчика, которого никто не знает. Более того, они даже материалы закупали не здесь. И подрядчик привез своих рабочих. В результате никто из местных и цента заработать не сумел.

– Весьма непатриотично.

– И не слишком умно. Не сомневаюсь, что через пару лет дома развалятся.

– А мне все равно. Я должен сдать их в аренду, остальное меня не касается.

– Есть какое-нибудь движение?

– Многие проявили интерес. А вот идет мой клиент.

Это был Морган. Он припарковал свой новенький автомобиль, сияющий хромом, у входа в здание. Гейб стремительно убрался восвояси.

Морган вошел в офис, уселся на стул и вытащил чековую книжку.

– Я купил машину, – заявил он. – На кого мне выписывать чек?

Шесть недель спустя Гомер заехал в офис торгового центра. Стин сидел в кресле, положив ноги на письменный стол. На ногах красовались черные туфли – в прошлый раз он был в коричневых. Однако они также были надеты неправильно.

– Мистер Джексон, – любезно проговорил он.

– Я наконец закончил. Все дома сданы в аренду.

– Отличная работа. – Стин засунул руку в ящик письменного стола, вытащил оттуда небольшой предмет и толкнул его через стол Гомеру. – Вот. Она теперь ваша.

Гомер взял банковскую книжку, открыл ее и увидел аккуратные ряды прихода по 4500 долларов.

– Вы заработали вполне приличную сумму, – сказал Стин.

– Жаль, что у меня нет возможности продать еще пятьдесят домов, – с грустью признался Гомер. – Или даже две сотни. Люди полны энтузиазма. Я мог бы сдать их в аренду меньше чем через неделю. У меня даже имеется длинный список желающих.

– Ну так почему бы вам не сдать их?

– Я не могу сделать это во второй раз.

– Странное дело, – заметил Стин. – Никто не живет в наших домах. Все пустуют.

– Но этого не может быть! – возразил Гомер. – Возможно, некоторые из них еще не заняты, но большинство уже давно заселены. Люди живут в ваших домах.

– А по мне, так там никого нет.

– А что случилось с теми, кто взял дома в аренду? Куда они...

– Мистер Джексон!

– Да?

– Вы мне не верите. Вы не верили мне с самого начала. И я не понимаю почему. Вы сразу посчитали мое предложение странным. Мне показалось, что вы даже испугались. Но вы должны признать, что я поступил с вами честно.

Гомер погладил чековую книжку.

– Бесспорно.

– Я знаю, что делаю, мистер Джексон. И я не вчера родился. Я все обдумал заранее. Оставайтесь со мной. Мне нужен такой человек, как вы.

– Вы предлагаете сдать дома в аренду во второй раз? – смутившись, спросил Гомер.

– Во второй раз, – с довольным видом сказал Стин. – И в третий. И в четвертый. Сдавайте их в аренду столько раз, сколько сможете. Не останавливайтесь. Никто вам и слова не скажет.

– А люди, которым я сдал в аренду дома раньше? – заметил Гомер.

– Мистер Джексон, давайте не будем паниковать – этим вопросом займусь я. Вам ни о чем не следует беспокоиться. Только сдавайте дома в аренду.

– Но так нельзя.

– Мистер Джексон, за шесть недель вы заработали четверть миллиона. Надеюсь, вы довольны. Полагаю, вы не считаете, что этого...

– Да, конечно. С учетом налогов и всего прочего...

– Забудьте о налогах. Я же говорил, что наш банк сам решает проблемы с налогами.

– Не понимаю, – пробормотал Гомер. – Так бизнес не делается.

– Именно так, – заявил Стин. – Если вы со мной не согласны, придумайте свой способ – пусть он окажется лучше. А сейчас ваши возможности безграничны. Вы сможете стать мультимиллионером...

– В тюрьме.

– Я же сказал, что мы не делаем ничего противозаконного. Если вы не хотите быть нашим представителем...

– Я должен подумать, – взмолился Гомер. – Дайте мне день или два.

– Завтра в полдень, – решительно заявил Стин. – Если завтра в полдень я не получу от вас никакого ответа, то буду искать нового человека.

Гомер встал, засовывая чековую книжку в карман.

– Я буду у вас завтра.

Стин положил ноги на стол.

– Отлично. Я буду вас ждать.

Выйдя на улицу, Гомер прошел мимо сияющих витрин магазинов. Теперь он заметил, что продавцов слишком мало, а покупателей и вовсе ни одного. Гомер зашел в аптеку, чтобы купить сигару. За прилавком стояла молоденькая девушка, которая, видимо, недавно закончила школу. Гомер никогда ее раньше не видел.

– Вы живете здесь? – спросил он.

– Нет, сэр. В городе.

Потом Гомер зашел в магазин скобяных изделий и продуктовый супермаркет. И нигде не встретил знакомых. «Как странно, – подумал он, – я прожил здесь почти тринадцать лет и думал, что знаком практически со всеми».

Тут Гомер вспомнил, что Гейб говорил относительно строительной фирмы: они всех рабочих привезли с собой. Возможно, по какой-то дурацкой причине Стин не захотел нанимать местных жителей. Однако взял на работу Гомера.

Абсурд какой-то... Но сдавать дома в аренду во второй раз – это уже слишком.

Пожалуй, пора выйти из дела. Он заработал приличную сумму. Если он уйдет сейчас, никто не сможет предъявить ему никаких обвинений.

А если останется, у него будут серьезные неприятности. Гомер раскурил сигару и вернулся к машине. Выехал с парковки на дорогу и свернул к участку, где находились новые дома.

Он медленно вел машину, внимательно глядясь в каждый дом. Все они казались пустыми. На окнах – никаких занавесок и портьер. Трава на лужайках не подстригалась вот уже несколько недель. И нигде он не заметил играющих детей или резвящихся кошек и собак.

Почти во всех семьях, снявших дома, были дети, кошки или собаки. Здесь должна кипеть жизнь, сказал себе Гомер, но повсюду царит тишина.

Остановив машину, он вошел в один из домов. В нем было пусто и голо. В углах он нашел остатки опилок и стружки. На полу не осталось царапин, на стенах – ни одного следа гвоздя. Окна не вымыты, никто даже не содрал упаковочную бумагу со стекол. Гомер вышел из дома в полнейшем недоумении.

В двух других домах все выглядело точно так же.

Значит, Стин сказал правду. Стин – человек с туфлями, надетыми не на ту ногу, – заметно изменился. Шесть недель назад, когда Стин вошел в офис Гомера, он вел себя осторожно и тщательно формулировал свои предложения. Теперь он держался небрежно, даже сидел за столом, положив на него ноги, а в разговоре использовал жаргонные словечки.

В домах Гомер не нашел ни одной живой души. Более того, в них никто никогда не жил. Он сдал в аренду пятьдесят домов, но ни один из его клиентов так и не въехал в свое новое жилище.

Нет, тут что-то не так, здесь происходит нечто ужасное.

На обратном пути Гомер зашел в офис Стина. И наткнулся на запертую дверь. Старый привратник открыл ворота и помахал ему рукой из окошка своей будки.

Вернувшись в офис, Гомер взял список людей, которые стали арендаторами. Он позвонил Моргану, чья фамилия стояла первой.

– Номер изменился, – сказала телефонистка. – Запишите новый телефон мистера Моргана.

Гомер набрал новый номер.

– «Счастливые акры», – пропел мелодичный голос.

– Что?

– «Счастливые акры», – повторил голос. – С кем вы хотите говорить, сэръ?

– С мистером Морганом.

Пришлось немного подождать. Трубку взял сам Морган.

– Говорит Гомер Джексон. Хочу узнать, как вы устроились. Вам нравится дом? У вас все в порядке?

– Просто превосходно, – радостно ответил Морган. – Я даже хотел забежать и поблагодарить вас.

– Вы действительно всем довольны?

– Лучше и быть не могло. Теперь я почти не хожу в свой офис. Остаюсь здесь и работаю в комнате развлечений. А еще ловлю рыбу и гуляю. Жена и дети довольны не меньше меня. – Морган понизил голос: – Но как вам удалось создать все это? Я пытался сам найти ответ, но у меня ничего не вышло.

– Это тайна, – ответил Гомер, импровизируя на ходу. – Мы всего лишь решаем жилищные вопросы.

– Впрочем, мне все равно, – заявил Морган. – Так, просто любопытно. Обязательно зайду к вам и кое-что принесу.

– Буду рад встрече с вами, – ответил Гомер.

Затем он вновь позвонил в «Счастливые акры» и попросил соединить его с другой семьей. Так он дошел до середины списка. В основном Гомер беседовал с женщинами, хотя часть мужчин оказалась дома. Они не только были счастливы, но и горели желанием поделиться своими впечатлениями с Гомером. И почти все шутливо спрашивали, как ему удалось повернуть такое необычное дело.

Когда Гомер закончил телефонные разговоры, его глаза совершенно остекленели. Тогда он решил спуститься вниз и выпить чашечку кофе. Вернувшись обратно в офис, Гомер принял решение.

Он взял список тех, кто хотел заключить договор об аренде, но не попал в первые пятьдесят счастливчиков, и начал их обзванивать:

– Если вас это интересует, то в «Счастливых акрах» освободился дом.

Люди отвечали, что их это интересует.

Он напоминал им насчет машины, и они отвечали, что утром первым делом купят машину.

К ужину он сдал в аренду двадцать домов – по телефону.

– Тут что-то не так, – сказал Гомер жене. – Но я могу отхватить серьезный куш.

– Ты просто чего-то не понимаешь, – заявила Элейн. – Наверняка существуют причины, по которым мистер Стин не может тебе все объяснить.

– Но нам придется отказаться от путешествия в Европу. А мы ведь оформили паспорта и все такое.

– В Европу мы сможем отправиться позже. У тебя никогда не будет такого шанса.

– Однако я беспокоюсь, – признался Гомер.

– О, ты всегда беспокоишься о вещах, которые никогда не случаются. Мистер Стин доволен твоей работой, а люди, снявшие дома, и вовсе счастливы! Чего еще тебе нужно?

– Но куда девались все эти люди? Они не живут в домах, но разговаривают так, словно давно туда переехали. А многие спрашивают меня, как мне удалось повернуть такую замеча-

тельную сделку. Получается, будто я проявил ловкость, совершив нечто сомнительное. Но в чем состоит моя ловкость? Я бы и сам хотел знать...

– Забудь, – заявила Элейн. – Ты никогда не отличался ловкостью. И если бы я тебя постоянно не подталкивала...

– Да, дорогая, – сказал Гомер, который уже не раз это слышал.

– И перестань волноваться.

Он попытался, но у него ничего не получалось.

Ранним утром следующего дня он поехал в «Счастливые акры» и оставил машину перед воротами. С семи до девяти часов он насчитал сорок три машины, которые выехали за ворота комплекса. Некоторые он узнал – именно они снимали дома в аренду. Многие махали ему руками.

В 9:30 он въехал в ворота, припарковал свой автомобиль и медленно зашагал по тротуару.

Все дома были пусты.

Когда Гомер вернулся в свой офис, там его ждали люди. Стоянка перед зданием была забита машинами.

Сделки заключались с головокружительной быстротой. Как выяснилось, никто из потенциальных покупателей не хотел осмотреть дома – все видели их раньше. Они стремились только к одному: получить договор на аренду. Гомер без передышки заполнял формы, а стопка чеков и наличных на его столе стремительно росла.

Пришли новые клиенты, сказали, что до них дошли слухи о свободных домах в «Счастливых акрах». Да, отвечал Гомер, так и есть. Впрочем, всего несколько. Он напомнил им о новых машинах.

Последний человек в очереди заявил, что он не хочет брать дом в аренду.

– Меня зовут Фаулер, – сказал он. – Я представляю Ассоциацию строителей и подрядчиков. Возможно, вы сумеете мне помочь.

– У меня есть дом для вас, если вы пришли сюда для этого, – предложил Гомер.

– Мне не нужен дом. У меня уже есть один, благодарю.

– Советую вам его продать и заключить сделку с нами. У нас абсолютно новый подход к решению жилищного вопроса.

Фаулер покачал головой:

– Меня интересует только один вопрос: как мне связаться с мистером Стином?

– Никаких проблем, – ответил Гомер. – Отправляйтесь в «Счастливые акры». У него там офис.

– Я был там дюжину раз. Его никогда нет на месте. Офис заперт.

– У меня ни разу не возникло с этим проблем, хотя я вижу с ним довольно редко. Слишком много работы.

– Вы можете рассказать мне, мистер Джексон, как он это делает?

– О чем вы? Как ему удается всегда отсутствовать?

– Нет. Как он может продавать дома по пять тысяч долларов за штуку?

– Он не продает. Мистер Стин сдает дома в аренду.

– Только не надо морочить мне голову. Аренда на девяносто девять лет ничем не отличается от продажи. И он не может строить дома за такие деньги. Стин теряет по двадцать тысяч долларов на каждом доме.

– Если человек хочет выбросить на ветер собственные деньги...

– Мистер Джексон, – перебил его Фаулер, – речь совсем о другом. Стин нарушает правила честной конкуренции.

– Нет, пока он сдает дома в аренду, – возразил Гомер. – Вот когда он начнет продавать, тогда другое дело.

– Если так будет продолжаться и дальше, все подрядчики в нашей местности останутся без работы.

– Откровенно говоря, – заметил Гомер, – во многих случаях это будет лишь справедливо. Они строят жалкие домишки в красивой обертке, но берут за работу такую цену...

– Тем не менее, мистер Джексон, они не вытесняют конкурентов из бизнеса.

– И вы намерены подать в суд, – предположил Гомер.

– Вне всякого сомнения.

– Только не смотрите на меня так. Я лишь оформляю договоры об аренде.

– Мы намерены получить судебный запрет на аренду ваших домов.

– Вы будете вторыми в очереди, – раздраженно сообщил Гомер.

– Вторыми?

– После Ассоциации агентов по продаже недвижимости, которые прислали сюда своего представителя несколько недель назад. Он долго мне угрожал, но до сих пор ничего не сумел добиться. Блефовал, наверное, как и вы.

– Разрешите вас заверить, что я не намерен блефовать.

Фаулер с кислым видом встал и направился к двери.

Гомер посмотрел на часы. Время ланча давно прошло. Он спустился в кафе, чтобы выпить чашку кофе и съесть сэндвич.

В кафе было пусто, и он сидел за стойкой один. Не торопясь, Гомер выпил две чашки кофе, пытаясь свести концы с концами, но все его рассуждения не шли дальше Стинна с надежными не на ту ногу туфлями.

Тяжело вздохнув, Гомер вернулся в офис. Там его уже ждали очередные покупатели, приехавшие на новых машинах. Он вновь принялся сдавать в аренду дома.

Похоже, слухи успели распространиться по всему городу. Клиенты шли один за другим. До окончания работы он успел сдать в аренду еще четыре дома.

Просто поразительно, как быстро люди узнали о выгодной аренде. Последние три недели Гомер не делал никакой рекламы, а клиенты продолжали приходить.

Когда Гомер собирался закрыть офис, явился возбужденный Морган. В руках он держал пакет.

– А это для вас, приятель, – сказал он. – Я ведь обещал вам кое-что принести. Поймал их всего пару часов назад.

Гомер осторожно взял влажный пакет.

– Большое вам спасибо, – с сомнением сказал он.

– Не стоит. В ближайшую неделю я принесу вам еще.

Как только Морган ушел, Гомер закрыл жалюзи и осторожно развернул пакет. Внутри оказалось несколько только что выловленных форелей, завернутых в папоротник, который даже не успел завянуть.

Гомер прекрасно знал, что в радиусе двухсот миль форель не водится! Он стоял и с тоской смотрел на рыбу. Он больше не мог делать вид, что все в порядке. Даже получая по пять тысяч долларов за каждую сделку, он не мог игнорировать происходящее.

Пора взглянуть правде в глаза. Его окружили со всех сторон.

Фаулер явно собирается подавать в суд, а Ассоциация агентов по продаже недвижимости ждет, когда Гомер совершит хотя бы маленькую ошибку. И как только это произойдет, мышеловка захлопнется.

У него есть только один способ себя защитить: он должен узнать, что происходит. Больше нельзя играть втемную.

Если он узнает правду, то сможет что-то предпринять. Возможно, даже успеет вовремя уйти. Пришла пора решительных действий.

Гомер продолжал стоять посреди офиса, на столе лежала завернутая во влажную бумагу рыба, а перед глазами у него маячили ровные ряды одинаковых домиков, за ними такие же улицы, одна за другой, ничем не отличающиеся друг от друга, постепенно исчезающие за горизонтом.

Возможно, все именно так и есть, однако не существует даже второй улицы с одинаковыми домами. Он собственными глазами видел лишь одну улицу, на которой стояли пустые дома, – но каким-то непостижимым образом там жили люди.

«Сдавайте их в аренду во второй раз, – сказал Стин, – а потом в третий и в четвертый – этим вопросом займусь я. Вам ни о чем не следует беспокоиться. Сдавайте дома в аренду, и все дела».

И Гомер сдал первый дом в аренду, но люди поселились не в нем, а в другом точно таком же, стоящем сразу за первым, и тогда он вновь сдал в аренду первый дом, а люди стали жить в третьем, который ничем не отличался от первых двух, – да, все происходит именно так.

Вот только глупо пытаться по-детски объяснить то, чего ты не понимаешь. Волшебная сказка.

Гомер попытался придумать какое-нибудь рациональное объяснение, но ничего не получилось.

Человек должен доверять своему здравому смыслу, не так ли? Он должен верить своим глазам. Гомер прекрасно знал, что построено только пятьдесят домов – пустых, несмотря на то что в них живут люди. Он поговорил с множеством людей, которые с радостью рассказали о своей новой чудесной жизни в пустых домах.

Нет, так не бывает, продолжал спор с самим собой Гомер. Все эти люди сошли с ума – Стин и все, кто живет в пустых домах.

Он завернул рыбу в бумагу и не слишком аккуратно перевязал пакет. Не имеет значения, откуда взялась форель, но она наверняка очень вкусная. И вкус свежей форели вдруг представился Гомеру одной из немногих истинных вещей, оставшихся в мире.

Позади послышался скрип, и Гомер в ужасе подскочил, резко повернувшись спиной к столу.

Дверь открывалась! Он забыл ее запереть!

Вошедший человек не носил формы, но Гомер сразу понял, что перед ним полицейский или детектив.

– Меня зовут Хопкинс, – представился он и показал свой значок.

Гомер плотно прикрыл рот, чтобы детектив не услышал, как стучат его зубы.

– Надеюсь, вы сумеете мне помочь, – сказал Хопкинс.

– Конечно, – пролепетал Гомер. – Сделаю все, что в моих силах.

– Вы знаете человека по имени Дал?

– Не думаю, – покачал головой Гомер.

– А вы не посмотрите в своих записях?

– В моих записях? – переспросил Гомер, окончательно переставший понимать, что происходит.

– Мистер Джексон, вы ведь бизнесмен. У вас должна быть картотека – имена людей, которым вы продаете недвижимость.

– Да, – пробормотал Гомер. – Да, естественно, у меня есть такие записи. Несомненно. Конечно.

Трясущимися руками он вытащил ящик письменного стола и достал папку, которую завел для арендаторов домов в «Счастливых акрах». Он открыл ее и принялся просматривать фамилии клиентов.

– Кажется, здесь есть такая фамилия, – сказал он. – Дал, вроде бы вы сказали?

– Джон Х. Дал, – уточнил Хопкинс.

– Верно, три недели назад я сдал в аренду дом в «Счастливых акрах» Джону Х. Далу. Вы полагаете, это он?

– Высокий, смуглый человек. Сорока трех лет. Довольно нервный.

Гомер покачал головой:

– Я его не помню. У меня было очень много посетителей.

– А есть в ваших списках Бенни Огаст?

Гомер перевернул несколько страниц:

– Б. Дж. Огаст. Он приходил на следующий день после мистера Дала.

– И еще меня интересует человек по имени Дрейк.

Дрейк также оказался в списках. Хопкинс довольно потер руки:

– А как мне попасть в «Счастливые акры»?

Охваченный тоской Гомер рассказал Хопкинсу, как туда доехать.

Захватив пакет с рыбой, он вышел из офиса вместе с Хопкинсом. Полицейский сел в машину и уехал, а Гомер еще долго смотрел ему вслед. Не стоит попадаться Хопкинсу на глаза, когда он вернется. Оставалось надеяться, что полицейский не станет его искать.

Закрыв офис, Гомер зашел в кафе купить газету. Он развернул свежий номер, и на глаза ему сразу же попался броский заголовок:

РАЗЫСКИВАЮТСЯ ТРОЕ ПРЕСТУПНИКОВ, ПРОВЕРНУВШИХ БИРЖЕВУЮ АФЕРУ

Ниже красовались три фотографии. Он прочитал фамилии. Дал. Огаст. Дрейк. Тщательно сложив газету, Гомер засунул ее под мышку и почувствовал, как по спине течет пот.

Он прекрасно понимал, что Хопкинс никогда не найдет этих людей. В «Счастливых акрах» они будут в безопасности. Тут только до Гомера дошло, каким идеальным местом станут «Счастливые акры» для тех, кто захочет скрыться.

Интересно, скольких арендаторов разыскивает полиция? Неудивительно, что сведения о «Счастливых акрах» распространились так стремительно, а возле его офиса толпятся люди, купившие новые автомобили.

Так что же все-таки происходит? Как устроена афера? Кто стоит за «Счастливыми акрами»? И почему он, Гомер Джексон, оказался втянут в эту таинственную историю?

Элейн бросила на него оценивающий взгляд, как только он переступил порог.

– Ты взволнован, – строго сказала она.

Гомер благородно соврал:

– Все нет. Просто немного устал.

«Напуган до смерти» – было бы гораздо ближе к истине.

На следующее утро к девяти часам утра Гомер подъехал к «Счастливым акрам». Он без стука вошел в кабинет Стина и только тут заметил, что у него посетитель. Человек, беседовавший со Стином, быстро повернулся к двери.

– А, это вы, – сказал он.

Гомер увидел, что этот человек – Хопкинс. Стин устало улыбнулся:

– Мистер Хопкинс полагает, что мы препятствуем свершению правосудия.

– Не понимаю, как мистеру Хопкинсу могла прийти в голову подобная мысль? – удивился

Гомер.

Хопкинс с трудом сдерживал ярость:

– Где все эти люди? Что вы с ними сделали?

– Я же говорил вам, мистер Хопкинс, мы лишь сдаем дома в аренду. Мы не отвечаем за наших арендаторов. У нас снимают жилье самые разные люди.

– Вы их спрятали!

– Ну как мы можем их спрятать, мистер Хопкинс? И где? Вы можете зайти в любой из наших домов. Ищите, сколько душе угодно.

– Я не понимаю, что здесь происходит, – разгневанно заявил Хопкинс. – Но я обязательно выясню. И очень советую вам обоим дать разумные объяснения.

– Я считаю, – задумчиво проговорил Стин, – что приверженность мистера Хопкинса долгу заслуживает восхищения. Вы согласны со мной, мистер Джексон?

– Вне всякого сомнения, – ответил Гомер, который не знал, что еще можно сказать.

– Вы еще подавитесь собственными словами, – обещал им Хопкинс.

И выскочил из кабинета, оглушительно хлопнув дверью.

– Какой неприятный человек, – совершенно спокойно заметил Стин.

– Я выхожу из дела, – заявил Гомер. – У меня полные карманы наличных и чеков. Как только я их верну, мое участие в вашем предприятии будет закончено. Ищите кого-нибудь другого – пусть он выполняет для вас грязную работу.

– Мне очень неприятно это слышать. Причем в тот самый момент, когда дела у вас идут так успешно. Вы можете заработать кучу денег.

– Это слишком рискованно.

– Да, так кажется, но на самом деле вы ничем не рискуете. Типы вроде Хопкинса поднимают много пыли, но что они могут сделать? Нам ничто не угрожает.

– Мы сдаем в аренду одни и те же дома.

– Да, конечно, – не стал спорить Стин. – А как еще мне найти достаточное количество клиентов для нашего торгового центра? Вы же сами сказали, что пятидесяти семей будет мало. И вы, конечно, правы. Но если сдать дома в аренду по десять раз, то получится пятьсот семей... Между прочим, мистер Джексон, к тому моменту, когда мы сдадим наши дома в аренду в сотый раз, вы заработаете двадцать пять миллионов долларов – совсем неплохо за несколько лет работы. И что бы вы обо мне ни думали, мистер Джексон, – сказал в заключение Стин, – я поступаю абсолютно честно. Вы торгуете настоящим товаром. Ведь я говорил, что меня не интересуют деньги от продажи домов, меня волнует лишь прибыль торгового центра.

Гомер попытался сделать вид, что слова Стина не произвели на него впечатления. Он стал вынимать из карманов деньги и чеки. Стин принялся ставить передаточные подписи на чеках, а потом аккуратно сложил наличные.

– Надеюсь, что вы передумаете, мистер Джексон, – продолжал убеждать он. – Мне нужен такой человек, как вы. Ваша работа меня полностью удовлетворяет. Я прошу вас остаться.

– Тогда будьте со мной откровенны до конца, – предложил Гомер. – И я останусь. Расскажите, как это все работает и каковы ваши планы.

Стин поднес палец к губам:

– Тшш! Вы не понимаете, о чем просите.

– Иными словами, вы утверждаете, что нам не грозят серьезные неприятности?

– Ну, в худшем случае к нам будут приставать неприятные типы, не более того.

– Но нас могут привлечь к суду, если сумеют доказать, что мы помогаем скрываться преступникам.

Стин тяжело вздохнул:

– Мистер Джексон, скольким сбежавшим преступникам вы дали приют за последние шесть недель?

– Ни одному, – решительно ответил Гомер.

– И я тоже. – Стин широко развел руки в стороны. – Значит, нам нечего бояться. Мы не нарушаем законов. Во всяком случае, – уточнил он, – у полиции нет никаких доказательств.

Он собрал наличные и чеки и протянул их Гомеру.

– Вот, – сказал он. – Вы можете отнести их в банк. Это ваши деньги.

Гомер взял пачку купюр и чеки и встал. Он размышлял о том, что сказал Стин. «Мы не нарушаем законов». Возможно, Стин прав и Гомер зря испугался. Что полиция может ему предъявить? Мошенничество с рекламой? Там не давалось обещаний, которые не исполнены.

Арендаторов обязывают покупать новые автомобили? Да, такой вариант возможен, но Гомер не говорил, что приобретение машины является обязательным условием для совершения сделки. Он лишь упоминал, что было бы неплохо купить автомобиль у фирмы, которая представляет «Счастливые акры».

Неужели его могут отдать под суд за то, что он продает дома дешевле их себестоимости? Едва ли, ведь будет очень непросто доказать, что аренда равносильна продаже. К тому же продажа или сдача в аренду домов по ценам ниже себестоимости не является преступлением.

Наконец, неужели его могли бы арестовать за сдачу в аренду одних и тех же домов по несколько раз? Конечно нет – до тех пор, пока кто-нибудь не пострадал, а как это доказать?

За исчезновение людей? Но с ними можно поговорить по телефону, к тому же они регулярно выезжают за ворота комплекса. И все довольны и даже счастливы.

– Быть может, – мягко проговорил Стин, – вы согласитесь остаться с нами.

– Возможно, – ответил Гомер.

И направился в банк. Здание производило впечатление. Фойе было отделано эффектным красноватым металлом и блистающими зеркалами. В изящных клетках сидели птицы, некоторые из них пели.

Клиентов в банке не оказалось, но повсюду сохранялась идеальная чистота. Симпатичный вице-президент сидел за полированным письменным столом, на поверхности которого не было ни одного документа. Рядом за узким окошечком скучал кассир.

Гомер подошел к окошку и просунул внутрь наличные и чеки. Потом достал из бумажника банковскую расчетную книжку и протянул кассиру. Кассир просмотрел книжку и сказал:

– Сожалею, мистер Джексон, но у вас нет счета в нашем банке.

– Нет счета! – вскричал Гомер. – Но у меня на счету четверть миллиона!

Его сердце упало и едва не разбилось о пол. Если бы рядом оказался Стин, ему бы не поздоровилось.

– Нет, – спокойно сказал кассир, – вы сделали ошибку. Вот и все.

– Ошибку! – выдохнул Гомер, ему пришлось вцепиться в окошко, чтобы не упасть.

– Вполне объяснимую ошибку, – сочувственно заметил кассир. – Такое могло произойти с кем угодно. Ваш счет находится во Втором банке.

– Во Втором банке, – прохрипел Гомер. – О чем вы говорите? Здесь нет других банков.

– Послушайте, здесь написано, что ваш счет находится во Втором банке.

Он показал Гомеру его банковскую книжку. Там действительно было написано: «Второй банк „Счастливых акров“».

– Ну ладно, так-то лучше, – с облегчением пробормотал Гомер. – А вы не подскажете, как мне попасть во Второй банк?

– Охотно, сэр. Вам нужно пройти направо. Прямо через эту дверь.

И он вернул Гомеру деньги и чеки.

– Так вы говорите, в эту дверь? – уточнил Гомер.

– Да, в ту, что рядом с фонтанчиком для питья.

Крепко сжимая банковскую книжку, деньги и чеки, Гомер поспешно направился к указанной двери, распахнул ее, вошел и захлопнул за собой прежде, чем понял, что оказался в чулане.

Здесь было совсем мало места, и Гомер с трудом мог повернуться, к тому же вокруг царилась кромешная темнота. Гомер моментально взмок, он зашарил вокруг руками, пытаясь отыскать дверную ручку. Наконец удача улыбнулась ему, и он распахнул дверь.

Окончательно потерявший терпение Гомер подбежал к окошку кассира и сердито постучал по стеклу. Кассир поднял голову.

– Что за дурацкие шутки? – завопил Гомер. – Что вы себе позволяете? Что здесь происходит? Я попал в обычный чулан.

– Прошу меня простить, сэр, – вежливо извинился кассир. – Это моя вина. Я забыл вам дать это.

Он наклонился, вытащил из выдвижного ящика какой-то маленький предмет и протянул Гомеру. Больше всего этот предмет показался Гомеру похожим на необычное украшение на радиаторе автомобиля. С удивлением рассматривая его, Гомер спросил:

– А какое отношение эта штука имеет к банку?

– Самое прямое, – ответил кассир. – Она поможет вам попасть во Второй банк. Только не потеряйте ее. Она потребуется вам, чтобы вернуться обратно.

– Вы хотите сказать, что я должен просто держать ее в руке?

– Совершенно верно, сэр, – заверил его кассир.

Гомер вернулся к двери, все еще не веря кассиру. «Это какой-то бессмысленный бред, – сказал он себе. – Эти ребята ничем не отличаются от Гейба Уилсона – так и норовят отмочить дурацкую шутку. Если кассир надо мной потешается, – пообещал себе Гомер, – я вытру его шевелюрой пол».

Он открыл дверь и еще раз вошел в чулан – и оказался вовсе не в чулане, а в другом банке.

Металлическая отделка отдавала красным, блистали многочисленные зеркала, пели птицы, вот только клиентов здесь было полно. За стеклом трудились трое кассиров, а безупречно одетый вице-президент работал не покладая рук.

Гомер немного постоял возле двери. Клиенты не обращали на него внимания, но, когда Гомер пригляделся к ним, он обнаружил, что многих знает.

Это были те самые люди, которым он сдавал дома в аренду. Теперь они пришли во Второй банк по своим делам.

Засунув металлический предмет в карман, он направился к окошку, где было поменьше клиентов. Ему пришлось немного подождать, пока стоящий перед ним мужчина не закончит делать вклад.

Гомер видел лишь его затылок, но мужчина показался ему знакомым. Он стоял и вспоминал людей, которые прошли через его офис за последние шесть недель.

Наконец мужчина повернулся, и Гомер разглядел его лицо.

Дал. То самое лицо, которое вчера смотрело на него со страницы газеты.

– Приветствую вас, мистер Джексон, – сказал Дал, – давненько не виделись.

Гомер едва не подавился собственным языком.

– Добрый день, мистер Дал. Как вам нравится ваш дом?

– Он просто великолепен, мистер Джексон. Здесь так тихо и спокойно, я просто не могу отсюда уехать.

«Держу пари, что так оно и есть», – подумал Гомер.

– Рад слышать, что вы довольны, – ответил Гомер и подошел к окошку.

Кассир открыл его банковскую книжку.

– Как хорошо, что вы нас посетили, мистер Джексон. Полагаю, что вас захочет повидать президент. Вы зайдете к нему, когда я закончу оформлять ваш вклад?

Когда Гомер отходил от окошечка, по его спине пробежал холодок: интересно, зачем президент ищет с ним встречи и какие новые неприятности его ждут?

Гомер постучал, и приветливый голос предложил ему войти. Президент оказался тучным и удивительно доброжелательным джентльменом.

– Я надеялся, что вы зайдете, – заявил он. – Уж не знаю, известно ли вам, что вы наш самый крупный вкладчик?

Он крепко пожал Гомеру руку и предложил ему сесть в кресло. Затем президент закурил сигару, и Гомер, неплохо разбиравшийся в табаке, решил, что она должна стоить никак не меньше пятидесяти центов.

Выпустив струю ароматного дыма, президент уселся за свой стол.

– У вас здесь все превосходно организовано, – заметил Гомер, чтобы завязать разговор.

– О да, – кивнул президент. – По высшему разряду. Но вы же знаете, мы лишь проводим испытания.

– Нет, мне об этом ничего не известно.

– Да, конечно. Вот увидите, у нас получится. И тогда мы сможем реализовать более крупные проекты, – уверен, они окажутся намного прибыльнее. Впрочем, тут ничего нельзя утверждать заранее, – кто знает, как будут приняты новые идеи. Иногда проводятся серьезные предварительные исследования, бесчисленные оценки, а результат никого не удовлетворяет.

– Вы правы, – ответил Гомер, не очень понимая, о чем говорит президент.

– А как только система заработает, – продолжал президент, – мы сможем передать управление местным жителям.

– Понятно. Значит, вы приехали издалека?

– Естественно. Я из города.

«Как странно он изъясняется», – вдруг подумал Гомер. Он внимательно наблюдал за президентом, лицо которого оставалось совершенно спокойным, – он не производил впечатления человека, который оговорился или сказал совсем не то, что хотел.

– Я очень рад, что познакомился с вами, – сказал Гомер. – Честно говоря, я подумывал о том, чтобы перевести счет в другой банк и...

На лице президента появилось выражение ужаса.

– Но почему? Вам наверняка рассказали о налоговых преимуществах, которыми пользуются наши вкладчики.

– Да, об этом шла речь, но, должен признаться, я не совсем понял.

– О, мистер Джексон, все очень просто. Тут нет никакой тайны. Что касается властей вашей страны...

– Моей страны?

– Ну да, конечно. Мне представляется, с логической точки зрения – и мы готовы отстаивать наши позиции в суде, – что данная территория уже не является Соединенными Штатами Америки. Но даже если считать ее частью вашей великой нации – а я сомневаюсь, что подобное утверждение будет признано в суде, – наша документация остается недоступной для федеральных агентов вашей страны. Только не говорите мне, что вы не понимаете, какие выводы из этого следуют.

– Подоходный налог, – сказал Гомер.

– Верно, – радостно улыбаясь, кивнул президент.

– То, что вы рассказали, чрезвычайно интересно. – Гомер встал и протянул руку президенту. – Мы еще обязательно встретимся.

– Благодарю вас, – ответил президент. – Заходите в любое время.

На улице ярко сияло солнце.

Торговый центр занимал весь квартал, повсюду прогуливались люди, заходили в магазины, делали покупки. Несколько машин было припарковано на стоянке – мир Второго банка выглядел точно так же, как мир Первого банка, и если бы Гомер не знал, в чем отличие...

«Боже мой, – подумал Гомер, – так чем же они отличаются? Что произошло на самом деле?» Он вошел в какую-то дверь и оказался в другом банке, где обнаружил пропавших людей – тех, кто не жил в пустых домах мира Первого банка.

Получалось, что мир, в котором стоят пустые дома, лишь витрина? С тем же успехом на месте домов могли бы стоять образцы. Здесь выстроилась вторая улица, о которой он размышлял вчера. А за второй улицей появятся третья, четвертая и так далее?

Совершенно потрясенный Гомер брел по гладкому тротуару; да, вторая улица была самой настоящей реальностью. Он никак не мог до конца осмыслить происходящее. Его разум отказывался постичь, как такое возможно, и он сказал себе, что все это неправда. Однако Гомер видел: мир Второго банка существует, как бы его разум ни сопротивлялся тому, о чем говорили ему глаза!

Он незаметно подошел к воротам комплекса. Они ничем не отличались от ворот мира Первого банка – такая же массивная металлическая решетка.

Однако здесь не было сторожа.

По дороге стремительно мчалась машина – прямо к воротам. Казалось, водитель их не видит. Гомер закричал, но машина не сбавила ход. Он принялся размахивать руками, но водитель не обращал на него ни малейшего внимания.

«Он совсем спятил, – подумал Гомер. – Сейчас он врежется в ворота и...»

И автомобиль на высокой скорости влетел в ворота – совершенно беззвучно, Гомер не слышал ни удара, ни скрежета рвущегося металла. Ничего не произошло. Ничего.

Ворота стояли на прежнем месте. А машина исчезла. Гомер неуверенно двинулся к воротам.

Не доходя десяти шагов, он остановился.

Дорога подходила к воротам; дальше ничего не было. На множество миль за воротами тянулась дикая местность.

Гомер осторожно приблизился к воротам и выглянул сквозь решетку.

Всего в нескольких футах от ворот высился гигантский дуб, а за ним простирался вековой перевозданный лес, откуда доносилось приятное журчание ручья.

«Рыба, – подумал Гомер. – Возможно, именно в этом ручье водится форель». Он протянул руку и коснулся железной решетки ворот. И в тот же миг лес исчез – Гомер стоял у знакомого входа в комплекс «Счастливые акры», возле широко распахнутых ворот, рядом с автострадой, на которую выходил участок дороги, ведущей к комплексу.

– Доброе утро, сэр, – приветствовал Гомера сторож. – Пожалуй, вам стоит отойти в сторону, иначе вас может задавить машина.

– Что? – тупо переспросил Гомер.

– Машина. Вы ведь стоите на дороге.

Гомер повернулся на каблуках, быстро прошел мимо сторожа и решительно направился в офис Стина.

Однако оказалось, что дверь заперта. Гомер громко постучал по стеклу. Ничего не произошло. Он повернулся к двери спиной и огляделся. Перекресток перед торговым центром был пуст. За деревьями виднелись дома – Гомер не сомневался, что там никого нет. Чуть дальше на солнце поблескивала гладкая поверхность озера.

Он засунул руку в карман, и его пальцы нащупали маленькое украшение для радиатора. Гомер вытащил его и принялся рассматривать. Он уже видел его раньше – не эту маленькую копию, а само украшение. Да, оно стояло на новых машинах, припаркованных возле его офиса, – на них приезжали люди, которые хотели арендовать дома. И еще он заметил такое украшение на машине, едва не врезавшейся в ворота.

Гомер вернулся к стоянке, сел в свою машину и вернулся домой.

– Пожалуй, сегодня я не пойду в офис, – сказал он Элейн. – Я паршиво себя чувствую.

– Ты слишком много работаешь, – укоризненно сказала Элейн. – У тебя усталый вид.

– Ты права, – признал он.

– Полежи после ленча. Может быть, немного поспишь.

– Да, дорогая, – ответил Гомер.

Все укладывается в схему, думал он, лежа в постели и глядя в потолок. Пожалуй, можно сделать кое-какие выводы. Поразительно, но у него не оставалось выбора – он не мог не верить собственным глазам. А если считать происходящее игрой воображения, то концы никак не сходились с концами.

Некто – быть может, Стин, или кто-то другой, на кого работает Стин, – открыл способ строить один дом, который каким-то образом превращается во множество домов. И одна улица тянется вслед за другой, каждая последующая является тенью предыдущей, однако каждый дом настоящий – в них живут люди.

Первый дом уходит в другое измерение. Или дома перебираются в разные времена. Или еще что-нибудь столь же невероятное.

Так или иначе, но кому-то удалось придумать превосходную идею. Получалось, что можно построить один дом, а потом продавать его или сдавать в аренду снова и снова. И при этом безумный автор изумительной идеи согласился отдавать все деньги тому, кто сдает дома в аренду.

У Гомера не осталось ни малейших сомнений: Стин безумен. Его идеи относительно торгового центра выглядели весьма сомнительно; впрочем, если речь пойдет о пяти тысячах домов, каждый из которых сдан в аренду по десять раз, а у тебя монополия на все товары, которые они будут покупать... Пожалуй, любые расходы быстро окупятся.

Не следует также забывать о словах президента банка относительно суверенитета.

Новый подход к решению жилищного вопроса, так сказал ему Стин. Вот где собака зарыта!

Новый подход применим ко многим аспектам человеческой деятельности – промышленности, сельскому хозяйству, горному делу... Достаточно сделать одну машину, и у тебя их становится сколько угодно! Построить одну фабрику – потом их будет несколько.

Точная копия, подумал Гомер, экономика под копирку. Похоже, они в состоянии сделать столько копий, сколько захотят. Вероятно, как только ты овладеваешь принципом, количество копий ничем не ограничено. И Гомер вдруг представил «Счастливые акры», бесконечно повторяющиеся снова и снова. И нет им конца.

Он заснул, и ему приснились призрачные ряды домов, которые он безуспешно пытался сосчитать, понимая, что обретет свободу только после того, как получит результат. Но стоило ему закончить с одной улицей, как тут же возникала другая, и освобождения не наступало.

Гомер проснулся в холодном поту, во рту пересохло, на языке остался отвратительный вкус горечи. Он с трудом выбрался из постели и пошел в ванную, где подставил голову под струю холодной воды. Стало легче, но ненадолго.

Гомер спустился вниз и на обеденном столе нашел записку от Элейн: «Ушла играть в бридж к Мейбл. Бутерброды в холодильнике».

На улице уже стемнело. Он проспал несколько часов. Потерянный день, выругал себя Гомер, ну никакой пользы – и доллара не заработано.

Он нашел немного молока, выпил его, но к бутербродам даже не притронулся. Пожалуй, он съездит в офис, чтобы компенсировать потерянное время. Элейн вернется не раньше полуночи, так какой смысл сидеть одному дома?

Прихватив шляпу, Гомер направился к оставленной на подъездной аллее машине. Распахнул дверцу, плюхнулся на сиденье – и едва не вскрикнул, обнаружив, что сидит на чем-то неровном и твердом. Он страшно разозлился, вскочил и принялся шарить под собой руками.

Его пальцы сомкнулись на твердом предмете, и Гомер вспомнил. Эта штука попала ему на глаза в тот день, когда Морган пришел по первому рекламному объявлению. И с тех пор она валялась у него в машине.

Предмет был гладким и теплым, гораздо теплее, чем окружающий воздух, и от него исходило низкое гудение, словно внутри работал моторчик.

Неожиданно он мигнул.

Гомер затаил дыхание, и последовала новая вспышка.

Похоже, кто-то подавал сигнал. Инстинкт подсказывал, что ему следует немедленно избавиться от сомнительной штуковины, выбросить ее из окна, но тут из нее послышался низкий хриплый голос, который произнес нечто вроде непонятого заклинания.

– Какого дьявола? – испуганно пробормотал Гомер. – Что происходит?

Голос смолк, и наступила тягостная тишина. Гомеру стало страшно, ему вдруг показалось, что воздух душит его.

Голос заговорил снова. Он произнес единственное слово, медленно, с явным трудом, как если бы говорящий мучительно изобретал новый язык.

Тишина. Гомер ждал, сжавшись на сиденье автомобиля, по его спине медленно стекал холодный пот.

Он наконец догадался, откуда взялся диковинный предмет. Стин ехал с ним в машине, и он выпал из его кармана.

– Жжжхг-жжем-лягххх-нин!

Гомер с трудом сдержал рвущийся изо рта крик.

Из кубика доносились шуршащие, вибрирующие звуки.

«Землянин?» – вдруг пришло в голову Гомеру. Кажется, именно это слово пыталось произнести существо из кубика.

Если это действительно так и если Стин потерял кубик, значит он вовсе и не человек.

Гомер вспомнил, как носил туфли Стин, и ему вдруг стало ясно, почему тот надел их именно так. Наверное, Стин появился из такого места, где не существует понятий «правый» и «левый». Или там не знают, что такое туфли. Ну как можно ожидать, что инопланетянин, прилетевший на Землю с далекой звезды, разберется в земных обычаях, во всяком случае сразу? Он припомнил первый день.

Стин разговаривал как-то неуверенно, да и сидел на стуле неловко. Но по прошествии шести недель Стин уже развалился в кресле и положил ноги на стол. Он многому научился за это время, как неотесанный деревенщина, впервые попавший в большой город.

Странное дело, но он так и не научился правильно надевать туфли.

Кубик продолжал изрыгать незнакомые слова. Чувствовалось, что кто-то по другую сторону этого кубика не понимает, что происходит.

Ужас захватил Гомера, с каждым мгновением его страх усиливался, и он больше не мог разобрать ни единого слова.

Наконец все смолкло. Кубик лежал на его ладони, постепенно остывая, вновь став похожим на пластиковую деталь из детского конструктора.

Послышался рев приближающейся машины, которая промчалась мимо и скрылась в ночи. Со двора доносилось мяуканье кошки, где-то совсем рядом сонно щебетала птица.

Гомер открыл ящичек справа от водительского сиденья и бросил туда кубик, который улегся на карту дорог. Он почувствовал, как ужас начинает постепенно его отпускать, и тихо сидел в машине, перекатывая в ошеломленном сознании новую мысль: Стин – чужак.

Он сунул руку в карман и обнаружил металлический предмет. Теперь он понимал: это ключ, но не к многочисленным новым домам, а ключ к Стину и чужому миру.

Естественно, они не рассчитывали, что ключ останется у Гомера, ведь он вернулся в свой мир совсем другим способом, сохранив ключ. В банке кассир наверняка потребовал бы вернуть его, но Гомер повел себя непредсказуемым способом – и теперь диковинный предмет лежит у него в кармане.

Стин настаивал, чтобы всякий, кто хочет снять дом в аренду, купил новую машину. Потому что украшение на радиаторе являлось мостом, связывающим один мир с другим. Впрочем, подумал Гомер, это уж слишком – заставлять людей покупать машину, чтобы вместе с ней получить украшение на радиаторе.

Возможно, разум чужаков работает таким необычным образом.

Гомер немного успокоился. Страх еще не прошел, но он перестал быть таким всеобъемлющим.

Как должен вести себя человек, когда он узнает, что на его родине появились инопланетяне? С криком пробежать по улицам, призывая всех граждан к борьбе с врагом, или сообщить властям, постараться не упустить след? Или продолжать жить так, словно ничего не произошло?

Быть может, ему следует использовать свое знание и попытаться извлечь из него выгоду? Сейчас он единственный человек на всей Земле, который знает правду.

Стину может не понравиться, если людям станет известно, что он инопланетянин. Возможно, он многое отдаст, чтобы никто не узнал правду.

Гомер сидел и размышлял. И чем больше он думал, тем больше приходил к убеждению, что Стин пойдет на многое, чтобы Гомер продолжал хранить его тайну.

Что ж, сказал себе Гомер, все сложилось.

Этот Стин доставил ему кучу тревог и неприятностей.

Он опустил руку в карман. Миниатюрный ключ был на месте. Зачем ждать? Почему бы не сделать дело прямо сейчас? Он включил зажигание, выехал на шоссе и направился в «Счастливые акры».

Комплекс был погружен в темноту. Даже реклама на витринах погасла. Гомер припарковал машину возле офиса Стина и вышел на тротуар. Открыв багажник, он нашарил в темноте ломик и посмотрел в сторону ворот. Сторожа нигде не было видно. Он должен рискнуть. Если старый дурак захочет вмешаться, Гомер с ним разберется.

У двери в офис Стина он некоторое время колебался, пытаясь убедить себя, что найдет там другую кладовку, из которой наверняка можно попасть в другой мир.

Гомер с яростью ударил ломиком по стеклу двери, во все стороны со звоном полетели осколки.

Он замер, напряженно прислушиваясь. Тишина. Старик сторож, очевидно, крепко спал и ничего не слышал. Осторожно просунув руку внутрь, Гомер отпер дверь и вошел.

В офисе никого не было. Гомер подождал, пока глаза привыкнут к темноте, и осторожно двинулся вперед, вытянув перед собой руки. В тусклом свете он различил очертания стола и шкафа. Здесь должна быть еще одна дверь.

Необязательно на улицу, скорее – вход в другое помещение, где Стин мог бы поесть, отдохнуть и поспать. Место, которое хотя бы немного похоже на его далекий чужой дом.

Гомер подошел к шкафу и прошел вдоль него. Почти сразу же ему удалось найти дверь. Он нажал на ручку, которая легко поддалась, и оказался в соседней комнате, озаренной зеленым светом свисающей с потолка лампы.

Послышался шум, и он ощутил какое-то движение. Волосы Гомера встали дыбом, ему ужасно захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда. Волосатое чудовище протянуло лапу и схватило его за плечо как раз в тот момент, когда он собрался выскочить обратно в распахнутую дверь.

Лапа чудовища оказалась тяжелой и очень сильной. И такой мохнатой, что его мех щеко-тал кожу. Гомер раскрыл рот, чтобы закричать, но во рту у него пересохло, а горло так сжалось, что он не сумел произнести ни звука. Ломик выскользнул из его руки и со стуком упал на пол.

Долгое мгновение он стоял в лапах чудовища, пытаясь разглядеть его лицо, но тот оказался таким лохматым, что Гомер ничего не увидел. Чудовище было высоким, с массивными

плечами и грудью, но удивительно узкой талией. И хотя Гомер смертельно перепугался, он подумал, что оно похоже на пастушью собаку с торсом борца.

И все это время что-то каталось по полу и стонало.

Наконец мохнатое чудовище заговорило медленно и по слогам:

– Вы мистер Джексон, не так ли?

Гомер пробормотал в ответ нечто невнятное.

– Приношу свои извинения, – продолжало чудовище. – Я очень беден вашими словами. Я занимаюсь исследованием вашей планеты, но со словами у меня плохо.

Оно показало на существо, которое продолжало стонать и кататься по полу.

– Вот у него со словами было хорошо. – Мохнатая рука отпустила плечо Гомера. – Это ваш мистер Стин.

– А что с ним случилось? – выпалил Гомер. – Он заболел или...

– Он сам умер, – ответило чудовище.

– Вы хотите сказать, что он умирает, а вы стоите...

– Нет, нет. Он – как это правильное слово? – сделал себя неживым.

– Вы хотите сказать, он себя убил? Совершил самоубийство?

– Да, – заявило чудовище. – Он делает это очень хорошо. Вы не согласен?

– Но вы не можете...

– Он этим очень гордился. Сделал зрелище. Он только начал. Он готовит большой финал.

Вы должны оставаться смотреть. Будет что помнить.

– Нет, благодарю вас, – едва слышно пробормотал Гомер и повернулся, чтобы уйти.

Но чудовище подняло волосатую лапу и остановило его.

– Вам не надо бояться нас. Я остаюсь наполовину собой. Могу совсем превратиться в человека, но очень трудно. Так хватит?

– Все в порядке, – ответил Гомер.

Точная копия.

– Мы у вас в долгу, – сказала чудовище. – Ваш мистер Стин все перепутал.

– Готов поверить, – с чувством ответил Гомер.

– Он нелепый путаник. Шутник.

– Шутник?

– Клоун? Умник? Ну, вы понимаете – лжет, чтобы пошутить. Иногда получается очень ловко, но глупо. – Чудовище наклонилось вперед, чтобы заглянуть в лицо Гомера. – На вашей планете тоже много шутников?

– Даже слишком, – со вздохом ответил Гомер. – Один такой тип работает в соседнем с моим офисе. Его зовут Гейб Уилсон.

– Тогда вы меня поняли. Шутник не так уж плох, если на этом все заканчивается. Но шутник, который делает ошибки, – совсем другое дело. У вас есть для него название. Самоуверенный наглец, правильно?

– Верно, – подтвердил Гомер.

– Мы делаем проекты для планет, для самых разных планет. И пытаемся, чтобы наши проекты подходили каждой планете. Мы хотим помочь, дать планете то, в чем она нуждается больше всего.

– Что-то вроде помощи иностранным государствам.

– И этот путаник, – продолжало чудовище, в голосе которого появились нотки справедливого негодования, – этот самоуверенный наглец, этот простофиля, этот ваш мистер Стин, как вы думаете, что он сделал? Он прибыл на Землю в качестве руководителя проекта – но захватил с собой не тот план. Он допускал маленькие ошибки и раньше, но это уже слишком. Последняя капля.

– Вы хотите сказать, что проект «Счастливые акры» предназначался не для Земли, а для какой-то другой планеты? – предположил Гомер.

Чудовище обняло Гомера лапой за плечи, демонстрируя свое расположение и понимание.

– Именно так. Здесь не нужны «Счастливые акры». У вас вполне достаточно места для ваших людей. Не нужно дублировать.

– Но, сэр, – задумчиво проговорил Гомер, – это замечательная идея. Открываются такие удивительные возможности.

– Друг мой, в других вещах вы нуждаетесь гораздо больше. У нас есть лучший план для вас.

Гомеру не очень понравился энтузиазм, с которым чудовище говорило о другом плане.

– И в чем же состоит другой план? – спросил он.

– Это секрет чрезвычайной важности. Чтобы проект увенчался успехом, необходимо, чтобы обитатели планеты думали, будто они сами все сделали. А это все, – чудовище обвело лапой офис, – ужасные глупости и ошибки. Он позволил вам понять, что происходит.

– Но есть же еще и другие люди, – запротестовал Гомер. – В магазинах, президент банка, сторож и...

– Это все мы, – объяснило чудовище. – Вся команда приехала вместе с мистером Стином.

– Но они так похожи на людей! Они ничем не отличаются от нас!

– Да, они играли честно. Но эта обезьяна перестаралась.

– Но они одеты, как мы, и носят туфли...

– Ну, туфли – это шутка, – сердито пробормотало чудовище. – Ваш мистер Стин прекрасно знал, как нужно себя вести, чтобы не вызывать подозрений. Но он неправильно носил туфли, чтобы вывести вас... как это говорится?

– Вывести из себя?

– Да, верно! Он носил туфли неправильно, чтобы выводить вас из себя. А потом он заключил с вами фантастическую сделку и страшно радовался, считая себя умным и хитрым, – ну, настоящий клоун. Но так, скажу я вам, ни с кем нельзя обращаться. Так нельзя строить настоящие отношения. Ваш мистер Стин настоящий подонок. Пойдем посмотрим, как он страдает.

– Нет, – ужаснулся Гомер.

– Вам не нравится умирание?

– Но это негуманно.

– Конечно негуманно. Но мы ведь не гуманоиды. У нас такие социальные законы. Он сделал из себя дурака. Он допустил ошибку, достойную болвана. И теперь он должен умереть. И он должен это сделать хорошо. Большая честь – сделать хорошо. Он все испортил в своей жизни, но умирание нельзя портить. Иначе он навсегда станет негодяем.

Гомер содрогнулся, слыша, как стонет в жутковатом зеленом свете корчащийся на полу инопланетянин.

– Теперь этому конец, – заявило чудовище. – Мы закрываем проект. Совершена абсурдная ошибка. Мы все забираем с собой.

– Но так нельзя! – возразил Гомер. – Нам это нужно. Мы сумеем воспользоваться вашей идеей. Только объясните нам принцип.

– Нет. – Чудовище решительно покачало головой.

– Но если вы свернете проект, то все эти люди...

– Извините.

– Они меня прикончат! Ведь именно я сдавал им дома в аренду...

– Очень сожалею, – заявило чудовище.

– А деньги в банке? Четверть миллиона долларов, даже больше! Они исчезнут!

– У вас есть человеческие деньги в банке?

– Да. Похоже, вы скажете: «Очень сожалею».

– Мы можем с вами расплатиться. Мистер Стин заработал кучу денег. Он складывал их здесь. – Чудовище показало на дальнюю стенку. – Вы видите грудку сумок? Возьмите все, что сможете унести.

– Деньги? – спросил Гомер.

– Хорошие деньги.

– Все, что я смогу унести? – не поверил своим ушам Гомер, с надеждой глядя на сумки. –

И вы оставите меня в живых?

– Мы плохо поступили с вами, – сказала чудовище. – Это немного вас утешит?

– Вполне утешит, – радостно ответил Гомер.

Стин стал издавать более громкие звуки. Он превратился в чудовище, но продолжал кататься по полу и стонать. Гомер обошел его по широкой дуге, чтобы добраться до сумок.

Он приподнял одну из них, и она оказалась довольно тяжелой. Пожалуй, две он точно унесет. А если попробовать три? Он закинул две сумки за спину, а в руки взял третью. С большим трудом Гомер добрал до двери. Чудовище с восхищением на него смотрело.

– Я вижу, вы любите деньги?

– Точно, – тяжело дыша, ответил Гомер, опустив неподъемные сумки на пол. – Все любят деньги.

– Вы уверены, что не хотите остаться и досмотреть? Сейчас станет лучше. Будет забавно, я бы даже сказал, интересно.

Гомер с трудом сдержал дрожь.

– Нет, благодарю. Хорошего вам дня, и спасибо вам за все.

– До свидания, мой друг, – ответило чудовище.

Оно подержало дверь открытой, чтобы Гомер сумел выйти из офиса.

И он оказался перед зданием и разбитой стеклянной дверью, где еще совсем недавно стоял с ломиком в руках. Где-то совсем рядом была припаркована его машина.

Гомер решил не терять времени.

Меньше чем через пять минут он уже выезжал из ворот, благополучно засунув сумки с деньгами в багажник. Он понимал, что времени у него совсем мало. Как только чудовище снесет «Счастливые акры», целый батальон семей останется в лесу, и у всех будет только одно желание – добраться до Гомера Джексона.

Он вдруг представил себе, как это будет происходить, а потом попытался выбросить подобные мысли из головы, но у него ничего не получилось.

Появится множество бездомных людей.

Они проснутся в диком, мокром лесу, в окружении разбросанной мебели и других вещей. И все эти блестящие новые машины окажутся среди деревьев. Да, люди будут сильно обозлены.

Но мог ли Гомер винить их за это? Он и сам был ужасно разозлен.

Мерзавец Стин, подумал Гомер. Как тот подрядчик, о котором рассказывал Гейб. Подрядчик, снесший не тот дом.

Часы на приборной доске показывали, что полночь уже прошла. Наверное, Элейн вернулась домой, и они могут начинать. Гомер остановил машину. В кухонном окне горел свет. Он выскочил из машины и вбежал в дом.

– А, вот ты где, – сказала Элейн. – Я уже начала беспокоиться. Что с тобой?

– Мы уезжаем, – выпалил Гомер.

– Ты что, окончательно спятил? Ничего себе, уезжаем!

– Хотя бы раз в жизни не спорь со мной, – сказал Гомер. – Мы уезжаем. Сегодня ночью.

В моей машине три сумки с деньгами...

– Деньги! Откуда у тебя три сумки...

– Все вполне законно, – заверил ее Гомер. – С ними все в порядке. Я не грабил банк. Сейчас нет времени на объяснения. Мы уезжаем.

Неожиданно Элейн стала совершенно спокойной.

– Куда мы уезжаем, Гомер?

– Решим позднее. Может быть, в Мексику.

– Ты заболел, – обвиняюще проговорила она. – В последнее время ты слишком много работаешь. И слишком много нервничаешь из-за «Счастливых акров»...

Это уже слишком! Он повернулся к Элейн спиной и направился к двери.

– Гомер! Куда ты, Гомер?

– Я намерен показать тебе деньги, – скрипя зубами, ответил он. – Я хочу, чтобы ты их увидела.

– Подожди меня, – воскликнула Элейн, но он даже не замедлил шаг, и ей пришлось бежать за ним.

Он открыл багажник автомобиля.

– Вот деньги. Сейчас мы внесем их в дом. Ты сможешь снять туфли и походить по нашим деньгам. Возможно, тогда ты мне поверишь.

– Нет, Гомер, нет!

– Ладно, помоги мне отнести сумки в дом, – велел он.

Оказавшись в доме, он открыл одну из сумок. На пол посыпались аккуратные пачки банкнот.

Элейн опустилась на колени и взяла одну из пачек.

– Ой, они настоящие! – вскричала она.

– Конечно настоящие, – ответил Гомер.

– Ой, Гомер, смотри, здесь купюры по двадцать тысяч долларов! – Она бросила пачку и схватила другую, а потом еще и еще. – И эти тоже! – завопила она вне себя от счастья. – Здесь миллионы долларов!

Гомер с тоской рылся среди множества пачек. По его лицу ручьями стекал пот.

– И это все купюры по двадцать тысяч долларов? – с надеждой спросила она.

– Да, – ответил Гомер убитым голосом.

– Но что тебя так огорчает?

– Грязный, подлый клоун, этот мистер Стин, – с горечью ответил он.

– Да в чем дело?

– Они ничего не стоят, – сказал Гомер. – Не существует купюр достоинством в двадцать тысяч долларов. Казначейство их никогда не выпускало!

Золотой астероид

– Последний заряд – и заканчиваем. Пойдем поедем чего-нибудь и поспим, – предложил брату Винс Дрейк.

Вернон Дрейк кивнул.

– У меня уже нервы на пределе, не могу так долго не вылезать из скафандра, – сказал он. – Мы сегодня, похоже, сделали больше, чем надо, Винс.

– Да, работенка не из легких, – согласился тот. – Но чем раньше мы доставим груз на Землю, тем быстрее сможем купить новую модель «Орленка».

Парочка легко поскакала по каменистой поверхности астероида к космическому кораблю. Звездолет – серебристый монстр, уцепившийся за астероид, – своим видом нарушал коричневатую-серую монотонность маленького мирка. Сила притяжения была слабой, такой слабостью, что братьям, когда они работали, приходилось обвязывать вокруг пояса тросы, а их свободные концы прикреплять к «Орленку». Сам же корабль был надежно заякорен на планетоид при помощи магнитных дисков – иначе он при малейшем толчке отправился бы в космос.

Прыгнув в полную силу, человек мог легко оторваться от поверхности крошечной планеты и оказаться вне пределов ее притяжения. Отсюда и необходимость «швартовать» себя тросом к кораблю. Мало радости случайно вспорхнуть с каменной платформы и не иметь возможности приземлиться обратно. Сначала братья экспериментировали с утяжеленными ботинками, потом с магнитными дисками, крепившимися к подошвам, но и то и другое оказалось слишком громоздким и неудобным.

Над головой, на фоне бархатистой черноты абсолютного космоса, по своему неизменному пути двигались звезды. Астероид – каменная глыба около пяти миль в длину, в половину меньше в ширину и мили четыре в толщину – быстро кружился в пространстве. За завесой тьмы, которая окутывала маленький безвоздушный мирок, можно было наблюдать торжественную процессию созвездий, поражающую царившим в ней порядком.

В той стороне, где находилось Солнце, милях в пятнадцати от астероида, на котором обосновались Дрейки, виднелся закатывающийся за горизонт Близнаец. Астероид с золотом и Близнаец, два небольших небесных тела – по сути, просто куски камня, вращавшиеся в пространстве один вокруг другого, – составляли часть пояса астероидов, который остался от мифологической планеты, располагавшейся между Марсом и Юпитером (и разлетевшейся на тысячи мелких осколков много миллионов лет назад).

То здесь, то там из темноты выступали смутные очертания других астероидов пояса, лишь некоторые из которых тускло мерцали, отражая свет далекого Солнца. Порой совсем близко проносились огромные каменные обломки, летящие неизвестно куда сквозь пространство. Иногда на астероид, где расположились Винс и Вернон, обрушивались метеоритные дожди: его бомбардировали маленькие метеоры, летящие со скоростью пули. Множество опасностей подстерегало здесь, но ставки были высоки, и братья предпочли рискнуть.

Две каменные глыбы, вращающиеся одна вокруг другой, настоящие космические близнецы... Но Близнаец представлял собой просто огромную скалу, тогда как тот астероид, на котором Винс и Вернон производили взрывные работы, был весь пронизан желтыми прожилками золота. Руда была богатая, невероятно богатая, такая богатая, что практически рассыпалась прямо в пальцах. Стоимость того, что звездолет сможет взять на борт только за один раз, достигнет шестизначного числа. Космическая сокровищница! Золотая кладовая в межзвездной пустоте!

Братья добрались до корабля, и Винс опустился на колени, чтобы присоединить провода к детонатору. Заряды закладывали в узкие шурфы с таким расчетом, чтобы взрыв получился не слишком сильным. Если переборщить, то из-за слабой гравитации часть богатого золотой

рудой грунта будет выброшена в космос и утрачена навсегда. Такое случалось несколько раз, пока Дрейки не научились верно определять количество взрывчатки.

– Держись, – предупредил Винс.

Вернон ухватился за ступеньку наружной лестницы «Орленка». Винс взялся за другую ступеньку, а свободной рукой нажал на пунжер детонатора.

Шума не было, лишь яркие вспышки сверкнули там, где была заложена взрывчатка. Планетонид отчаянно задрожал под ногами. «Орленок» так резко подскочил на месте, что едва удержался на магнитных якорях. В полумиле от корабля, там, где сработали заряды, фонтаны мелких каменных осколков взметнулись вверх, но не упали обратно, а разлетелись в разные стороны. Обломки руды один за другим исчезли из виду, становясь отдельными фрагментами в массе себе подобных, которая составляла пояс астероидов.

– Ну, теперь на борт, – сказал Винс. – Перекусим и выспимся хорошенько. Мы сегодня славно поработали.

– Но прежде всего я сброшу с себя скафандр, – заявил Вернон. Поворачиваясь к двери, он взглянул вверх и замер в изумлении. – Гляди, Винс! – крикнул он.

Появившись откуда-то из пустоты и закрыв собой часть неба, прямо над ними застыл огромный черный корабль. Ничто не предвещало его появления. Он внезапно выплыл из непроницаемой космической тьмы и грозной тучей навис над маленьким мирком. Сопла ракетных двигателей не изрыгали пламя.

В наушниках переговорных устройств обоих братьев раздался повелительный голос:

– Стойте, где стоите. Не двигайтесь. Мы спускаемся, и вы у нас на прицеле.

Голос доносился с корабля.

– Кто вы такие, черт побери? – возмущенно спросил Вернон.

– Говорит Макс Робинсон, капитан космического корабля «Звездный скиталец».

Макс Робинсон со «Звездного скитальца»! Лица обоих братьев побледнели под шлемами. Самый известный космический пират! Непревзойденный грабитель, кроважанный бандит, гроза межпланетного пространства. Откуда он узнал о дивном сокровище, таящемся на маленьком астероиде?

Сказать было нечего. Два молодых минера поначалу не осознали подлинного значения визита Робинсона. Все произошло так внезапно, что не было никакой возможности осмыслить ситуацию.

– Проклятый грабитель! – с горечью в голосе сказал Вернон и почувствовал, как пальцы брата словно тиски сжимают его руку.

– Никто не смеет, – голос в наушниках звучал холодно и бесстрастно, – безнаказанно говорить так с Максом Робинсоном.

Винс снова сдвинул руку брата, и это удержало Вернона от очередной резкой фразы.

Оба стояли тихо, наблюдая, как гигантское судно медленно снижается, собираясь отдать якоря совсем недалеко от того места, где стоял «Орленок». Через освещенные иллюминаторы братья видели людей на борту корабля. Лица тех, кто был свободен от работы, появлялись то тут, то там в кругах света. Пираты взирали на крошечный мирок, который они почтили своим присутствием.

Трап медленно откинулся вниз, наружная дверь воздушного шлюза была быстро разблокирована и открыта.

– Добро пожаловать на мой корабль, – раздался голос Робинсона. – Входите с миром.

В голосе пирата отчетливо звучала угроза. Братья понимали, что постоянно будут находиться под прицелом всего оружия, какое только есть на «Звездном скитальце», за исключением разве что времени, которое проведут в шлюзовой камере.

Длинными прыжками минеры двинулись вперед и ступили на трап вражеского корабля. Здесь они остановились, чтобы освободиться от тросов, обхватывавших талии.

– В чем дело? – рявкнул Робинсон.

– Нужно снять страховку, – объяснил Винс. – Сила притяжения здесь такая слабая, что мы привязываем себя к нашему кораблю.

– Правильная мысль, – одобрительно усмехнулся Робинсон. – Никогда не забуду, как один из моих людей однажды спрыгнул с примерно такого же, как вот этот, паршивого маленького астероида. Мы носились вокруг в течение нескольких часов, прежде чем подобрали его. Мертвого. Отправился с перепугу в мир иной. – Братья снова услышали утробный смешок пирата.

Винс и Вернон промолчали. Ни один из них в тот момент не мог найти ничего смешного в том, что испуг довел человека до последней черты и его призвала к себе смерть. Избавившись от страховок, братья поднялись по трапу в шлюзовую камеру. Дверь за ними бесшумно поднялась на тросах и закрыла проем. Послышалось резкое шипение, продолжавшееся несколько минут, и наконец внутренняя дверь открылась.

Вернон снова почувствовал предостерегающее пожатие руки брата, когда из шлюзовой камеры они вступили внутрь корабля. Несколько членов экипажа тут же подскочили к «гостям» и проворно ощупали сверху донизу их наполненные воздухом скафандры.

– Не беспокойтесь, – успокоил пиратов Вернон, – у нас нет оружия.

Люди Робинсона расступились.

Братья отстегнули и откинули назад шлемы, после чего перекрыли клапаны кислородных баллонов. Скафандры вмиг обмякли и стали свободно облегать тела.

Разглядывая корабль, Винс и Вернон пришли к заключению, что «Звездный скиталец», оборудованный массой различных приспособлений, которые обеспечивают комфорт и безопасность космического путешествия, отвечает всем самым современным требованиям.

В отсеке рядом с ними находились шесть членов команды. Их лица не внушали доверия; подонки, набранные в тех космических портах, что пользуются самой дурной славой во Вселенной. Наверняка большинство из них – преступники, скрывающиеся от правосудия.

– Капитан хочет вас немедленно видеть, – сказал один из бандитов.

– Не возражаете, если мы снимем скафандры? – спросил Вернон. – Не очень-то приятно таскаться в них целый день.

– Валяйте. Вряд ли от этого кому-нибудь будет хуже, – проворчал пират. – Но все же поторопитесь.

Братья быстро расстегнули скафандры и вылезли из них, оставив валяться на полу.

– Капитан не из тех, кого можно заставлять ждать, – наставительным тоном произнес тот же бандит.

Минеры последовали за своим провожатым по центральному коридору в носовую часть корабля. Перед дверью проводник остановился и постучал.

– Войдите, – раздался командный голос, который Дрейки уже слышали в наушниках переговорных устройств.

Проводник распахнул дверь и жестом пригласил братьев войти внутрь. Винс и Вернон переступили порог, дверь за ними закрылась, и Дрейки оказались лицом к лицу с Максом Робинсоном, самым жестоким и неуловимым космическим пиратом во всей Солнечной системе.

Он был одет в яркую, украшенную золотыми пуговицами униформу, зеленовато-голубую, с красным кружком на груди в качестве знака отличия. В глаза бросались высокий лоб и квадратная челюсть, но ничего чрезмерного в них не было. Широкий плоский нос подрагивал над едва заметными усиками, а губы были полные и красиво очерченные. Такое лицо могло принадлежать среднестатистическому земному бизнесмену... если только не смотреть этому человеку в глаза, в которых читались лишь холодный расчет и патологическая жестокость.

Робинсон сидел за большим столом из прекрасного резного камня. Этот великолепный образец марсианского искусства, наверное, был частью добычи, захваченной пиратами в каком-нибудь спаленном дотла поселении, куда Робинсон со своей бандой вандалов «заглянул», чтобы пополнить запас продовольствия. На стенах были развешаны картины – истинные шедевры мирового искусства. В стенных нишах стояли изящные вазы и статуи. Пол был застлан пушистым ковром.

– Ну, как вам нравится мой кабинет? – осведомился Робинсон.

– Он обставлен с большим вкусом, чем можно было ожидать, – ответил Винс.

Скрытый смысл этих слов не остался незамеченным.

– Когда вы познакомитесь со мной поближе, – проворковал хозяин кабинета, – вас ожидает еще много сюрпризов.

– Не сомневаюсь, – сказал Винс.

Глаза Робинсона сузились. Казалось, он был готов перейти на резкий тон, но потом изменил свое намерение:

– Вы тут добываете руду?

– Нет, занимаемся исследованиями, – солгал Винс.

– Нашли что-нибудь?

– Немного свинца.

– Ай-ай, как плохо, – с насмешливым сочувствием в голосе запричитал Робинсон. – Совсем плохо. Вы так долго торчите на этом астероиде, а нашли всего лишь немного свинца? Забавно. Мы видели вас двадцать дней назад, пролетая мимо. И когда сегодня снова вас заметили, решили, что вы, видимо, нашли что-то интересное. Поэтому и спустились.

Винс промолчал. Сказать было нечего.

– И взрывные работы вели, – продолжал пират, – в том же самом месте. Интересно. Мне кажется, занимаясь исследованиями, вы должны были сделать много пробных взрывов.

– Мы очень надеялись найти что-нибудь действительно ценное, – объяснил Вернон. – Как раз решили, что пора заканчивать с этим. Если ничего не обнаружим после последнего взрыва, то не станем продолжать разведку. Мы и без того потратили впустую кучу времени на этом астероиде.

– Ты прав. – Голос Робинсона был шелковисто-мягким. – Вы не станете продолжать разведку... Ни на этом астероиде, ни на каком бы то ни было другом.

– Это почему? – изобразил непонимание Вернон.

Робинсон, казалось, не слышал вопроса. Он всем телом навалился на стол и с размаху стукнул кулаком по полированной крышке.

– Что вы нашли?! – проревел пират.

– Свинец, – настаивал на своем Винс.

Робинсон взял маленький молоточек и ударил в гонг, стоявший у него на столе. Дверь открылась, и в комнату вошел человек, который привел Дрейков в кабинет капитана.

– Устройте этих джентльменов со всеми удобствами, – распорядился главарь пиратов. – Я хочу своими глазами взглянуть на эти их свинцовые копии.

Слуга с дьявольской усмешкой на губах кивнул братьям, чтобы те следовали за ним, и повел пленников по коридору. В самом хвосте корабля он остановился и отпер ключом тяжелую дверь.

– Входите, – сказал проводник.

Братья вошли внутрь, дверь со скрипом закрылась. Секундой позже ключ со скрежетом повернулся в замке.

В тюремной камере «Звездного скитальца» стояли четыре привинченные к полу металлические кровати. Другой мебели не было.

Вернон тяжело опустился на одну из кроватей.

– И что нам теперь делать? – спросил он.

– Ждать. Попробуем определить, какие у нас шансы, – ответил Винс. – Может статься, что никаких. Но если будет хоть один, мы должны использовать его на все сто. Надо постараться не злить Робинсона, но в то же время сохранить достоинство. Мы не должны давать ему повод думать, что боимся его – того, что он может с нами сделать. Мы изложили ему свою историю и не отступимся от сказанного: мы занимались исследованиями и обнаружили свинец. Даже если он найдет здесь тонны золота, для нас это все равно будет свинец.

Предложенная братом линия поведения вызвала у Вернона скептическую усмешку.

Винс сел на кровать и положил руку на плечо брата.

– Нам не повезло, братишка, – сказал он. – Мы в руках худшего бандита во всей Вселенной. Мы... – Он умолк, подыскивая слова.

– Да, знаю, – отозвался Вернон, и оба молча уставились в серую стену прямо перед собой.

Винс нарушил молчание:

– Нет смысла себя обманывать.

– Никакого, – согласился Вернон. Голос его звучал так же напряженно, как и голос брата.

– Но мы должны помнить, – продолжил Винс, – что это не первый раз, когда Дрейки попадают в переделку. Кто-то из них счастливо выбирался из любых передраг, кто-то нет. Но все они всегда оставались Дрейками. Не было среди них ни одного труса или слюнтяя. Никто со слезами не просил о пощаде. Они никогда не забывали того, чему их учили. У нас есть нечто такое, чего нет, никогда не было и не будет у Робинсона, так что победа еще может остаться за нами. Что бы ни случилось, он получит мало удовлетворения от своей авантюры.

И снова братья на некоторое время погрузились в молчание.

– Давай спать, – предложил Вернон.

Винс ответил одобрительным кивком.

– Отличная идея, – сказал он и, стремясь лишний раз выразить поддержку и понимание, сжал плечо брата так, что у того даже кости хрустнули.

Усталые как собаки после долгих часов, проведенных в тесных скафандрах за добычей золотого сокровища из недр затерянного маленького астероида, они спали долго-долго, а когда проснулись, в камере стоял стол, уставленный тарелками с едой.

Вернон подошел к единственному имевшемуся в их темнице иллюминатору. Снаружи кипела работа. Несколько подъемных кранов высились над поверхностью маленького астероида, и, казалось, весь экипаж «Звездного скитальца» был занят изъятием золотого запаса планетоида. Огромные прожекторы, в спешке установленные кое-как, освещали сцену действия, выхватывая отдельные детали картины, в то время как другие оставались в глубокой тени. Скафандры блестели и сверкали, и абсолютную темноту космического пространства внезапно прорезали вспышки взрывов. «Звездного скитальца» то и дело пробивала дрожь, волной прокатывавшаяся от носа до хвоста корабля. Тяжело нагруженные люди с трудом взбирались по трапу и исчезали за дверью шлюзовой камеры.

– Что они делают? – сонно поинтересовался Винс, не вставая с кровати.

– Иди посмотри сам.

Братья стали вместе наблюдать за происходящим.

– Наши заряды, – сказал Вернон.

Винс обреченно кивнул. Оба брата отвернулись от окна, и их внимание привлек стол, заставленный едой.

– Отрава? – предположил Вернон, но Винс покачал головой.

– Это не похоже на Робинсона, – рассудил он, – недостаточно кроваво. Что за радость: отправить в вечность две несчастные души с помощью дозы стрихнина. Робинсон любит эффекты.

– Надеюсь, ты прав, – сказал Вернон.

– Какая разница, прав я или нет? – урезонил брата Винс. – Мы хотим есть, не так ли? Я лучше проглочу отраву, чем стану голодать.

Кухня на пиратском корабле была недурная, и братья, во рту у которых уже целые сутки не было ни крошки, отдали должное угощению Робинсона.

Через час появился человек, отводивший пленников в камеру, и убрал со стола...

– Капитан просил передать вам, что он нашел золото, – важно произнес охранник.

– Скажите капитану, что он нашел свинец, – поправил его Винс.

Время шло. Близнец уже десять раз обернулся вокруг своего брата-двойника. Добыча золота не прерывалась ни на минуту. Очевидно, Робинсон разделил экипаж на смены, и работа шла безостановочно. Поверхность планетоида покрылась огромными воронками. Было ясно, что пираты не прекратят взрывные работы, пока золото не иссякнет либо пока их корабль не будет нагружен до отказа.

Еду пленникам давали через определенные промежутки времени, и они спали, когда им того хотелось. Часть времени братья проводили у иллюминатора, наблюдая за тем, что происходит вокруг корабля. Они попросили у своего тюремщика колоду карт и коротали время за игрой, делая невероятно высокие ставки – воображаемые, конечно. Ни тот ни другой не заикался о том, что лежало камнем на душе, и не заводил речь о возможности побега. Оба знали, что любая попытка закончится плачевно.

Побег с корабля без скафандров означал неминуемую смерть, причем смерть ужасную, ведь на астероиде не было воздуха. Окажись у них скафандры, все равно бежать с корабля пришлось бы на глазах у толпы пиратов. И даже если бы им удалось целыми и невредимыми добраться до «Орленка», оружие, которого на «Звездном скитальце» было полно, в один момент могло испепелить и их самих, и крошечный звездолет. Все это было яснее ясного.

Близнец восемнадцатый раз обернулся вокруг своего космического компаньона, когда Дрейков снова потребовал к себе Робинсон. Они шли по коридору, позади важно вышагивал охранник. Вернон быстро протянул руку и крепко пожал руку брата. Братья двигались по дороге смерти. Ни один не усомнился в этом ни на мгновение. Не в обычаях Макса Робинсона оставлять в живых людей, которых он ограбил. Ему было невыгодно иметь в системе слишком много врагов, ненавидящих его той лютой ненавистью, которая вырастает только на почве личной обиды.

Однако братья шагали, расправив плечи, высоко подняв головы, и в их уверенной поступи не было и намека на обреченность людей, идущих на эшафот.

Они не стали дожидаться, пока охранник доложит о том, что пленники доставлены. Винс постучал костяшками пальцев по металлической двери кабинета Робинсона.

– Войдите, – отозвался пират.

Братья остановились перед украшенным чудесной резьбой столом, за которым восседал самый страшный и ненавистный человек во всей Солнечной системе.

Робинсон окинул их взглядом прищуренных глаз, и презрительный смешок застрял у него в горле.

– Этот ваш астероид, – начал он, – неплохая штука. Здесь сокровищ столько, что и во сне не приснится. Он просто нашпигован золотом.

– Он нашпигован свинцом и в настоящий момент кишит грабителями, – мягким тоном поправил Винс.

Робинсон сделал вид, что пропустил эти слова мимо ушей, но Вернон, внимательно наблюдавший за хозяином кабинета, заметил, что реплика брата задела того за живое.

– Это достойно сожаления, – елевым голосом продолжал пират. – Открыть такой огромный склад золота – и все потерять. Сила духа, которую вы проявили в сложившихся обстоятельствах, впечатляет. Вы достойны лучшей доли, чем та, какая обычно ожидает моих... моих...

– Жертв, – подсказал Вернон.

– Именно! – просиял Робинсон. – Как ты догадался?

– Просто я все время на шаг впереди вас, – объяснил Вернон.

Робинсон, однако, был полон решимости не терять лицо, потеряв терпение. Сперва он намеренно прибегал к насмешкам, чтобы сломить дух пленников, а теперь уже принуждал себя сохранять игривый тон.

Пират вскинул голову.

– Я получил все, что хотел, – заявил он, – может быть, даже больше того, на что имел право. Ведь это ваш рудник. Вы открыли, что здесь есть золото. Его еще много осталось. Я не намерен сюда возвращаться. В системе еще много подобных сокровищ, да и сокровища сами по себе ничего не значат для Макса Робинсона. Что есть сокровище в сравнении с удовольствием от процесса его получения!

– Надеюсь, – ввернул Винс, – вы получили большое удовольствие от нашего рудника.

Робинсон с издевкой кивнул.

– Разумеется, – сказал он, – поэтому я и решил оставить вас в живых – здесь, вместе со всеми вашими копиями. Я уже достаточно сделал дурного в своей жизни. Мне до зарезу нужно совершить несколько актов милосердия, чтобы искупить свои грехи.

Винс почувствовал, что Вернон, стоявший сбоку от него, заволновался, и поспешил успокоить брата пожатием руки. Вернон замер... в ожидании, когда же Робинсон вытащит джокера из рукава.

– Жаль только, – говорил тем временем пират, – что у меня мало кислородных баллонов. Я смогу оставить вам только три. По одному для каждого из вас и еще один на двоих. Как уж вы там будете его делить – ваше дело. – Робинсон торжественно посмотрел на пленников. – С сожалением должен вам сообщить, что я буду вынужден на время удалить ваш корабль из пределов досягаемости. В противном случае, уверен, вы воспользуетесь им немедленно и тут же рванете на Марс, чтобы сообщить кому следует о моем присутствии в этой части Солнечной системы. А мне, знаете ли, до поры до времени хотелось бы сохранить инкогнито.

– Вот хитрец! – воскликнул Винс. – Старый лис.

Робинсон ухмыльнулся:

– Я собираюсь перенести ваш корабль всего на несколько миль отсюда – поставлю его на якорь на Близнеце, и вы сможете им любоваться. Один из моих людей (до того как он совершил некий опрометчивый поступок и стал искать моего покровительства, он преподавал математику в земном колледже), так вот этот человек рассказал мне, что на протяжении нескольких тысяч лет вращение парных астероидов постепенно замедляется, их орбиты сближаются, пока в конце концов оба астероида не соединятся. Когда это произойдет, вы сможете добраться до своего корабля и вернуться на Землю или на Марс, не причинив мне по крайней мере вреда.

– Если кислорода хватит, – заметил Винс.

– А вот об этом-то я и не подумал! – воскликнул пират. – Может статься, кислорода и не хватит на такой долгий срок.

– Вполне возможно, – поддержал его мысль Винс.

– По крайней мере, вы будете всегда иметь возможность видеть свой корабль, когда Близнец будет находиться над горизонтом, – утешил братьев Робинсон.

При последних словах Винс подпрыгнул, налетел всем телом на стол, опрокинул его и выбил пирата из кресла. Кресло с глухим стуком повалилось на застеленный ковром пол. Ваза, стоявшая в стенной нише, закачалась и упала. Ударившись о стоявшую ниже статую, она разбилась на тысячи мелких осколков.

Винс, слегка помятый столкновением со столом, с трудом поднялся на ноги.

Вернон перепрыгнул через стол и исчез за ним. Винс тут же последовал за братом. Вернон и Робинсон сцепились на полу в клубок, из которого на мгновение появлялась то чья-то рука, то нога.

Винс включился в борьбу. Его руки дотянулись до могучей шеи пирата и как тисками сдавили горло.

В коридоре послышался топот ног.

– Быстрее! – крикнул Винс. – Прием, которому учил нас Кан!

Вернон молниеносно вскочил на ноги. Потом резко опустился и, навалившись всей тяжестью своего тела, надавил коленом на поясницу Робинсона. Винс, пальцы которого, как стальные щупальца, все еще обвивали горло врага, дернул тело пирата вверх и назад, вложив всю свою силу в этот решающий рывок. Послышался резкий хруст, позвоночник переломился.

Винс ослабил хватку, и тело рухнуло на пол.

Тут вышибли дверь. Братья одним движением перепрыгнули через стол и оказались в центре круга из дюжины пиратов, прежде чем те успели пустить в ход оружие. Работая кулаками, как поршнями, Винс и Вернон бросились в атаку. Схватка перемещалась по комнате из угла в угол. Пираты боялись использовать оружие в таком тесном помещении.

Винс рассчитался со своим первым противником точным ударом в висок, но следующий удар смазал – кулак неловко скользнул по гранитному подбородку другого пирата. Потом кто-то сильно ударил Винса в грудь, но он достойно ответил, сшибив нападавшего с ног. Следом на голову Винса опустился кулак чудовищного размера, едва не повалив его на пол. Пока он силился прийти в себя, другой удар припечатал его к стене. Перед ним замаячило чье-то лицо, и Винс с размаху поразил цель. По физиономии расплылось красное пятно, и она исчезла из поля зрения. Потом последовала череда кулачных ударов... сильных ударов...

Винс поймал взглядом Вернона, которого окружили посередине комнаты со всех сторон; увидел, как отключился один из пиратов, когда брат попал ему кулаком в горло; потом заметил, как брат упал, – кто-то ударил его сзади. И снова на Винса посыпались удары, от которых он не мог уклониться, как ни старался... тупая боль, вспышки света в голове – и потом... ничего.

Винс очнулся, и глаза ему резанул яркий свет электрических лампочек, голову пронзала пульсирующая боль. Собравшись с силами, он сел и огляделся вокруг.

Все члены экипажа «Звездного скитальца» толпились в комнате, сжимая в руках оружие. В нескольких шагах от него Вернон пытался подняться с пола.

Потом, неуверенно переставляя ноги, брат направился к нему. Винс, преодолевая боль, заставил себя встать и встретился взглядом с Верноном.

– Неплохая была потасовка... пока она продолжалась, – криво усмехнувшись, сказал Вернон.

Винс заметил, что у него недостает одного из передних зубов, а вокруг рта запеклась кровь.

– Наша последняя добрая драка, братишка, – произнес он.

Пираты взяли пленников в плотное кольцо и с тревогой следили за ними.

– Почему они не разделались с нами, братишка? – спросил Винс.

– Распоряжение Робинсона, – объяснил Вернон, – он жив.

– Как это?!

– Робинсон жив.

– Что ты несешь?! – возмутился Винс. – Впервые слышу, чтобы человек остался в живых после приема Кана.

– Его так просто не убьешь. Робинсону на роду написано быть повешенным.

Среди пиратов, окружавших Дрейков, возникло какое-то движение. Они разомкнули круг, чтобы дать пройти в центр еще двум головорезам. Эти двое несли на сцепленных руках покалеченного человека.

Робинсон взглянул на братьев взглядом, полным страдания. Ноги его беспомощно болтались, будто отчаянно, но без всякой надежды стремились дотянуться до пола. Лицо пирата превратилось в перекошенную болью и злостью маску.

– Вы собирались убить меня! – взвизгнул он.

– Мне очень жаль, – сказал Винс.

– Жаль?!

– Жаль, что не удалось.

Робинсон пробормотал что-то себе под нос.

– Бредит, – прокомментировал Вернон, а Винс кивнул.

Но они ошибались.

– Крепкие орешки, – бормотал Робинсон, – но ничего, одни на астероиде, без корабля, вы быстро сломаетесь. Плохо, что меня здесь не будет, когда вы станете драться из-за третьего баллона с кислородом, что я не смогу услышать, как вы будете жалобно скулить, видя свой корабль так близко... и в то же время так далеко. Да, очень плохо, что я не могу подождать, чтобы увидеть вас сломленными, уничтоженными.

Руки Винса, хоть и опущенные вдоль туловища, непроизвольно сжались в кулаки, и он сделал шаг вперед по направлению к пирату.

– Слушай, Робинсон, тебя самого уже больше не будет. Ты просто жалкий калека. Ты никогда снова не встанешь на ноги. Нет на свете человека, который сможет вылечить тебя. У тебя сломан позвоночник... жизнь твоя висит на волоске. Каждую оставшуюся минуту ты будешь сознавать, что всего один неудачный поворот, одно неловкое движение могут отправить тебя в вечность. Надеюсь, с Божьей помощью ты проживешь до ста лет, ежесекундно испытывая страх смерти.

– Это ты сломленный человек... бесполезная, выпотрошенная ракушка, – поддержал брата Вернон. – Эти руки переломали тебе кости... сломали тебя... И я чертовски рад, что нам удалось это сделать... Ты глумливая, низкая свинья!

– Уведите их, – распорядился Робинсон.

Пираты подскочили к Винсу и Вернону, скрутили им руки за спиной и поволокли к выходу.

Близнец показался над горизонтом кувыркающегося мира.

Два человека сидели на гребне каменистой гряды, обняв друг друга за плечи, и смотрели на астероид. На фоне его тусклого свечения серебристым пятнышком выделялся знакомый силуэт – «Орленок».

– Посмотрим на него в последний раз, – сказал Винс. – Вряд ли у нас хватит кислорода, чтобы дождаться, когда астероиды снова обернутся друг вокруг друга.

– А что нам делать с этим? – Вернон ткнул носком ботинка запасной баллон с кислородом.

– Ты сам знаешь, что нам с этим делать.

Вернон кивнул.

– Однажды о нас напишут в газетах, и наша история потрясет мир, – сказал он, – если, конечно, нас когда-нибудь найдут. Два мертвых человека в космических скафандрах с полным кислородным баллоном у ног. Загадка: почему ни один из них не воспользовался кислородом?

– Я должен что-то сказать, – прервал брата Винс. – Трудно подобрать слова. Стоит ли вообще говорить об этом своему брату... ну, ты понимаешь, каково это.

– Конечно. Лучше ничего не говорить. Я чувствую то же самое.

– На тебя можно положиться, – сказал Винс.

– На тебя тоже, – ответил Вернон.

– С тобой и умереть не страшно, братишка. Я всегда представлял себе, что мы окончим свои дни иначе. Может быть, с оружием в руках на какой-нибудь отдаленной планете или на борту старого доброго «Орленка», если он взорвется где-нибудь в открытом космосе... но только не так. Впрочем, какая разница...

– Никакой, – согласился Вернон.

Они молча смотрели, как Близнец быстро поднимается в зенит. Несколько маленьких метеоров пробуравили астероид, подняв над воронками тучи пыли.

– Если один из них упадет на нас, все будет кончено, – заметил Вернон.

– Смотри! – крикнул Винс. – Близнец падает!

Вернон вскинул голову.

Близнец падал! Падал, вращаясь вокруг своей продольной оси. Он стал заметно ближе даже за те несколько мгновений, что Вернон смотрел на астероид.

– Метеор, – воскликнул Винс, – огромный метеор. Ударился в него и сбил с орбиты! Только так можно объяснить то, что происходит.

– Он вернет нам наш корабль! – сказал Вернон.

– Он раздавит его, – поправил Винс. – И нас в придачу. Он рухнет прямо на нас.

– Нет, «Орленок» не пострадает, – возразил Вернон. – Смотри, астероид поворачивается. Тот конец, который сейчас наверху, окажется внизу, когда Близнец столкнется с нашим астероидом. А корабль будет на вершине. Он уцелеет!

– Ей-богу, ты прав, – выпалил Винс. – Скорее, братишка, нам надо убраться отсюда. Набери в руки камней, сколько сможешь, и прыгай так, как никогда раньше не прыгал! Пусть тебя унесет подальше от края.

Винс нагнулся и подобрал несколько булыжников.

– Давай шевелись! – прикрикнул он на брата.

Вернон побежал. Он большими скачками неся к ближайшему краю планетоида, прибавляя скорости при каждом прыжке. Потом он подпрыгнул вверх, как будто им выстрелили из гигантской рогатки. Он поднимался выше и выше, пока не превратился в едва заметное пятнышко на фоне черного неба.

Винс, проскакав, как мячик, по поверхности астероида, вложил всю свою силу в последний прыжок, крепко оттолкнувшись обеими ногами от скалы. Он неся прочь от астероида со скоростью поезда-экспресса. Вскоре он заметил, что надутый воздухом скафандр – скафандр его брата – тоже оторвался от астероида. Потом Винс парил в пространстве, глядя на то, как Близнец неумолимо приближается к той глыбе камня, которую они с братом только что покинули. В результате столкновения с метеоритом астероид, похоже, не только был сбит с орбиты, но и изменил направление вращения, и «Орленок» теперь находился на вершине астероида. Планетоиды сблизилась настолько, что кораблю явно не грозила опасность оказаться раздавленным, когда они встретятся: это должно было произойти с минуты на минуту, и «Орленок» просто не успеет оказаться внизу.

Винс греб руками в пустом пространстве, стараясь повернуться спиной к астероиду. Затем он что было силы швырнул камень подальше от себя. Тело его рывком подалось назад, движение мягко замедлилось, и Винс завис в пространстве. Следующий камень – и новый рывок... и еще один... и еще... Косясь через плечо, Винс видел, что двигается в правильном направлении.

Неподалеку он заметил Вернона, который тоже бросал камни.

И еще один камень... но на этот раз движение не замедлилось. Винс понял, что попал под действие гравитации и падает.

Внезапно его охватил страх. Где он просчитался? Его снова притянет к себе астероид, причем раньше, чем произойдет столкновение с Ближнецом? Или планетоиды уже столкнулись?

Отчаянная попытка перевернуться увенчалась успехом, и Винс увидел под собой ошестившуюся зубцами скал каменистую поверхность. В следующие несколько секунд все его внимание было сосредоточено на том, чтобы при столкновении с нею не порвать скафандр и не разбить шлем.

Винс обеими ногами коснулся камней, мягко упал и перекатился, прикрывая руками шлем. Казалось, что все вокруг трясется и качается, как во время землетрясения. Винс вскочил, но снова потерял равновесие.

Падая, он успел ухватить взглядом вырисовывавшиеся впереди знакомые серебристые очертания, покачивавшиеся и подскакивавшие в такт колебаниям поверхности астероида. Винс был на Ближнце, который, должно быть, уже столкнулся со своим двойником... и «Орленок» находился в нескольких десятках метров от него.

Но где же Вернон? Удалось ли ему вернуться на твердую почву? Или его унесло куда-то в неведомые дали? Когда произошло столкновение, первый астероид тоже мог сойти с орбиты. Оба теперь, вероятно, несутся сквозь пространство неведь куда. Если Вернон не попадет в зону действия силы притяжения астероидов, он обречен кружить в пространстве – один, во тьме, без всякой надежды на помощь.

От этой мысли все существо Винса болезненно сжалось. Удастся ли ему вовремя найти брата? Или он когда-нибудь обнаружит лишь плавающий в пустоте труп человека, умершего от недостатка кислорода?

Винс поднял голову, чтобы взглянуть на звездолет, и крик радости вырвался из его горла. По качающейся под ногами поверхности астероида к нему медленно брел человек. Вернон! Его брат! Живой!

Слова не шли у Винса с языка, он будто онемел.

– Винс, с тобой все в порядке? Винс! Винс, что с тобой?

– Конечно, со мной все в порядке, братишка.

Братья подошли друг к другу и обнялись.

– Мы использовали свой единственный шанс, – сказал Винс.

– Нам ничего другого не оставалось, – отозвался Вернон. – Не могли же мы стоять и ждать, пока нас раздавит в лепешку.

Рука об руку они побрели по маленькому, колеблющемуся под ногами мирку к своему «Орленку».

Хороший поселенец – мертвый поселенец

1

Подобру-поздорову

Застыв на пороге хижины, женщина смотрела на Шакалову равнину. Ее взгляд был пустым, равнина тоже.

Наконец женщина заговорила:

– Просто взял и застрелил.

Голос у нее был безжизненный. Голос женщины, убитой горем. Голос человека, которому не на что надеяться.

Честер Крейн прыгнул с чалого и опустил взгляд на лежащее в пыли тело.

– Он никому ничего плохого не сделал. – Женщина говорила равнодушно, как будто рядом лежал труп чужого человека. – Мы дом построили, думали тут обжиться. А он прискакал и...

Голос дрогнул, но лицо осталось прежним. Изможденное лицо без признаков жизни.

В дверях появилась девочка. Застеснялась, спряталась за спиной у женщины и уставилась на Крейна голубыми и круглыми, как у совы, глазами.

– Когда его убили? – спросил Крейн.

Женщина впервые посмотрела на него. Не глаза, а две дыры в листе бумаги.

– Как, говорите, ваша фамилия? Крейн?

– Да, верно, – кивнул Крейн. – Окружной прокурор из Уайлдкэт-Сити. Ехал мимо...

– Законник?

– Вроде того, – сказал Крейн. – Видите ли, я...

– Так что же вы сидите сложа руки? – Голос женщины стал похож на человеческий, в нем появился намек на эмоции. – Нас убивают, а вы только смотрите. В чем наша вина? Мы имеем право здесь жить, никому не мешаем. Разве можно нас отстреливать, как собак?

Голос снова дрогнул, и Крейн решил, что сейчас она заплачет. Ему даже хотелось, чтобы она заплакала, ведь как-то ненормально это, когда женщина сидит в двадцати футах от убитого мужа, а в глазах у нее ни слезинки.

Крейн прошел по двору, наклонился и поднял мертвеца. У того на груди жилет был окрашен кровью, на спине – выходное отверстие с рваными краями. Джека Робинсона застрелили в упор из чего-то мощного.

Труп оказался тяжелым. Крейн пошатывался под его весом.

Женщина посторонилась, и он внес мертвеца в дом.

В хижине было бедно. У печи отвалилась ножка, вместо нее подложили камень. В центре единственной комнаты стоял шаткий стол, а под ним лежали ящики, служившие стульями. В углу – самодельная койка.

Крейн осторожно опустил на нее Робинсона, снял с колышка плащ и накрыл мертвеца. Из-под плаща нелепо торчали стоптанные ботинки.

Миссис Робинсон встала у стола. Девочка цеплялась за ее юбку.

– Чем еще помочь? – спросил Крейн. – Могу впрячь коня в повозку и отвезти вас к соседям.

Женщина помотала головой:

– Лучше заедьте к ним и скажите, что случилось. Нам помогут.

– И еще, – сказал Крейн. – Видели того, кто стрелял?

Женщина кивнула:

– Его звать Чарли. Гоняет скотину для Брита.

– Рыжий?

Она снова кивнула, и Крейн наконец-то увидел у нее в глазах слезы.

– Значит, Чарли Керк, – предположил Крейн.

– Неизвестна мне его фамилия, – сказала женщина.

– Что собираетесь делать? – спросил Крейн. – Здесь вам оставаться нельзя.

– Не знаю, мистер. О таком я еще не думала. А что мне делать? Тут уже ничего не исправишь.

Слез в глазах больше не было, лицо снова превратилось в жуткую маску одиночества и отчаяния. Эта женщина научилась чувствовать. Даже плакать научилась.

– Примите мои соболезнования, – сказал Крейн. – Сделаю все, что смогу.

Женщина, похоже, не услышала.

Усевшись в седло, Крейн оглянулся. Миссис Робинсон снова сидела на пороге. Девочка забралась ей на колени. Обе смотрели на пустую равнину.

На горизонте виднелась крошечная точка соседской хижины. Крейн пришпорил чалого, и тот галопом пустился вперед.

Даже не верится. Не верится, что ковбой, пусть даже и Чарли Керк, взял и убил человека безо всякой на то причины. Как-то не по-человечески.

Тем более что Чарли работает на старого Джона Фентона по прозвищу Брит. Фентон вспыльчив и скор на расправу, но он вряд ли подослал бы наемника. Если ему вздумается прикончить поселенца, приедет и убьет своими руками.

К тому же Крейн прекрасно помнил, что у старого Джона Фентона есть дочь по имени Бетти.

Ник Гьюлик сидел на верхней перекладине хлипкой ограды. Его зубы сжимали коричневую самокрутку. Дым от нее тянулся к левому глазу.

– Здорово, Крейн, – сказал Гьюлик, когда чалый остановился возле хижины.

Голос у Гьюлика был скрипучий, и Крейн терпеть его не мог.

– Что там у Робинсонов? Я слышал выстрел, а то и два.

– Убили его, Робинсона, – ответил Крейн. – Миссис Робинсон попросила заехать к тебе и рассказать.

В черной шляпе, надвинутой на глаза, Гьюлик был похож на ворону. Он сидел на ограде и молчал.

– Нужно ей как-то помочь, – продолжал Крейн. – Сидит на пороге, а дома еды на день, от силы на два.

– Нам всем нужно как-то помочь. – Гьюлик злобно сплюнул в пыль. – Эти чертовы скотоводы совсем распоясались. Творят, что пожелают. Убивать их надо!

– Об этом я и хочу поговорить, – сказал Крейн. – Сегодня вечером собираемся в суде. Посудачим на эту тему. Может, придумаем, как вам дальше быть.

– Придумаем, говоришь? – Гьюлик скривил физиономию в кислой ухмылке. – Нечего тут придумывать. – Он хлопнул ладонью по кобуре.

– Ты, Гьюлик, не прав, – рассудительно сказал Крейн. – Стрельбой такие вопросы не решаются. Хочешь начать войну за пастбище? Да вас в порошок сотрут. Оно тебе надо? Вот и мне не надо.

– Без тебя разберемся. Тот малый, что Робинсона порешил, считай, что сам в петлю полез.

– Гьюлик, я тебя предупреждаю, – отчеканил Крейн ледяным тоном, – если вздернете его, пойдете под суд. Я за этим прослежу.

– Знаешь что, мистер? – прокрипел Гьюлик. – Ты мне вид загораживаешь. Ехал бы отсюда подобру-поздорову. Кому говорю, вали давай!

– Как скажешь, – произнес Крейн. – Это твоя земля.

Он пришпорил чалого и направился на запад.

Да ну, к черту! Если даже поселенцы так настроены, какой смысл сглаживать углы? Ничего не выйдет. Со скотоводами не договоришься. Они считают, что по закону земля принадлежит им. И у них хватает ружей, чтобы подкрепить свою точку зрения. Поселенцы – совсем другое дело. Они фермеры. Пахари, а не бойцы.

Крейн грустно покачал головой. Навалилась усталость. Он в седле с самого утра, мотался с одного ранчо на другое, рассказывал всем о собрании, и почти в каждой хижине ему давали один и тот же ответ. Вежливо отнекивались, отпускали скептические замечания, даже смеялись ему в лицо.

Что-то не так на этой равнине. Какая-то зловещая атмосфера. Смертью пахнет.

Ближе к закату Крейн добрался до перелеска. За перелеском была еще одна равнина, повыше, а на ней городок под названием Уайлдкэт-Сити.

Навстречу Крейну по тропинке ехал человек верхом на муле. Крейн направил коня вбок, уступая дорогу, и сказал:

– Здравствуй, Сэм.

– Вы разминулись. – Китаец Сэм Ли, повар Брита, широко улыбнулся. – Мисси в городе.

– Почему? – спросил Крейн. – На ранчо что-то стряслось?

– Босс сказал, на ранчо ей не место, – ответил Сэм. – Говорит, там скоро будет жарко.

Он стукнул мула пятками в бока, и широченные рукава его куртки захлопали, как птичьи крылья.

– Сэму надо назад, – объяснил он. – А то опоздает с ужином и окажется в лошадиной поилке.

Мул повел ушами, зашевелил копытами, и Сэм Ли поехал дальше.

Крейн какое-то время смотрел на него, а потом крикнул вдогонку:

– С такой-то скоростью тебя сегодня точно утопят!

2

Началось

Шериф Эд Лион был мрачнее тучи. Он не спеша снял ноги со стола, опустил их на пол и пробурчал:

– Просто ни в какие ворота. А я-то надеялся спокойно просидеть на этом стуле еще пару лет.

– Выпишу ордер, – сказал Крейн, – и вы арестуете Чарли.

– Вот те на! – Шериф Лион пригладил усы. – Вы хоть понимаете, о чем просите? А вдруг что случится? Меня подкараулят и...

– Никто вас не подкараулит, – перебил его Крейн, – потому что вас там не ждут.

– Стоп, – возразил шериф. – Давайте сделаем так. Пошлем Чарли весточку, что хотим с ним повидаться. Может, это не он убил Робинсона. Мало ли что вдова говорит. Бабам верить нельзя, сэр, ни единому слову. Взбалмошные они, бабы, все без исключения.

– Нет, вы поедете и привезете Чарли! – Крейн стукнул по столу кулаком. – Мы сидим на пороховой бочке. Если смерть Робинсона сойдет Керку с рук, будут новые убийства.

Шериф нехотя встал.

– Вы же собирались решить все по-мирному, – обиженно сказал он. – Говорили, что будет собрание. Что ребята придут...

– Увы, ничего не вышло, – покачал головой Крейн. – Явятся человек пять-шесть, не больше. А искренний интерес проявил один лишь Бартли.

– Хороший он парень, этот Бартли. – Шериф Лион добродушно рыгнул. – Хоть и с востока. Со всеми ладит. Всем нравится. Даже деньги соседям одалживает, если в банке развернули.

– Где вас найти, – спросил Крейн, – когда будет готов ордер?

– В «Серебряном тапке», – сказал шериф. – Надо набраться храбрости.

– Главное, не перебрать, – предупредил Крейн.

– На трезвую голову не пошерифствуешь, – заявил Лион.

Крейн круто развернулся, вышел и спустился с крыльца.

Наступили сумерки. В небе появлялись звезды. Над дверями заведений зажглись оранжевые и желтые лампы. Прохожих на тротуаре не было.

Крейн тихо чертыхнулся. Он думал о шерифе. Скорее всего, старый болван хватит лишнего в «Серебряном тапке», скажется пьяным и никуда не поедет.

Не успел начать, а уже пропустил два удара, упрекнул себя Крейн. Шериф, на которого пули жалко. И еще тревожные настроения на равнине. Похоже, между скотоводами и поселенцами вот-вот начнется война на уничтожение.

Странно все это, думал он. И ведь понять нельзя, с чего все началось. Загадка...

Его кабинет был этажом выше банка. Крейн поднялся к себе, перешагивая через две ступеньки, и удивленно замер. Дверь была открыта. В кабинете горел свет.

В углу на стуле качался человек, похожий на медведя. За столом расположилась девушка.

Передние ножки стула ударили в пол, и Джон Фентон заорал:

– Входи, мой юный друг, входи!

– Привет, Джон, – усмехнулся Крейн и кивнул девушке. – Встретил Сэма в перелеске.

Он сказал, что ты в городе.

Девушка улыбнулась:

– Славный у тебя кабинетик, Чет. Раньше я тут не бывала.

Всегда приятно услышать добрые слова, но никакой он не славный. Чтобы он был славным, нужно повесить здесь полки с книгами по юриспруденции, поставить кожаные кресла и заменить обшарпанный стол с горелыми пятнами от забытых окурков.

Джон Фентон сидел прямо, расставив ноги и упершись руками в колени. На брюхе запуталась золотая цепочка часов, шейный платок сбился набок. Револьверов при нем не было, но рядом стояла винтовка.

– Я ненадолго, – сказал он. – Пора возвращаться. Зашел перекинуться словечком.

– Думал, вы останетесь на собрание, – сказал Крейн.

Фентон помотал головой:

– Об этом я и хочу поговорить. Все крутил в голове, с тех пор как ты уехал. Брось ты эту затею с собранием, сынок.

– Но почему? – спросил Крейн. – Вы что, не хотите...

– Конечно хочу, – сказал Фентон. – Конечно, меня бы устроило, чтобы все утряслось без стрельбы. Но так не выйдет. Что ни придумывай, стрельбы не миновать. А себе ты делаешь только хуже. Ребята не поймут. Поселенцы решат, что ты за ковбоев, а ковбои – что ты за поселенцев. Как ни крути, тебе не выиграть. Так что постой в сторонке.

– Не могу, Джон, – сказал Крейн, помолчав. – Иначе какой из меня прокурор? Местные выбрали меня, чтобы здесь было мирно. Так что придется насаждать порядок. Когда убивают человека, это тяжкое преступление. Допускаю, что у вас другое мнение на этот счет, но для меня убийство есть убийство.

Фентон покраснел, выпятил подбородок и повысил голос:

– Дурак ты чертов! Я пришел, чтобы привести тебя в чувство, а ты мне проповеди читаешь!

– В любом случае спасибо за добрые намерения, – сказал Крейн.

– Да тебя выпрут из города к чертовой матери! – шумел Фентон. – Если полезешь...

– Полезу! – рявкнул Крейн. – Или хотите, чтобы я закрыл глаза на эту вашу войнушку на равнине? Думаете, у вас есть право убивать поселенцев?

– Никого пока не убили, – проворчал Фентон. – Стрелять стреляли, да. И угрожали кое-кому, было дело.

– Одного застрелили сегодня посреди дня, – сказал Крейн, – и сейчас я выпишу ордер на арест убийцы.

Фентон молча пялился на него. Он был вне себя от ярости.

– Керк. Чарли Керк, – с расстановкой продолжил Крейн. – Один из ваших.

Фентон вскочил на ноги:

– Не верю!

Крейн пожал плечами:

– У меня есть свидетель, готовый дать показания в суде.

– Да ты спятил! – заорал Фентон. – Арестуешь? Черта с два!

– Еще как арестую, – кивнул Крейн. – Проследите, чтобы он был на месте, когда за ним явится Лион. Это ваша обязанность. И еще проследите, чтобы Лион вернулся в город. Не хочу, чтобы с ним что-то стряслось.

Фентон стиснул задубелые кулаки:

– Если бы не дочка, я бы тебе...

– Папа! – тихо сказала Бетти. – Папа, уймись. Вам обоим должно быть стыдно.

Фентон фыркнул, развернулся и пошел к выходу. Крейн взглянул на девушку и покачал головой:

– Ничего не поделаешь. Жаль, что крайним оказался твой отец.

– Ты, наверное, очень занят, – съязвила Бетти. – Тебе еще ордер выписывать.

Она вышла из-за стола и направилась к двери. Крейн проводил ее взглядом и послушал шаги, сперва в коридоре, а потом на лестнице.

Подошел к столу и медленно опустился на стул.

Быть такого не может, что за убийством стоит Фентон. Просто быть такого не может. И все же Робинсона застрелил его человек.

Крейн выдвинул ящик стола, достал нужный бланк, бросил его на столешницу и потянулся за ручкой.

Полчаса спустя он выяснил, что шериф Лион упражняется в подъеме стаканов в «Серебряном тапке», посадил его на лошадь и отправил в нужном направлении, после чего зашел в единственный городской ресторан, чтобы подкрепиться.

Когда он вышел из ресторана и направился к зданию суда, уже наступила ночь. Было очень тихо. Казалось, в городе нет ни души.

На ступеньках суда сидел человек. Он подвинулся, и Крейн сел рядом.

– Бартли, – сказал он. – Спасибо, что пришли. Остальных, наверное, ждать не стоит.

Легкий ветерок шуршал листвой единственного дерева во дворе. В перелеске ухал филин.

Бартли снял очки и протер носовым платком.

– Тут и думать нечего, – сказал он. – Вы сделали все, что могли. И не ваша вина, что ничего не получилось. Эти люди – все до последнего – абсолютно уверены, что правда на их стороне. Скотоводы пришли сюда первыми, разделили эту землю и решили, что она принадлежит им. А теперь правительство говорит, что это не так. Отныне земля принадлежит тому, кто подал на нее все необходимые бумаги в соответствии с законом о фермерском хозяйстве. А скотоводам остается лишь смотреть, как поселенцы перекрывают доступ к воде. Как распаивают пастбища, с которых кормился скот.

Бартли изъяснялся по-восточному гладко. Крейн кивнул:

– Вот бы собрать всех да объяснить, чтобы жили мирно. Ведь они не злодеи. И не убийцы.

Бартли снова надел очки.

– Знаю, – подтвердил он. – Дело в том, что каждый уверен в собственной правоте. Поселенец знает, что прав, потому что так говорится в законе. А скотовод уверен, что этот закон неправильный.

Они посидели молча, прислушиваясь к шелесту одинокого дерева и крикам филина в перелеске.

Наконец Крейн поерзал и смущенно сказал:

– Пожалуй, никто не придет. Сразу надо было догадаться.

Вдалеке послышался топот копыт. Всадник приближался.

Крейн вскочил на ноги.

По улице, поднимая клубы пыли, неслась взмыленная лошадь. Всадник держался за седло. На глазах у Крейна он пошатнулся и чуть не упал, но крепче вцепился в луку и удержался на месте.

В один прыжок Бартли оказался на улице, перехватил уздечку и резко дернул на себя, чтобы развернуть голову несущей лошади. Его каблуки пропахали длинные борозды в пыли.

Человек в седле снова пошатнулся, согнулся пополам, хотел взяться за луку, но промахнулся.

Крейн подбежал к нему, подхватил, помог опуститься на землю. Склонившись, взгляделся в потное лицо. Почувствовал, что пыльная рубашка пропитана липкой кровью.

– Там сущий ад, – прохрипел человек.

– Эй, Бартли! – позвал Крейн. – Помогите мне!

Бартли отпустил лошадь. Та прошлась по улице, качая поводьями, и остановилась.

– Это Гэмбл, – тихо сказал Бартли. – Работает на Лодыря.
На другой стороне улицы появились люди. Пробежали по тротуару, бросились к зданию суда.

– Надо отнести его к врачу, – сказал Крейн.

– Ничего не осталось, – шептал Гэмбл. – Вообще ничего... И сено сгорело, и коровники...

Крейн поднял взгляд на Бартли.

– Началось, – сказал тот.

Крейн выпрямился и окинул взглядом людей, окруживших раненого.

– Ребята, несите его к врачу. У меня дела.

Бартли уже бежал по улице, его длинные ноги работали словно поршни, револьверы колоутили по бедрам. Крейн почувствовал, что его тянут за рукав, обернулся и увидел Бетти Фентон. Девушка смотрела на него из-под накинутой на голову шали.

– Что случилось, Чет? – спросила она, чуть не плача. – Кто это?

– Гэмбл, – ответил Крейн. – Ранчо Лодыря сожгли.

Он повернулся и пошел, но Бетти побежала за ним:

– Чет, ты куда?

– К твоему папаше. Может, смогу его вразумить и он положит этому конец.

– Я с тобой. – Она уже всхлипывала.

Крейн развернулся, заглянул ей в глаза и мрачно проговорил:

– Ты останешься здесь.

– Но, Чет...

Не дослушав, он побежал к себе в кабинет. Нужно вооружиться, а потом в конюшню, и как можно быстрее. Господи, помоги!

3

Смерть захватчикам!

Крейн остановил чалого у входа в перелесок и окинул взглядом Шакалову равнину.

Луна висела за восточным горизонтом, и небо там было чуть бледнее, чем везде. Но это был не единственный источник света. В небе отражались другие огни, красные, злые. На ранчо и фермах горели сеновалы, коровники, дома. Сухо щелкали винтовки, покашливали револьверы, били копытами лошади, унося всадников во тьму.

У Крейна были слабые карты и призрачный шанс изменить расклад игры. Если не выйдет, завтра здесь воцарится настоящий ад. Сегодня все только начинается: вспыхивают постройки, иногда слышен выстрел-другой. Но завтра люди с суровыми лицами окинут взглядом свои пепелища и пойдут вершить кровавую месть.

Крейн двинулся вперед по тропинке, сквозь темноту и причудливые заросли кустарника, осторожно выбирая дорогу. Конь ступал уверенно, будто кошка.

Раздался звук, похожий на выстрел. Чалый вздрогнул и остановился. Крейн, подавшись вперед, взгляделся в темноту, заметил рядом с головой коня какое-то движение и схватился за кобуру.

– Крейн?

– Да, это я, – сказал Крейн. – А ты кто?

– Один из парней, – проскрипела тень.

Крейн терпеть не мог этот голос. Этим голосом Гьюлик недавно приказал Крейну убираться с его земли.

– Что тебе нужно? – осведомился он.

– Просто предупреждаю, – скрипел голос. – Дальше не ходи. Лучше разворачивайся. Я вооружен и не настроен шутить. Разворачивайся и поезжай в город.

Крейн сомкнул пальцы на рукоятке револьвера и вытащил его из кожаной кобуры.

– Гьюлик, я еду вперед. И не думай мне мешать.

– Предупреждаю... – проскрипел поселенец на пару тонов выше.

Крейн прищипил коня и натянул поводья. Прыгнув вперед, чалый отбросил в сторону тень, которая загромождала ему дорогу.

Гьюлик что-то выкрикнул. Конь помчался вперед, оступился, восстановил равновесие.

За спиной грохнула винтовка. Пригнувшийся к самой гриве Крейн услышал, как над головой просвистела пуля. Нехороший звук. Винтовка сказала свое слово еще раз, и еще. В промежутках между выстрелами слышно было, как Гьюлик дергает затвор.

Убедившись, что с копытами все в порядке, чалый свернул, сбежал к ручью, пересек его и стал подниматься вверх.

Крейн ничего не понимал. С какой стати Гьюлик устроил на него засаду? Неужели поселенцам непонятно, что он на их стороне? Он же всегда старался им помочь. На других пастбищах скотоводы гонят их куда подальше, а законники и бровью не ведут.

Гьюлик пришел сюда по чьей-то указке. Других вариантов нет. Кто-то решил объявить войну за пастбище и довести ее до пирровой победы. Но кому это выгодно?

Крейн лихорадочно обдумывал этот вопрос, но вместо ответа видел одни лишь нестыковки. Кому-то нужно, чтобы на равнине разгорелась война. Этот человек поставил здесь Гьюлика по единственной причине: он знал, что в перелеске появится Крейн.

Чалый вздрогнул и сошел с тропинки.

– Чего испугался, малыш? – спросил Крейн и тут же увидел на земле что-то черное.

Какое-то время Крейн задумчиво смотрел на пятно. Потом не спеша прыгнул с коня, сделал несколько шагов и опустился на корточки.

На земле лежал человек, но в темноте не было видно лица. Крейн достал спичку, чиркнул серной головкой по ногтю большого пальца и сложил ладонь лодочкой, чтобы защитить пламя.

Огонек дрожал, отбрасывая крошечные тени. Крейн осторожно поднес спичку к лицу человека и охнул.

На него смотрел шериф Эд Лион. Из-за пляшущих теней казалось, что он шевелит губами, пытаясь что-то сказать.

У Крейна задрожала рука, и спичка погасла. Несколько долгих секунд он шарил по карманам в поисках второй. Нашел и чиркнул ею об ноготь.

Шериф был мертв. Мертвее некуда. Под левым глазом – синюшное пулевое отверстие.

Глядя в бескровное лицо, Крейн вспомнил последние слова Лиона: «Вы хоть понимаете, о чем просите? А вдруг что случится? Меня подкараулят и...»

Что-то зацепило Крейна за рукав. Из темноты донесся резкий звук, словно неподалеку щелкнули хлыстом.

Пламя спички задрожало и погасло. В тот же момент винтовка заговорила снова. Крейн заметил дульную вспышку. Стреляли с той стороны ручья.

Крейн выхватил револьвер и откатился вбок.

Винтовка сердито рявкнула. Там, куда угодила пуля, застучали камушки.

Затаившись в зарослях возле тропинки, Крейн прицелился в темноту – туда, где только что была вспышка, – нажал на спусковой крючок и сразу понял, что человека с винтовкой там уже нет, он крадется по склону и подбирается все ближе.

Крейн вскочил на ноги и осторожно направился к тропинке, ориентируясь на звук копыт. Наконец наткнулся на шерстяную стену. Конь всхрапнул.

Крейн нащупал седло. Едва он успел взобраться на чалого, как тот двинулся вперед.

Пригнувшись, Крейн ждал винтовочного выстрела, но было тихо.

Полмили спустя он выехал из перелеска на Шакалову равнину. Над восточными холмами небо, словно мощным фонарем, освещала луна, а на юге бушевало пламя. Горел стог сена. На глазах у Крейна огонь превратился в тлеющий уголек.

Чалый бежал вперед. Похоже, он был рад, что перелесок остался позади. Крейн всматривался в темноту. На равнине полно всадников, готовых стрелять во все, что движется. Лишний риск ни к чему.

С севера донеслись выстрелы, еле слышные из-за ветра и расстояния.

За Шакаловой равниной еще один лесистый овражек, а дальше – ранчо Брита.

Сбавив скорость, Крейн направил чалого вниз к ручью. Не нужно влетать во весь опор. Сегодня ночью любого торопыгу встретят пулей.

Выбравшись из овражка, Крейн остановил коня. От построек на ранчо остались одни лишь тонкие облачка дыма, уплывающие в лунное небо.

Ранчо Фентона сожгли. Значит, на его помощь рассчитывать не приходится. Теперь старый скотовод будет стрелять в каждого поселенца, оказавшегося в пределах досягаемости его винтовки.

Сидя в седле, Крейн смотрел на две кучи пепла – раньше здесь были дом и большой сарай для сена – и три мертвых тела между ними. В лунном сиянии у этой сцены был потусторонний вид. Сильно пахло горелым деревом.

Наконец Крейн спешился и обошел мертвецов одного за другим. С каждым шагом он все яснее понимал, что ничего не исправить. Его мучило тревожное предчувствие. Если здесь лежит Джон Фентон...

Но старика тут не оказалось. Один был здешний ковбой, остальных Крейн видел впервые.

Он понял, что проиграл. Окончательно и бесповоротно. Можно возвращаться в город и сидеть у себя в кабинете. Здесь ему делать нечего.

Услышав шорох, он схватился за кобуру и развернулся, но не увидел ничего нового. Пепелище было залито лунным светом. Мертвецы по-прежнему смотрели в небо. У них были недоумевающие лица.

Не снимая руки с револьвера, Крейн зашагал к чалому. По спине бегали мурашки.

Забравшись в седло, он нахохлился и погрузился в размышления. Он ничего не понимал, и ему было очень не по себе.

Услышав новый звук, он выпрямился. Из овражка доносился топот копыт. Всадник быстро приближался.

Крейн развернул чалого, вынул из кобуры револьвер и стал ждать. Наконец на равнине показалась лошадь и направилась прямо к нему. В свете луны казалось, что голова всадника окутана золотым облаком.

– Бетти! – позвал Крейн.

Девушка взвизгнула. Лошадь резко остановилась.

Крейн пришпорил чалого, подскакал к Бетти, схватил ее лошадь за повод. Девушка словно примерзла к седлу. Она смотрела не на Крейна, а на руины.

– Бетти, – негромко окликнул ее Крейн, и девушка повернулась к нему.

В глазах у нее был ужас.

– Эти люди! – запрочитала она. – Эти люди на земле!

– Ты их не знаешь, – помотал головой Крейн.

Ужас в ее глазах сменился облегчением.

– Папа?

– Его там нет, – сказал Крейн. – Никого там нет.

За спиной послышались шаги, и Крейн обернулся. К ним спешил Сэм Ли. Шлепанцы вздымали пыль, широкие рукава бились на ветру.

– Мисси, мисси! – пропищал китаец. – Зачем вы приехали?

– Ну а как иначе? Узнала, что здесь беда, вот и приехала, – объяснила Бетти.

Крейн видел, что она вот-вот расплачется.

– Не надо было, – сказал он, стараясь скрыть недовольство. – Для чего папаша отвез тебя в город? Чтобы тебя здесь не было, когда начнется стрельба. Хотел уберечь. Боялся, что... – Он запнулся. – Ты по тропинке ехала?

Бетти кивнула.

– И там никого не было? Никто тебя не остановил?

– Я никого не видела, – ответила она и схватила его за рукав. – Ох, Чет, ты только взгляни!..

Крейн смотрел на угли, недавно бывшие жилым домом. Угли смотрели на него в ответ.

– Все пропало, – тихо всхлипнула девушка. – Бедный папа... Бедный мой папа...

– Ничего, отстроится, – пытался утешить ее Крейн. – С ним и не такое бывало.

– Но у нас нет денег, Чет, – возразила девушка. – Той осенью папа рассчитывал продать десять телушек, а продал только четыре.

– Угонщики? – Крейн вспомнил, что на равнине процветает воровство скота.

– Поселенцы, – поправила его девушка.

В ее голосе слышалась горечь всех скотоводов.

– Нельзя нам здесь оставаться. – Крейн поерзал в седле. – На равнине полно вооруженных людей. А до города далеко.

Девушка молчала.

– Поехали к Бартли, – продолжил Крейн. – Он нас приютит. Если осталось где.

Он развернул коня в сторону овражка. Девушка направилась следом.

Над равниной светила луна. Ночь была тихая. И не скажешь, что здесь разыгрывается кровавая драма.

Крейн с девушкой молча ехали к поместью Бартли. Иногда Бетти всхлипывала, вспоминая о судьбе отцовского ранчо. Крейн же повесил голову на грудь и задумался.

Пора признать: он ошибся, когда заподозрил, что войну на равнине начнет Фентон. Его ранчо сожгли дотла – какие еще нужны доказательства?

Строения Бартли были на месте, хотя от двух стогов сена остались кучки мерцающей золы.

Крейн с девушкой медленно взбирались по склону. Со стороны ранчо появился всадник.

– Кто идет? – выкрикнул он.

– Крейн и Бетти Фентон. Нордби, это ты?

Фрэнк Нордби, старший ковбой у Бартли, ринулся им навстречу.

– Что творится на равнине? – спросил он.

– Ранчо Фентона стерли с лица земли, – ответил Крейн. – Про остальные не знаю. По пути видел несколько пожаров.

– К нам тоже сунулись, – сообщил Нордби, – но мы их встретили. Эти сволочи подпалили пару стогов, но на ранчо не прорвались. – Он повернулся к Бетти. – Сожалею о вашей утрате, мэм.

– Мы тут подумали, – сказал Крейн, – может, Бартли пустит нас переночевать? До города путь неблизкий.

– Само собой, – кивнул Нордби. – С радостью. Он в доме. Скажете моей жене, чтобы собрала вам поесть. А я тут побуду. – Он остановился возле сараев. – Ребята помогают мне караулить.

У сенного амбара загорелась спичка. Кто-то закурил, поворчал и едко хохотнул.

Нордби отъехал в сторону. Крейн с девушкой направились к хозяйскому дому.

– Чет, – прошептала Бетти, – что тут творится? Тот человек, который смеялся... Он смеялся как Чарли Керк!

– Чарли?.. Ты, верно, ошиблась. С какой стати тут взяться Керку?

– Может, и так, – нерешительно сказала Бетти, – но на секунду мне показалось, что это он. Они постучали. Миссис Нордби открыла дверь и восторженно заголосила:

– Вот те на! Ну и ну! Бетти, да ты входи, входи! Сколько лет, сколько...

– Кто там? – спросили в доме.

Прежде чем миссис Нордби успела ответить, Бартли высунулся из кабинета напротив гостиной. Встав в дверях, он загородил весь свет. В коридоре потемнело.

– А, Крейн, – сказал Бартли. – Рад видеть. И вас рад видеть, мисс Фентон. Прошу, проходите. Поговорим, а миссис Нордби тем временем сварит нам кофе.

Он впустил гостей в кабинет, закрыл дверь и сказал:

– Очень плохая ночь. Чрезвычайно плохая.

– Фентона сожгли, – сообщил Крейн. – Пожары по всей равнине.

– Ничего хорошего. – Бартли поцокал языком. – Все это отбросит здешнее сообщество лет на пять назад. Если не больше. Если бы они прислушались к голосу рассудка... Мисс Фентон, садитесь вон на тот диван. Он очень удобный. Сигару, Крейн?

Крейн отрицательно мотнул головой и рухнул в кресло.

– Просто хочу перевести дух, – сказал он. – Подумать. Понять, что к чему. Знаете, Бартли, что-то здесь не так. Это не просто столкновение поселенцев со скотоводами. Вот я и пытаюсь разобраться, что происходит.

Бартли стоял в центре комнаты, широко расставив ноги, сложив руки за спиной, сжимая в зубах сигару.

– Сами знаете, Крейн, мне здесь нравится. А теперь, когда я думаю о сегодняшних событиях...

Он умолк.

Крейн откинулся на спинку кресла и обвел комнату взглядом. Полки с книгами, тяжелый стол с бумагами, в углу – маленький железный сейф.

Дверь распахнулась. За ней стоял человек в черной шляпе, нахлобученной до самых глаз.

– Слышите, босс, – выпалил он, – я...

Тут он увидел Крейна, умолк и нервно сглотнул.

– Дурак ты чертов, неужели непонятно? – прорычал Бартли, но тут же взял себя в руки, медленно повернулся к гостям и сказал негромко: – Прошу извинить, я скоро вернусь.

Крейн застыл в кресле, глядя, как Бартли напирает на Гьюлика, а тот пятится в коридор. Все вопросы, что вертелись у него в голове, вдруг сошлись в один. У этого вопроса был ответ. Крейн уже понял, что происходит.

4

Зачинщик

Итак, за всем стоит Бартли. Именно он подослал Гьюлика в перелесок, чтобы развернуть Крейна. Ведь только Бартли знал, что Крейн поедет этой дорогой. Да, это он. Больше никому. Все ясно как божий день.

«Не может такого быть, чтобы я ошибся, – думал Крейн. – Да, это невероятно, но как тут ошибешься? Все сходится. Гьюлик сидел в засаде, а теперь он входит в кабинет Бартли и называет его боссом».

Гьюлик – и тот, кто смеялся у сарая, когда Крейн и Бетти подъезжали к дому. Бетти сказала, что так смеется Керк. Ну конечно, это был Керк, потому что он, как и Гьюлик, работает на Бартли. Бартли нанял его, чтобы посеять хаос на равнине. Сделать так, чтобы скотоводы и поселенцы схлестнулись не на жизнь, а на смерть.

– Что такое, Чет? – настороженно спросила Бетти из другого угла комнаты.

Крейн встал с кресла и уставился на железный сейф.

– Бетти, – заговорил он, – скажи-ка, Бартли давал твоему отцу деньги в долг?

– Да, две тысячи долларов. Когда папа понял, что у него не хватает скотины на продажу.

– И как это было? Он написал расписку? Или просто пообещал, что вернет?

– Папа настоял на закладной, – сказала Бетти. – Без документов он дела не ведет. Сам знаешь, в банке ему отказали.

Да, Крейн знал, что в банке ему отказали. Ведь всем известно, что ранчо Брита на ладан дышит. Но Бартли одолжил денег, хоть и знал, что они не вернуться. Потому что он, Бартли, сделает так, чтобы Фентон не сумел отдать долг.

Теперь же, когда строения сгорели дотла, Фентон придет к своему доброму другу Бартли и скажет, что платить ему нечем. Что ему нужен еще один займ, на сей раз покрупнее. А Бартли объяснит с гладким восточным акцентом: «Извини, дружище, но ситуация изменилась. Мне позарез нужны мои две тысячи».

– В общем, так, Бетти, – сказал Крейн. – В наших местах все должны Бартли денег. Закладные, скорее всего, лежат в этом сейфе. И вот он собрался разорить должников, чтобы те не смогли рассчитаться. Поэтому затеял войну на равнине.

– Но Бартли нам друг... – возразила девушка. А затем уставилась на Крейна, широко раскрыв испуганные глаза. Пальцы нервно крутили стоявшую на столе чернильницу. – Чет, тот человек, что смеялся у сарая... Это он застрелил поселенца. Это он начал...

– Вот именно, – кивнул Крейн. – Это он все начал. По приказу Бартли.

Он шагнул к двери, распахнул ее и замер, увидев перед грудью маленькое, черное, крайне неприятное дуло шестизарядного револьвера.

За револьвером маячила ироническая ухмылка Чарли Керка.

– Вот видишь, Крейн, – сказал он, – я так и знал. Так и знал, что рано или поздно ты выскочишь оттуда, как завидевший красную тряпку бык. Сними-ка ремень с кобурой и брось в мою сторону.

Крейн медленно опустил руки к пряжке.

– Давай поживее, – проворчал Керк. – Чтобы не пришлось тебе помогать.

За спиной у Керка была гостиная. В ней у огромного каменного камина стоял Бартли с сигарой во рту. Он улыбался. Рядом с ним был Гьюлик. Он тоже следил за происходящим, но без улыбки.

Попался, подумал Крейн. Угодил в западню.

Керк шагнул вперед, протянул руку и оскалился:

– Или мне самому его снять?..

Что-то просвистело у Крейна мимо уха и с хрустом врезалось в физиономию Керка. Тот попятился в коридор. Лицо было залито чернилами.

Чернильница упала на пол, испачкав ковер.

Бартли бросился на пол. Гюлик потянулся к кобуре. Уверенным движением Крейн выхватил свой револьвер.

Бартли зацепил стол, и тот опрокинулся. Настольная лампа упала в центре гостиной и разбилась.

Револьвер Гюлика плюнул огнем. Пуля впилась в дверной косяк чуть выше головы Крейна. Гюлик пригнулся, Крейн нажал на спуск, от лампы по ковру протянулся ручеек горящего масла.

Снова рывкнул револьвер Гюлика, и Крейн почувствовал щекой ветерок. Пуля впилась в стену.

– Бетти! – крикнул Крейн.

– Чет, я здесь!

Глянув вбок, он увидел, что Бетти присела у стены и тянется к револьверу – тому, что обронил Керк.

– В коридор! – крикнул он. – К черному ходу!

Пригнувшись, он выглянул из-за двери. В гостиной начался пожар. Бартли вылезал в открытое окно, а у камина, выставив перед собой револьвер, присел Гюлик. В свете пламени у него был злоеющий вид.

Еще один выстрел. Крейн вздрогнул. Пуля царапнула по ребрам, и все тело пронзила боль.

Он вскинул пистолет, но пламя в гостиной разбушевалось так, что скрыло человека, засевшего у камина.

Керк застонал, уселся и стал шарить по полу в поисках оружия. Крейн с размаху ударил его стволом револьвера по лицу, и Керк мешком упал на прежнее место.

– Кажется, я вложила в тот бросок недостаточно сил, – прозвучало за спиной у Крейна.

– С чернильницей ты здорово придумала, – хмыкнул он и протянул девушке руку. – Быстрее. Пора убираться отсюда.

Во дворе Бартли раздавал приказы: велел потушить пожар и перекрыть выход из дома.

– Бежим! – воскликнул Крейн.

Что-то скользнуло по горлу, слегка оцарапав кожу. Что-то вроде тупого ножа. Затем по ноге будто кувалда саданула, и мир превратился в водоворот оскаленных лиц, разинутых ртов и оружейных вспышек.

Он отполз назад, теряя счет секундам. Издали донесся истерический крик.

Только не закрывай глаза, велел он себе и увидел доски, залитые лунным светом. Ощупал их дюйм за дюймом, и наконец пальцы сомкнулись на чем-то холодном и гладком. На ощупь предмет был не деревянный, а металлический.

Револьвер, подсказала ему память. Револьвер.

И снова тот же голос:

– Я буду стрелять! Хоть на шаг подойдете, и буду стрелять!

Повернув голову, Крейн увидел, что на крыльце спиной к двери стоит Бетти. В руке у нее был револьвер.

Подле крыльца замерли мужчины, дожидаясь, когда девушка дрогнет.

Сжав оружие, Крейн с великим трудом поднял его.

Один из мужчин прыгнул к девушке – стремительно, как атакующая змея.

Крейн из последних сил нажал на спуск. Пуля застала мужчину в прыжке, и он рухнул как подкошенный. Хрустнул череп при ударе о доски.

Этот револьвер, наверное, обронил кто-то из людей Бартли, потому что патронов в нем не осталось.

– Чет! – воскликнула девушка.

Мужчины бросились было вперед, но начали спотыкаться и падать. В ночи сухо закашлял еще один револьвер.

С пронзительным воплем Крейн кое-как поднялся на ноги и едва не упал снова. Нога жутко болела и не подчинялась. Мужчины лезли через перила крыльца.

Наконец стрельба прекратилась. К трем трупам добавились еще два. Итого пятеро.

– Мисси! – завопили в темноте. – Бегите, мисси!

Обернувшись, Крейн увидел Сэма. Тот стоял посреди двора, неподвижный, словно пугало. Из дула миниатюрного револьвера поднимался дымок.

– Бегите, мисси! – снова закричал Сэм.

– Чет, ты в норме? – встревоженно спросила девушка, вглядываясь в лицо Крейна.

– В норме. – Крейн подтолкнул ее. – Бежим.

Он заковылял следом за Бетти, а повар бросился к лопухому мулу. Тот ждал его, опустив голову.

Рывкнула винтовка. Стреляли из дома. Пуля угодила в землю прямо перед Крейном. Заговорили другие стволы. Бетти запнулась и упала.

Сердце Крейна сковал страх. Тяжело дыша, он подбежал к фигуре в льняном платье. Упал на колени, тронул девушку за плечо. По ее виску стекала темная струйка.

– Бетти! – крикнул он. – Бетти!

Она не отвечала. Темная струйка добралась до щеки.

Услышав топот, Крейн поднял глаза. К нему бежал Сэм Ли.

– Назад, Сэм! – свирепо крикнул Крейн. – Разыщи Фентона! Скажи, что во всем виноват Бартли!

На секунду повар замешкался, потом развернулся и припустил к своему мулу. Крейн бережно взял девушку на руки и выпрямился. Он не знал, что делать. Его охватил ужас.

Застучали копыта. Звук стал тише, а потом растворился в ночи. Сэм Ли отправился в путь.

Кое-как, стараясь не ступать на раненую ногу, Крейн пошел к дому. Навстречу бежали люди, но он не останавливался. Наконец он узнал человека во главе ватаги и стал ждать его, прижав девушку к груди.

Бартли стал в шести футах. Подручные окружили Крейна со всех сторон, недобро глядя на него.

– Мне очень жаль, Крейн, – сказал Бартли. – Жаль, что мисс...

– Бартли, – ровно произнес Крейн, – если она мертва, вам тоже не жить.

– Заткнись! – крикнул кто-то.

– Ошибаетесь, Крейн, – ласково сказал Бартли. – Больше вы никого не убьете.

Один из его людей шагнул вперед, забрал девушку у Крейна, всмотрелся в лицо и наконец сообщил:

– Она жива, мистер.

– Неси ее в дом, – приказал Бартли. – Пусть за ней ухаживает миссис Нордби.

– Прикончить его, босс? – спросили за спиной у Крейна.

– Не спеши, Гьюлик, – сказал Бартли. – Мне нужно с ним поговорить.

5

От меча и погибнет

Крейн стоял в кабинете. За столом расположился Бартли. Он чистил ногти перочинным ножом.

– Должно быть, вы считаете, что я очень зол на вас, – начал он. – Вы убили несколько моих людей, подожгли мой дом, спутали мне карты. А китаец, полагаю, отправился с новостями к Фентону. Но теперь это не имеет значения. Пожар мы потушили, а китаец, скорее всего, уже мертв. Так что все в порядке. У меня на руках все козыри. И вы будете делать то, что я прикажу.

Он смотрел на Крейна, и Крейн видел, что глаза у него тусклые, пустые. Такие глаза бывают у игроков в покер. Или у маньяков.

– Что молчите? – осведомился Крейн. – Сейчас, наверное, скажете, что мы с вами приятели.

– Крейн, вы неглупый человек, – вздохнул Бартли. – А мне нравятся неглупые люди.

– Вы и без меня неплохо справились, – едко заметил Крейн. – Всех одурачили. Тонко сработано. Даже подожгли пару собственных стогов, чтобы со стороны выглядело так, будто и вам досталось.

Бартли сложил перочинный нож, убрал его в карман и сел ровнее.

– Знаете, Крейн, вместе мы могли бы горы свернуть. Давайте-ка возвращайтесь в город. Забирайте мисс Фентон и возвращайтесь. Я прослежу, чтобы у вас все было хорошо. Сейчас вы окружной прокурор, чуть позже станете судьей, а потом – сенатором.

– И вы это гарантируете, Бартли? – Крейн перенес вес тела с больной ноги на здоровую.

– Черт возьми, конечно. Это же пустяки. Я не намерен ограничиться этой долиной. Мне будет чем заняться, когда я ее заполучу. Крейн, хотите правду? Вы простофили. Все вы, западный народ. Легкая добыча для таких, как я. И зачем я только тратил время на востоке? Здесь у вас есть чем поживиться.

– Хотите, чтобы я вас поддержал?

Бартли кивнул.

– И для этого мне нужно лишь промолчать о том, что здесь случилось?

– Да, только и всего, – подтвердил Бартли. – Ну и еще оказать мне услугу-другую. В свое время.

– А как же Бетти?

– Она тоже должна молчать. Это часть нашей с вами сделки. Женитесь на ней, и она притихнет. Какой женщине захочется подставлять мужа? – Он махнул рукой. – Черт, я вам больше скажу. Я разорву закладную ее папаши. Или выкуплю его ранчо дороже, чем оно стоит.

– А если я не соглашусь? – предположил Крейн. – Если скажу, что сделки не будет?

– Не скажете, – беспечно произнес Бартли. – Такой шанс выпадает раз в жизни. Вы, конечно, меня вынуждаете, но жизнь – сложная штука. Нужно быть готовым к любому повороту событий.

– Но что, если...

– Крейн, – перебил его Бартли, – если откажетесь, то не доберетесь до города живым. Ни вы, ни девушка.

Во дворе застучали копыта. Всадник резко осадил коня. Бартли привстал и взглянул на дверь. Послышался топот бегущих ног – сперва на крыльце, потом в коридоре.

– Босс! – крикнул гонец. – Босс, он удрал!

Бартли побледнел. От ярости он сделался бледнее мела.

– Кто удрал? – рывкнул он.

В дверном проеме появился Керк. Рыжая шевелюра торчала из-под окровавленного бинта.

– Китаеза, – выдохнул Керк. – Сбежал в перелесок, и больше мы его не видели. Парни ищут...

– Чертовы дурни! – взревел Бартли. – Я же велел пристрелить его, разве нет? Разве нет?!

В этот момент Крейн развернулся, сделал шаг вперед и ловко выпрыгнул в открытое окно. Раненая нога зацепилась за подоконник, и приземлился он совсем не так ловко, как выпрыгнул.

В доме взвыл Бартли и застучали ботинки.

Крейн увидел во дворе фигуру бегущего человека. В руке у человека был револьвер. Собрав волю в кулак, Крейн бросился вперед, в ноги противнику, и тот упал на четвереньки, выронив оружие. Вскочив, Крейн заметил на земле металлический блеск и метнулся в его сторону.

Пыхтя от злости, человек выпрямился.

Раздался выстрел, и пуля пропахала борозду в пыли. По ступеням медленно спускался Керк, готовый выстрелить снова. Рыжие волосы блестели в лунном свете.

Крейн вскинул револьвер и едва не попал Керку в колено. Пуля угодила в ступеньку. Полетели щепки.

Револьвер в руке у Керка подмигнул огненным глазом, и в рукаве у Крейна образовалась прореха.

Револьвер Крейна дернулся вверх, но тотчас вернулся на место. Крейн снова выстрелил. Получив пулю, Керк скатился с крыльца – так, словно не заметил ступеньку.

За спиной у Крейна послышались шаги, и он развернулся. Хозяин револьвера шел в атаку, пригнувшись и вытянув руки вперед.

Крейн неловко отпрыгнул в сторону. Человек схватил его за плащ, но ствол револьвера обрушился ему на макушку. Нападающий растянулся в пыли.

Из дома выстрелили. Крейн услышал, как рядом просвистел свинец. В ночи затопали ноги. У сарая кто-то громко чертыхнулся.

Крейн, петляя, побежал через двор. Юркнул за опрокинутый бак для воды, прижался к его металлической стенке, прислушался к воплям и топоту.

Пуля ударила в бак и отрикошетила, завывая, словно банши. Еще одна угодила ниже, проделав зубчатое отверстие. Крейн бросился на землю.

Глупый поступок, думал он. Не следовало отказываться. Нужно было остаться в кабинете, поговорить с Бартли, принять его предложение.

Теперь ни единого шанса. Бак – ненадежное укрытие, а с раненой ногой далеко не убежишь. Его выкурят отсюда. Это лишь вопрос времени. Или кто-то сделает удачный выстрел.

Да, он труп, без вариантов. Не только он, но и Бетти, лежащая на втором этаже под надзором миссис Нордби.

Стоило согласиться на предложение, и Крейн с Бетти отправились бы в город, подальше от этой ночи, полной огня и дыма. Позже мошенник Бартли, пользуясь своей властью, сделал бы Крейна судьей, а потом и сенатором.

Бахнул револьвер. Пуля проделала очередную дыру в нижней части бака.

«Меня вот-вот обойдут, – думал Крейн. – Подкрадутся с двух сторон, пока спереди будут палить в бак, чтобы я не высовывался».

– Крейн, покажись! – прокричал Бартли из темноты. – Твоя песенка спета. Покажись, и мы забудем о твоём проступке.

Крейн вжимался в металл. Слова Бартли звенели у него в ушах.

Второй шанс. Возможность выйти живым из этой передраги, стать судьей и сенатором, спасти Бетти и взять ее в жены.

– Иди к черту! – прорычал Крейн.

– Ну что ж, ты сам напросился, – проговорил Бартли с гладким восточным акцентом.

Крейн осторожно подтянул ноги и привстал. У него осталось четыре патрона, и он сделает четыре выстрела. Выскочит из укрытия, свалит Бартли и, может быть, Гьюлика, прежде чем его изрешетят. Хотя бы умрет как мужчина, в полный рост, а не скрючившись за баком.

Возле сарая прозвучало два выстрела. Кто-то завопил, послышалась барабанная дробь копыт, и сразу заговорили револьверы.

Крейн покинул свое укрытие.

Из-за луны во дворе было светло как днем. Пешие люди Бартли искали, где бы спрятаться, а конные у сарая вели по ним беглый огонь.

Навстречу Крейну, петляя, словно заяц, мчался человек. Его настигал всадник. Похоже, бегущий не видел Крейна. Он понимал лишь, что смерть дышит ему в спину.

Всадник выстрелил. Беглец рухнул на землю, словно мешок с мукой.

Теперь смертоносное дуло смотрело на Крейна, и тот понял, что его сейчас убьют.

Но конь попятился, а всадник поднял руку и приветственно помахал оружием.

– Джон! – воскликнул Крейн.

Джон Фентон прокричал в ответ что-то неразборчивое, развернул коня и ускакал к сараю. Крейн, не чувствуя под собой ног, смотрел ему вслед. Хорошо, что Фентон его узнал. Старик бы не промахнулся.

Возле сарая стреляли все реже. Тем, кто разбежался по укрытиям, велено было выходить с поднятыми руками.

«Значит, Сэм справился, – подумал Крейн. – Удивительный народ эти китайцы».

Скрипнула дверь хозяйского дома. На крыльцо выскочил человек.

– Бартли! – крикнул Крейн.

Бартли бросился к лошади, но на полпути замер и взглянул на Крейна. Тот стоял от него в дюжине футов. На секунду время застыло.

Рука Бартли с поразительной скоростью метнулась к кобуре. В лунном свете сверкнул металл, и в этот же миг Крейн вскинул револьвер.

Два выстрела слились в манифест обоюдной ненависти. Пуля оцарапала щеку Крейна. Он снова нажал на спуск, взвел курок и приготовился выстрелить в третий раз.

Бартли согнулся, пытаясь устоять на ногах. Он покачивался, как сосна на ветру. Наконец револьвер выпал из обессиленной руки, и Бартли медленно осел на землю.

Какое-то время Крейн стоял и смотрел на поверженного врага. Потом демонстративно отбросил револьвер, и тот утонул в пыли. Хватит убивать.

Крейн неуклюже забрался на крыльцо, ввалился в коридор и позвал:

– Бетти!

Со второго этажа откликнулся девичий голос. Над головой застучали каблучки. Девушка бежала к лестнице, а Крейн думал, что все же станет сенатором. Но по-честному. Так, чтобы жене не было за него стыдно.

Дезертирство

Четыре человека – двое, а за ними еще двое – вошли в ревушую по всему Юпитеру бешеную круговерть и не вернулись. Хотя правильнее сказать, не вошли, а запрыгнули, ведь они передвигались скачками, едва не касаясь животом земли, блестя мокрыми от дождя боками.

Потому что выжить в этом аду, пребывая в человеческом облике, было невозможно.

А теперь пятый человек стоял перед столом Кента Фаулера, члена Комиссии по изучению Юпитера, главы третьего купола.

Под столом старый Верзила вычесал блоху и снова устроился вздремнуть.

Фаулера кольнула душевная боль: Гарольд Аллен молод, даже слишком молод. Беспечная юношеская самоуверенность, прямая спина, ясный взгляд. Лицо человека, не знающего страха.

И это странно. Обитатели куполов на Юпитере знают, что такое страх. И что такое унижение. Слишком уж трудно человеку соизмерить свое крошечное «я» с грандиозной мощью чудовищной планеты.

– Ты же понимаешь, – сказал Фаулер, – что в этом нет необходимости. Ты понимаешь, что тебе не обязательно идти.

Конечно, это всего лишь формальность. То же самое было сказано четверем другим, но они пошли. Фаулер не сомневался: пойдет и этот пятый. Но все-таки в его душе шевельнулась надежда, что Аллен останется.

– Когда приступать? – спросил Аллен.

Раньше такой вопрос вызывал у Фаулера тихую гордость. Раньше, но не сейчас. Он нахмурился:

– Через час.

Аллен молча ждал.

– Четверо вышли и как сквозь землю провалились, – проговорил Фаулер. – Разумеется, тебе это известно. Нам нужно, чтобы ты вернулся. Мы не хотим, чтобы ты пустился в героическую спасательную экспедицию. Вернуться – вот твоя главная, нет, единственная задача. Этим ты докажешь, что человек в юпитерианском теле способен выжить. Дойди до первой вехи и сразу поворачивай назад. Не рискуй, ничего не исследуй. Просто вернись.

Аллен кивнул:

– Я все понял.

– Тобой займется мисс Стенли, – продолжал Фаулер. – Не беспокойся, она знает свое дело, как-никак лучший оператор конвертера в Солнечной системе, набралась опыта на большинстве планет. Да иначе ее бы здесь не было. С твоими предшественниками мисс Стенли поработала безупречно; покидая конвертер, они, безусловно, пребывали в идеальном состоянии.

Аллен ухмыльнулся женщине, и Фаулер, заметил, как у той что-то промелькнуло на лице. Может, жалость, может, злость, а скорее всего, обыкновенный страх. Но это исчезло, и мисс Стенли улыбнулась стоявшему перед ней юноше. Как всегда, улыбка вышла натянутая, чопорная, как у школьной учительницы, вынужденной любезничать с учениками и ненавидящей это занятие.

– С нетерпением буду ждать конверсии, – пообещал Аллен.

Это прозвучало как шутка. Веселая, ироничная.

Но Фаулеру было не до шуток. Возглавляемая им Комиссия занималась серьезным делом. Чрезвычайно серьезным. От проводимых ею экспериментов зависела судьба человеческой колонии на Юпитере. Если будут удачные результаты, гигантская планета настезь распахнет ворота к своим неисчерпаемым ресурсам. Человечество освоит Юпитер, как уже освоило другие, меньшие планеты. А если не выйдет...

Если не выйдет, люди так и останутся заточены в своих куполах, скованы и стреножены чудовищным давлением, немислимой гравитацией, дичайшей планетарной химией. Люди не смогут даже шагу ступить за пределами своих убежищ. Не смогут увидеть ее невооруженным глазом, вынужденные прибегать к помощи вездеходов и телеприборов. Так и будут полагаться на неуклюжие, дистанционно управляемые машины и столь же неуклюжих роботов.

Ибо исконное человеческое тело, не приспособленное к здешней окружающей среде, было бы вмиг раздавлено всмятку кошмарным юпитерианским давлением – пятнадцать тысяч фунтов на квадратный дюйм. По сравнению с ним на максимальной глубине земного Мирового океана сущий вакуум.

Даже прочнейшие из созданных землянами металлических сплавов не могли долго держаться при таком давлении, под беспрестанно омывающими планету щелочными ливнями. Они изрыхлялись и хрупчали, опадали чешуйками и расплзались глинистыми потеками, убежали ручейками аммиачных рассолов. И только укрепление твердости и прочности металла, усиление связи между его электронами позволяло создавать купола, способные выдержать напор тысячемильных ядовитых газовых смерчей, из которых состояла атмосфера Юпитера. Вдобавок приходилось покрывать купола прочнейшим кварцем для защиты от ливней, хлеставших не водой, а едким жидким аммиаком.

Фаулер сидел и слушал, как трудятся моторы на подземном этаже купола. Эти моторы никогда не останавливаются, не затихают. Иначе нельзя: если прекратится подача энергии в металл внешней оболочки, химические связи ослабнут и база погибнет.

Под столом проснулся Верзила и снова зачесался, жестко стуча лапой по полу.

– Я могу идти? – спросил Аллен.

Фаулер покачал головой.

– Может, тебе нужно еще что-нибудь сделать здесь? – спросил он. – Может...

Он имел в виду прощальное письмо. Хорошо, что спохватился и не договорил.

Аллен глянул на наручные часы.

– Я возвращусь вовремя. – Он направился к выходу.

Фаулер знал, что мисс Стенли пристально смотрит на него, но не захотел повернуться и встретить ее взгляд. Он завозился с лежащими перед ним на столе бумагами.

– Сколько еще это будет продолжаться? – проговорила мисс Стенли, будто зло выплюнула каждое слово.

Фаулер развернулся вместе с креслом. У женщины губы были сжаты в тонкую прямую черту, волосы вроде бы туже, чем обычно, стянуты назад, отчего лицо казалось неестественным. Не лицо, а жутковатая посмертная маска.

– Столько, сколько необходимо, – ответил Фаулер, постаравшись взять холодный ровный тон. – Пока есть хоть малейшая надежда.

– Вы снова и снова обрекаете людей на смерть, – сказала мисс Стенли. – Отдаете их Юпитеру на растерзание. А сами сидите в безопасности и комфорте.

– Здесь нет места сантиментам, мисс Стенли. – Фаулер не дал гневу прорваться в голос. – Вы прекрасно знаете, почему я это делаю. Вам известно, что организм землянина совершенно не приспособлен к юпитерианской среде. Единственный выход для нас – превратить человека в существо, которое может жить в здешних условиях. Так мы действовали на других планетах. Если погибнет несколько человек, но мы в конце концов достигнем успеха, то цена окажется невысока. Сколько людей за минувшие века рассталось с жизнью по менее важным, а подчас и совершенно нелепым причинам? Какие же могут быть сомнения, коль скоро столь малые жертвы способны дать нам столь грандиозную выгоду?

Мисс Стенли сидела прямо, напрягшись и сложив руки на коленях; сидящие волосы глянцевиито сияли в свете ламп. Фаулер смотрел на нее и гадал, что она чувствует, о чем размышляет. Не то чтобы он боялся эту женщину, но в ее присутствии ему всегда было не по

себе. Слишком уж многое повидали ее глаза, слишком уж опытными выглядели ее руки. Ей бы в кресле-качалке посиживать и вязать спицами. Но она не живет на Земле в окружении любящей родни. Она непревзойденный оператор конверсионного оборудования в Солнечной системе, и ей не нравится то, чем занимается ее начальство.

– Мистер Фаулер, что-то пошло не так, – заявила она.

– Вы совершенно правы, – согласился Фаулер. – Именно по этой причине я отправляю Аллена одного. Он выяснит, в чем дело.

– А если нет?

– Пошлю следующего.

Женщина медленно встала и двинулась было к двери, но остановилась возле стола.

– Однажды вы подниметесь на самый верх, – сказала она. – Вы ведь не из тех, кто может упустить свой шанс. И сейчас шанс в ваших руках. Вы это предвидели, когда для экспериментов был выбран третий купол. Если справитесь, то подниметесь на ступеньку-другую. И не важно, сколько людей должно погибнуть ради этих ступенек.

– Мисс Стенли, – отрывисто заговорил Фаулер, – Аллену скоро выходить. Пожалуйста, убедитесь, что ваша техника...

– На мою технику, – ледяным тоном перебила она, – грешить не нужно. Она работает по параметрам, которые задают биологи.

Фаулер сидел за столом сгорбившись и слушал, как в коридоре затихают шаги.

Конечно, мисс Стенли сказала правду: параметры она получает от биологов. Но биологи могут ошибаться. Всего-то на волосок разница, всего-то на йоту отклонение – и конвертер даст не то, чего от него ждут. Наружу выйдет мутант – и сломается, расклеится, свихнется при чрезмерной нагрузке или какой-нибудь непредвиденной перемене условий.

Ведь люди крайне слабо представляют себе, что происходит снаружи. Знают только то, о чем им сообщили приборы. Образцы, полученные с помощью механизмов, не дают картины в целом, поскольку Юпитер невообразимо велик, а куполов на нем очень мало.

Сбор информации о прыгунах, этой явно высшей форме юпитерианской жизни, занял три года – биологи проделали чрезвычайно сложную и напряженную работу. И еще два ушло на кропотливую проверку результатов. На Земле все это проделали бы за неделю – при условии, что юпитерианский организм удалось бы доставить на Землю. Увы, ни на какой другой планете невозможно воссоздать физические условия Юпитера; земные давление и температура мигом превратили бы прыгуна в облачко газа.

Когда появилась надежда освоить Юпитер с помощью прыгунов, было решено времени на этот проект не жалеть. Прежде чем конвертер превратит человека в иную форму жизни, необходимо исследовать все ее физические характеристики – исследовать самым дотошным образом, исключив малейшую ошибку.

Аллен не вернулся.

Прочесав ближайшую территорию, вездеходы не обнаружили его следов. Разве что скачущее существо, замеченное одним из водителей, могло быть человеком в теле прыгуна.

Предположение Фаулера насчет неверных параметров биологи восприняли с самыми ехидными академическими ухмылками. Доходчиво объяснили ему, что параметры безупречны. Когда в конвертер помещают человека и поворачивают рубильник, человек превращается в прыгуна. Он покидает машину и исчезает в густой, как суп, атмосфере. Но если все-таки Фаулер прав, если имеет место какой-нибудь крошечный изъян, на его выявление, сказали биологи, могут уйти годы.

У Фаулера не было оснований не верить ученым.

Итак, потеряно уже пять человек, и Гарольд Аллен – тоже напрасная жертва. Его смерть ничего не внесла в копилку знаний.

Фаулер взял со стола список персонала базы, тонкую стопку скрепленных листов. Тяжело, горько – но это необходимо сделать. Необходимо выяснить загадку исчезновения людей. И нет другого способа, кроме отправки следующих.

Он просидел несколько мгновений, слушая, как голосит вокруг купола вихрь, вековечно ярящийся, мечущийся, ревуший над просторами Юпитера.

«Может, есть другая причина? – спросил себя Фаулер. – Какая-нибудь опасность, неизвестная нам? Хищник, который набрасывается на прыгунов из засады и пожирает их? Не видя разницы между прыгунами настоящими и прыгунами-людьми? Да и как хищнику обнаружить эту разницу? Или мы в корне не правы? Ошиблись, когда выбрали прыгуна в качестве формы жизни, наиболее пригодной для существования на поверхности планеты?»

Он знал, что важным критерием этого выбора была явная разумность. Не будь у прыгуна такого качества, человек в его теле недолго бы сохранил собственную способность к мышлению.

Не случилось ли так, что биологи, придав слишком большое значение одному фактору, не увидели за ним другого, по-настоящему опасного, если не сказать катастрофического? Нет, это маловероятно. Биологи высокомерны, но свое дело они знают хорошо.

А что, если сам замысел утопичен? Обречен изначально? Конверсия живых организмов работала на других планетах, но следует ли из этого, что она будет работать и на Юпитере? Допустим, сенсорная система юпитерианина не позволяет человеческому разуму функционировать должным образом...

Возможно, прыгуны настолько не похожи на нас, что просто не существует общей почвы, на которой человеческий опыт и юпитерианское представление о жизни могли бы соединиться, чтобы действовать вместе.

Или проблема в человеке, она присуща всему биологическому виду? Какой-нибудь порок разума, усугубленный чем-то, встреченным за пределами купола, помешал вернуться всем пятерым... А может, это и не порок – в человеческом смысле не порок. Может, просто какая-то черта психики, совершенно заурядная на Земле, вступила в непримиримый конфликт с юпитерианскими условиями и вдребезги разнесла человеческий рассудок?

В коридоре застучали по металлу когти. Слушая, Фаулер улыбался: это Верзила возвращается, навестив своего друга, повара.

Верзила, прихвативший в кухне кость, вошел в кабинет. Помахал Фаулеру хвостом и плюхнулся возле стола; кость он теперь держал между лапами. Слезящиеся глаза долго смотрели на хозяина, и тот наконец склонился и потрепал рваное ухо.

– Верзила, ты же меня не разлюбил? – спросил Фаулер, и пес хлопнул об пол хвостом. – Значит, ты один такой. В куполе меня все проклинаят, костерят на чем свет стоит. Наверняка называют за глаза убийцей.

Он выпрямил спину и развернулся к столу. Протянул руку, взял папку.

Беннетт? Беннетта на Земле ждет девушка.

Эндрюс? Планирует вернуться в Марсианский технологический, как только накопит на год обучения.

Олсон? Ему скоро на пенсию. Все рассказывает парням, как осядет и займется выращиванием роз.

«Обрекаю людей на смерть». Так сказала мисс Стенли, и ее бледные губы едва шевелились на пергаментном лице.

«Отдаете их Юпитеру на растерзание. А сами сидите в безопасности и комфорте».

Нет сомнений, что такие разговоры ходят по всему куполу, особенно после того, как не вернулся Аллен. Конечно же, никто этого не скажет в лицо. Даже тот (или те), кого Фаулер сейчас вызовет к себе в кабинет, воздержится от такого обвинения.

Он только спросит: «Когда приступать?» Это уже ритуальная фраза.

Но Фаулер прочитает упрек в его глазах.

Он снова заглянул в список. Беннетт, Эндрюс, Олсон. Есть и другие, но нет никакого смысла продолжать. Кент Фаулер уже понял, что не сможет. Не сможет смотреть им в лицо. Не сможет послать их на смерть.

Он наклонился вперед и щелкнул рычажком интеркоммуникатора.

– Да, мистер Фаулер?

– Соедините с мисс Стенли, пожалуйста.

Он ждал и глядел, как Верзила вяло грызет кость. У пса совсем плохо с зубами.

– Мисс Стенли, – произнес динамик.

– Хочу вас попросить, мисс Стенли, подготовить машину еще для двоих.

– А вы не боитесь, – спросила мисс Стенли, – что у вас так люди скоро закончатся? Если по одному посылать, это дольше продлится и даст вам вдвое больше удовлетворения.

– Один из них – собака, – сказал Фаулер.

– Собака?!

– Да. Верзила.

Ее голос вмиг заледенел от гнева:

– Ваш собственный пес? Он же с вами уже столько лет...

– В том-то и дело, – перебил женщину Фаулер. – Он бы расстроился, если бы я ушел без него.

Он предвидел, что все будет по-другому, но не был готов к тому, что разница окажется настолько огромна. Он ждал встречи с адом, где льют аммиачные дожди, курятся зловонные дымы и оглушительно ревет буря. Он рассчитывал увидеть вихрящиеся тучи, пронизываемые блеском гремучих молний.

Но он никак не ждал, что окажется не под хлещущим ливнем, а в клубах багрового тумана, которые призраками пробегают над красной и пурпурной травой. У него и мысли не возникало, что змеящиеся молнии превратятся в сполохи восхитительного фейерверка на разноцветном небе.

Дождаясь Верзилы, Фаулер разминал мышцы своего нового тела, дивился их гибкости и силе. «Неплохое тело», – решил он и поморщился, вспомнив, как жалел прыгунов, появлявшихся на телевизионном экране.

Но ведь нелегко было вообразить живой организм, построенный на основе аммиака и водорода, а не на основе воды и кислорода. Нелегко было представить, что такая форма жизни способна испытывать радость бытия, неведомую человеку. Нелегко было постичь, как вообще возможна жизнь в этом бурлящем адском вареве – атмосфере Юпитера. Да еще не подозревая о том, что в глазах юпитерианина все выглядит совершенно иначе.

Ветерок прошелся по коже нежными пальцами, и Фаулер содрогнулся, вспомнив, что по земным меркам это не ветерок, а свирепый ураган – смертоносная газовая смесь, летящая со скоростью двести миль в час.

Ветерок нес с собой приятные запахи. Хотя вряд ли можно назвать это запахами – новое обоняние работало не так, как прежде. Будто все тело впитывало аромат лаванды... Нет, не лаванды. Чего-то такого, для чего и слова-то нет. Известные Фаулеру слова – мысленные символы, служившие ему прежде, – не годились для его юпитерианской ипостаси.

В куполе открылся люк, и наружу вывалился Верзила. Фаулер пытался его позвать – разум сформулировал нужную фразу, но произнести ее не удалось. Да это было попросту невозможно. У нового тела отсутствовал орган речи.

Разум взвихрился мутным ужасом, закрутился облачками слепящей паники. Как же юпитериане разговаривают? Как они...

И вдруг Фаулер ощутил Верзилу, явственно осознал неуклюжее, нетерпеливое дружелюбие кудлатого зверя, с которым подружился на Земле и который побывал с ним на многих других планетах. Как будто пес запрыгнул в хозяина и обосновался в его мозгу.

И уловленный Фаулером смутный приветственный посыл обрел словесную форму:

Здорово, дружище.

На самом деле это были не слова, а нечто даже получше слов. Мысленные символы, коммуникативные формулы с оттенками, каких слова никогда не имели.

Здорово, Верзила, – ответил Фаулер.

До чего же шикарное у меня самочувствие, – похвастался пес. – *Совсем как в щенячьем возрасте. А то ведь я в последнее время совсем скис. Ноги не слушаются, от зубов почти ничего не осталось. Такими зубами кость не разгрызешь. Да еще и блохи заели вконец. А ведь когда-то я их едва замечал, в молодые-то годы. Блохой больше, блохой меньше...*

Но... Но... – В голове у Фаулера толпились, мешая друг другу, мысли. – *Ты что же это, разговариваешь со мной?*

Конечно, – ответил Верзила. – *Я всегда с тобой пытался говорить, да только ты не слышал. Как будто со стенкой беседуешь.*

Иногда я тебя понимал, – возразил Фаулер.

Не очень-то хорошо. Ты понимал, когда я просил поест, или попить, или рвался на прогулку, но это, пожалуй, и все.

Ты уж прости меня, – попросил Фаулер.

Ладно, забыли, – сказал пес. – *Ну что, наперегонки до скалы?*

Только сейчас Фаулер увидел скалу, стоявшую, похоже, за много миль. Но даже отсюда бросалась в глаза ее дивная хрустальная красота – грани сверкали в тени разноцветных облаков.

Фаулер колебался:

Но ведь далеко...

Да брось ты. Рванули. – И Верзила, еще не договорив, устремился к скале.

Фаулер последовал за ним, испытывая силу ног, выносливость своего нового тела. Сначала были сомнения, потом – изумление, потом – пронзительный восторг от скачки по красной и пурпурной траве в плывущей над землей дождевой дымке.

На скаку он ощутил музыку. Музыка нахлынула на него, вторглась в тело, подняла его на серебряных крыльях скорости. Будто колокольный звон прилетел из церкви, венчающей залитый весенним солнцем холм. И чем ближе скала, тем мощнее музыка, и вот уже Вселенная целиком заполнена ее волшебным звучанием.

Фаулер понял, что музыка – это шум водопада, низвергающегося перед блестящим ликом скалы.

Но это, конечно, не водопад, сказал себе Фаулер, а аммиакопад. Скала же белая оттого, что состоит из затвердевшего кислорода.

Он затормозил возле Верзилы, там, где водопад дробился на сверкающую тысячецветную радугу. И «тысячецветная» – не фигура речи. Ведь тут цвета не переходят в другой привычным для человеческого глаза образом – нет, свет призматически разложен на все, какие только есть, тончайшие линии.

Музыка, – проговорил Верзила.

Да. Что скажешь насчет нее?

Музыка – это вибрации, – ответил пес. – Вибрации падающей воды.

Верзила! Что ты можешь знать о вибрациях?

А вот знаю, – возразил пес. – Это знание только что заскочило мне в голову.

Заскочило в голову?! – мысленно ахнул Фаулер.

Внезапно в его собственной голове возник алгоритм. Последовательность химических процессов, которые сделают металл устойчивым к атмосферному давлению Юпитера.

Фаулер ошеломленно смотрел на водопад, а его мозг быстро распознавал цвета и распределял их в четком спектральном порядке. Вот так. Ни с того ни с сего. Из ничего. Ведь он еще миг назад ни бельмеса не смыслил ни в металлах, ни в цветах.

Верзила! – воскликнул он. – Верзила, с нами что-то происходит!

Ага, я в курсе, – откликнулся пес.

Это мозг, – сказал Фаулер. – Мы теперь его используем на всю катушку, работает каждая клетка. И он разбирается с вещами, о которых нам бы следовало знать с самого начала. Быть может, у землян мозги от природы медлительные, сонные. Быть может, мы идиоты Вселенной. Быть может, мы обречены до всего доходить самым трудным путем.

И эта новообретенная кристальная ясность мысли позволила понять, что ему теперь дано не только разобраться в цветах водопада или сплавах, не подверженных разрушительному воздействию юпитерианской среды. Он ощущал и многое другое, пусть пока и не совсем отчетливо. Улавливал смутный шепот, намекавший на нечто большее, на недоступные человеческой логике тайны, на явления, лежащие за пределами человеческого воображения. На открытия, факты, умозаключения, зиждущиеся на рациональности. На вещи, которые разум непременно постиг бы, если бы использовал весь свой потенциал рационального мышления.

Мы все еще земляне, почти целиком, – сказал он. – Только начинаем узнавать то, что и так должны были бы уже знать. Некоторые истины, недоступные для нас, землян, – возможно, исключительно потому, что мы земляне. Потому что наши человеческие тела слишком слабы. Малопригодны для мышления, скудно оснащены необходимыми для познания чувствами. А может, этих чувств у нас и вовсе не было?

Фаулер оглянулся на купол, превращенный расстоянием в крошечное черное пятнышко.

Там остались люди, которым не дано увидеть красоту Юпитера. Эти люди уверены, что вихрящиеся облака и хлещущий дождь застыт от них лик планеты.

Слабые человеческие глаза. Практически слепые. Им не узреть прелести облаков, не проникнуть взглядом сквозь бурю. Тело землянина не ощутит волнующих музыкальных вибраций, распространяемых летящей с горы водой.

Человек одинок, и это страшное одиночество. С себе подобными он общается с помощью языка, а это такое же примитивное средство, как флажный семафор бойскаутов. Землянину не дано просто дотянуться мыслью до другого разума, как Фаулер может дотянуться до разума Верзилы. Этот личностный, интимный контакт с другими живыми существами человеку недоступен.

Еще совсем недавно Фаулер со страхом ожидал встречи с обитателями этой чуждой планеты, был готов искать убежище от неведомых опасностей, собирал волю в кулак, чтобы выдержать погружение в чудовищную среду, так непохожую на земную.

Но вместо всех этих ужасов он обрел нечто совершенно новое – и огромное, куда больше всего того, что когда-либо имел человек. Сильное, крепкое, ловкое тело. Воодушевление, глубокое ощущение жизни. Острый ум. Красивейший мир, которого не вообразить ни одному земному мечтателю.

Ну что, идем? – спросил Верзила.

Куда ты хочешь пойти?

Да без разницы, – ответил пес. – Куда глаза глядят, куда ноги несут. У меня такое чувство... Такое чувство...

Ага, я понимаю, – сказал Фаулер.

У него тоже было такое чувство. Чувство высокого предназначения. Ощущение безграничности. Уверенность в том, что где-то за горизонтами его ждут потрясающие приключения – и нечто большее чем приключения.

Так было и с теми, кто вышел из купола до него. Они тоже восприняли этот зов, сулящий жизнь во всей ее полноте и великое множество открытий.

Теперь Фаулер понимал, почему эти пятеро не пришли назад.

Я не вернусь, – сказал Верзила.

Но мы не можем их бросить.

Фаулер сделал шаг в направлении купола, затем другой и остановился.

Вернуться в купол? Вернуться в больное, отравленное тело? Раньше он не чувствовал себя больным, но теперь знал, сколь огромна разница. Слабый мозг, сумбурное мышление. Шевеления рта, создающие понятные для других сигналы. Зрение ненамного лучше слепоты.

Вернуться к убогости, хилости, невежеству?

Может, и вернусь однажды, – беззвучно пробормотал он, отвечая собственным мыслям.

Нам надо многое сделать, многое увидеть, – сказал Верзила. – Многому научиться. И многое найти...

Да, они обязательно что-нибудь найдут. Возможно, цивилизации. По сравнению с которыми цивилизация землян – ничтожная песчинка. Найдут красоту и, что важнее, постигнут эту красоту. И обретут дружбу, какой прежде не знал никто – ни люди, ни собаки. И получат новую жизнь. Кипучий поток жизни – вместо прежнего сонного ручейка.

Я не могу возвратиться, – заявил Верзила.

Я тоже.

Иначе меня превратят обратно в собаку.

А меня, – сказал Фаулер, – обратно в человека.

Золотые жуки

День начался отвратительно.

Артур Белсен, живущий по ту сторону аллеи, включил в шесть утра свой оркестр, чем и заставил меня подпрыгнуть в постели.

Белсен, скажу я вам, по профессии инженер, но его страсть – музыка. И поскольку он инженер, то не довольствуется тем, что наслаждается ею сам. Ему просто необходимо всполошить всех соседей. Год или два назад ему в голову пришла идея о симфонии, исполняемой роботами, и, надо отдать ему должное, он оказался талантливым человеком. Он принялся работать над своей идеей и создал машины, которые могли читать – не просто играть, но и читать музыку прямо с нот, – и смастерил машину для транскрипции нот. Затем он сделал несколько таких машин в своей мастерской в подвале.

И он их испытывал!

Вполне понятно, что то была экспериментальная работа, когда неизбежны переделки и настройки, а Белсен был очень придирчив к звукам, издаваемым каждой из его машин. Поэтому он много и подолгу их настраивал – и очень громко, – пока не получал то воспроизведение, которое, как он считал, должно было получиться.

Одно время соседи вяло поговаривали, что неплохо бы его линчевать, но разговор так и остался разговором. В этом-то и беда, одна из бед с нашими соседями – на словах они способны на что угодно, но на деле палец о палец не ударят.

Так что конца этому безобразию пока не было видно. Белсену потребовалось больше года, чтобы настроить секцию ударных инструментов, что само по себе было не подарок. Но теперь он взялся за струнные, а это оказалось еще хуже.

Элен села на постели рядом со мной и заткнула уши пальцами, но это ее не спасло. Белсен врубил свою пыточную машину на полную мощь, чтобы, как он говорил, лучше прочувствовать музыку.

По моим прикидкам, к этому времени он наверняка разбудил всю округу.

– Ну, началось, – сказал я, слезая с постели.

– Хочешь, я приготовлю завтрак?

– Можешь спокойно начинать, – отозвался я. – Еще никому не удалось спать, когда эта гадость включена.

Пока она готовила завтрак, я пошел в садик за гаражом – поглядеть, как поживают мои георгины. Я вовсе не возражаю, если вы узнаете, что я обожаю георгины. Приближалось начало выставки, и несколько штук должны были расцвести как раз ко времени.

Я направился к садику, но не дошел. Это тоже одна из особенностей района, где мы живем. Человек начинает что-то делать и никогда не заканчивает, потому что всегда найдется кто-то, кто захочет с ним поболтать.

На сей раз это оказался Добби. Добби – это доктор Дарби Уэллс, почтенный старый чудак с бакенбардами на щеках, живущий в соседнем доме. Мы все зовем его Добби, и он ничуть не возражает, поскольку это в своем роде знак уважения, которое ему оказывают. В свое время Добби был довольно известным энтомологом в университете, и это имя ему придумали студенты.

Но теперь Добби на пенсии, и заняться ему особо нечем, если не считать длинных и бесцельных разговоров с каждым, кого ему удастся остановить.

Едва заметив его, я понял, что погиб.

– По-моему, прекрасно, – произнес Добби, облачаясь на свой забор и начиная дискуссию, едва я приблизился настолько, чтобы его расслышать, – что у человека есть хобби. Но я утверждаю, что с его стороны невежливо демонстрировать это так шумно ни свет ни заря.

– Вы имеете в виду это? – спросил я, тыча пальцем в сторону дома Белсена, откуда продолжали в полную силу доноситься скрежет и кошачьи вопли.

– Совершенно верно, – подтвердил Добби, приглаживая седые бакенбарды с выражением глубокого раздумья на лице. – Но заметьте, я ни на одну минуту не перестаю восхищаться этим человеком...

– Восхищаться? – переспросил я. Бывают случаи, когда я с трудом понимаю Добби. Не столько из-за его привычки разговаривать напыщенно, сколько из-за манеры размышлять.

– Верно, – подтвердил Добби. – Но не из-за его машин, хотя они сами по себе электрическое чудо, а из-за того, как он воспроизводит свои записи. Созданная им машина для чтения нот – весьма хитроумное сооружение. Иногда она мне кажется почти что человеком.

– Когда я был мальчиком, – сказал я, – у нас было механическое пианино, которое тоже играло записанную музыку.

– Да, Рэндолл, вы правы, – признал Добби, – принцип схож, но исполнение – подумайте об исполнении! Все эти старые пианино лишь весело брэнчали, а Белсену удалось передать самые тонкие нюансы.

– Должно быть, я не уловил этих нюансов, – ответил я, не выразив ни малейшего восхищения. – Все, что я слышал, – просто бред.

Мы говорили о Белсене и его оркестре, пока Элен не позвала меня завтракать.

Едва я уселся за стол, она начала зачитывать свой черный список.

– Рэндолл, – решительно произнесла она, – на кухне опять кишат муравьи. Они такие маленькие, что их почти не видно, зато они пролезают в любую щель.

– Я думал, ты от них уже избавилась.

– Да, раньше. Я выследила их гнездо и залила его кипятком. Но на сей раз этим придется заняться тебе.

– Будь спокойна, непременно займусь, – пообещал я.

– То же самое ты говорил и в прошлый раз.

– Я уже было собрался, но ты меня опередила.

– Но это еще не все. На чердаке в вентиляционных щелях завелись осы. На днях они ужалили девочку Монтгомери.

Она хотела сказать еще что-то, но тут по лестнице скатился наш одиннадцатилетний сын Билли.

– Смотри, пап! – восторженно воскликнул он, протягивая мне небольшую пластиковую коробочку. – Таких я раньше никогда не видел!

Я мог не спрашивать, кого он еще не видел. Я знал, что это очередное насекомое. В прошлом году – марки, в этом – насекомые, и это еще одно следствие того, что рядом живет энтомолог, которому нечем заняться.

Я нехотя взял коробочку в руки.

– Божья коровка.

– А вот и нет, – возразил Билли. – Этот жук гораздо больше. И точки другие, и цвет не тот. Этот золотой, а божьи коровки оранжевые.

– Ну тогда поищи его в справочнике, – нетерпеливо сказал я. Парень был готов заниматься чем угодно, лишь бы не брать в руки книгу.

– Уже смотрел, – сказал Билли. – Всю перелистал, а такого не нашел.

– Боже мой, – в сердцах произнесла Элен, – сядь наконец за стол и позавтракай. Мало того что житья не стало от муравьев и ос, так еще ты целыми днями ловишь всяких других жуков.

– Мама, но это поучительно, – запротестовал Билли. – Так говорил доктор Уэллс. Он сказал, что существует семьсот тысяч видов насекомых...

– Где ты его нашел, сынок? – спросил я, немного устыдившись, что мы оба набросились на парня.

– Да в моей комнате.

– В доме! – завопила Элен. – Мало нам муравьев...

– Как только поем, покажу его доктору Уэллсу.

– А ты ему еще не надоел?

– Надеюсь, что надоел. – Элен поджала губы. – Этот самый Добби и приучил его заниматься глупостями.

Я отдал коробочку Билли. Тот положил ее рядом с тарелкой и принялся за еду.

– Рэндолл, – сказала Элен, приступая к третьему пункту обвинения, – я не знаю, что мне делать с Норой.

Нора – наша уборщица. Она приходит дважды в неделю.

– И что она на этот раз сделала?

– В том-то и дело, что ничего. Она просто-напросто не вытирает пыль. Помашет для виду тряпкой, и все. И ни разу еще не переставила лампу или вазу, чтобы протереть в этом месте.

– Ну, найди вместо нее кого-нибудь.

– Рэндолл, ты не понимаешь, о чем говоришь. Уборщицу найти очень трудно, и на них нельзя полагаться. Я говорила с Эми...

Я слушал и вставлял нужные замечания. Все это мне уже приходилось слышать раньше.

Сразу после завтрака я пошел в контору. Было слишком рано для посетителей, но мне нужно было заполнить несколько страховых полисов и сделать еще кое-какую работу, так что было чем заняться лишние час-другой.

Около полудня мне позвонила очень взволнованная Элен.

– Рэндолл! – выпалила она без всяких предисловий. – Кто-то бросил валун в самую середину сада.

– Повтори, пожалуйста, – попросил я.

– Ну, знаешь, такую большую каменную глыбу. Она раздавила все георгины.

– Георгины! – взвыл я.

– И самое странное, что не осталось никаких следов. Такую глыбу можно было привезти разве что на грузовике...

– Ладно, успокойся. Скажи мне лучше, камень очень большой?

– Да почти с меня.

– Быть того не может! – забушевал было я, но сразу постарался успокоиться. – Это какая-то дурацкая шутка. Кто-то решил подшутить.

Кто бы это мог сделать? Я задумался, но не припомнил никого, кто решился бы на такую канитель, чтобы этак пошутить. Джордж Монтгомери? Он человек здравомыслящий. Белсен? Тот слишком занят своей музыкой, чтобы отвлекаться. Добби? Но я не мог себе представить, чтобы он вообще когда-то шутил.

– Ничего себе шуточка! – сказала Элен.

Никто из моих соседей, сказал я себе, этого не сделал бы. Все знали, что я выращивал георгины, дабы получить новые почетные ленточки на выставках.

– Я сегодня закончу работу пораньше, – сказал я, – и посмотрю, что можно с ним сделать.

Хотя я знал, что сделать можно будет очень немного – лишь оттащить его в сторону.

– Я буду у Эми, – сказала Элен. – Постараюсь вернуться пораньше.

Я положил трубку и занялся работой, но дело не клеилось. В голове были одни георгины.

Я кончил работать вскоре после полудня и купил в аптеке баллончик с инсектицидом. Этикетка утверждала, что средство эффективно против муравьев, тараканов, ос, тлей и кучи другой нечисти.

Когда я подошел к дому, Билли сидел на крыльце.

– Привет, сынок. Нечем заняться?

– Мы с Тони Гендерсоном поиграли в солдатики, да надоело.

Я поставил баллончик на кухонный стол и отправился в сад. Билли молча последовал за мной.

Глыба лежала в саду, точнехонько в середине клумбы с георгинами, и не была ни на сантиметр меньше, чем говорила Элен. Выглядела она странно. То был не просто шербатый кусок скалы, а почти правильный шар чистого красного цвета.

Я обошел ее вокруг, оценивая ущерб. Несколько георгинов уцелело, но самые лучшие погибли. Не было никаких следов, даже намек на то, каким образом этот камень оказался в саду. Он лежал в добрых десяти метрах от дороги; и чтобы перенести его сюда из грузовика, потребовался бы кран, но это было практически невыполнимо, потому что вдоль улицы тянулись провода.

Я подошел к глыбе и внимательно ее рассмотрел. Вся ее поверхность оказалась усеянной маленькими ямками неправильной формы, не более полудюйма в глубину; виднелись и тускло поблескивающие гладкие места, как будто часть первоначальной поверхности была сколота. Более темные и гладкие участки блестели, словно отполированный воск, и мне вспомнилось то, что я видел очень давно – когда один из моих приятелей ненадолго увлекся коллекционированием минералов.

Я склонился над гладкой восковой поверхностью, и мне показалось, что я различаю внутри камня волнистые линии.

– Билли, ты знаешь, как выглядит агат? – спросил я.

– Не знаю, пап. Но Томми знает. Он просто охотится за разными камнями.

Он подошел поближе и стал рассматривать один из гладких участков, потом послонявил палец и провел им по восковой поверхности. Камень заблестел, как атлас.

– Не уверен, – сказал он, – но, похоже, это агат.

Билли отошел немного и стал рассматривать камень с новым выражением на лице.

– Послушай, пап, если это действительно агат – я хочу сказать, если это один большой агат, – то он должен стоить кучу денег, так ведь?

– Не знаю. Наверное, должен.

– Может, целый миллион.

Я покачал головой:

– Ну уж не миллион.

– Я пойду приведу Томми, прямо сейчас.

Он молнией промчался мимо гаража, и я услышал, как он побежал по дорожке к воротам в сторону дома Томми.

Я несколько раз обошел валун и попытался прикинуть его вес, но не знал, как это делается.

Потом вернулся домой и прочитал инструкцию на баллончике с инсектицидом, снял колпачок и нажал на распылитель. Он работал.

Закончив приготовления, я опустился на колени у кухонного порога и попытался отыскать дорожку, по которой муравьи проникали в дом. Я не видел ни одного, но по прошлому опыту знал, что они чуть крупнее песчинки и к тому же почти прозрачные, так что увидеть их очень трудно.

Краем глаза я заметил что-то блестящее, движущееся в одном из углов кухни. Я повернулся и увидел блестящий золотой комочек, бежавший по полу вдоль плинтуса к ящику под раковиной.

Это была еще одна большая божья коровка.

Я направил на нее баллончик и нажал кнопку, но коровка продолжала ползти и вскоре скрылась под ящиком.

Когда жук уполз, я продолжил поиски муравьев, но не нашел даже их следов. Ни один не ползал по полу. Ни один не вылезал. Не было их ни в раковине, ни на столе.

Поэтому я вышел, завернул за угол дома и приступил к операции «Оса». Я знал, что она окажется непростой. Гнездо располагалось в вентиляционной щели чердака, и добраться до него будет трудно. Разглядывая его с улицы, я решил, что единственный выход – дождаться ночи, когда можно быть полностью уверенным, что все осы сидят в гнезде. Я приставлю лестницу, подберусь к гнезду и задам им по первое число, после чего постараюсь слезть вниз с максимальной возможной скоростью. Но не такой, чтобы свернуть себе шею.

Если говорить честно, такое занятие меня мало привлекало, но по тону, каким Элен разговаривала за завтраком, я понял, что мне не отвертеться.

Вокруг гнезда летало несколько ос. Пока я смотрел, две осы упали из гнезда на землю.

Удивленный, я подошел поближе и увидел, что земля под гнездом усеяна мертвыми или умирающими осами. Пока я их разглядывал, упала еще одна оса и стала жужжать и вертеться.

Я немного отступил в сторону, чтобы получше рассмотреть, что происходит в гнезде, но лишь обнаружил, что время от времени вниз падает очередная оса.

Я решил, что мне повезло. Если что-то убивает ос в гнезде, то мне не придется с ними возиться.

Я уже хотел отнести инсектицид обратно на кухню, как с заднего двора прибежали запыхавшиеся Билли и Томми Гендерсон.

– Мистер Марсден, – сказал Томми, – этот ваш камень и в самом деле агат. Ленточный агат.

– Что ж, прекрасно, – отозвался я.

– Да вы не поняли! – воскликнул Томми. – Таких больших агатов не бывает. А ленточные, наиболее ценные, вообще не крупнее вашего кулака.

Тут до меня дошло. В голове у меня прояснилось, и я рванул вокруг дома, чтобы еще раз посмотреть на камень в саду. Мальчики помчались следом.

Камень был просто прекрасен. Я протянул руку и погладил его. Как мне повезло, подумал я, что кто-то забросил его в мой сад. Про георгины я к тому времени уже забыл.

– Готов поспорить, – сказал мне Томми, глядя на меня глазами размером с тарелку, – что вы получите за него кучу денег.

Не стану отрицать, что приблизительно такая же мысль пронеслась и в моей голове.

Я протянул руку и прижал ее к камню, просто чтобы почувствовать его твердость и реальность.

И камень слегка покачнулся!

Удивившись, я толкнул посильнее, и он качнулся опять. Томми выпучил глаза.

– Странно, мистер Марсден. Вроде бы он двигаться не должен. Ведь в нем тонна, не меньше. Должно быть, вы очень сильный.

– Я не сильный, – ответил я. – По крайней мере, не настолько.

Неверной походкой я вошел в дом и спрятал инсектицид, потом вышел, уселся на ступеньках и задумался.

Мальчиков не было видно. Наверное, они побежали рассказывать обо всем соседям.

Если это агат, как сказал Томми, если это действительно один большой агат, то он должен представлять собой огромную музейную ценность и соответственно стоить. Но если это агат, то почему он такой легкий? Его и десять человек не должны были сдвинуть с места.

И еще, подумал я, каковы мои права на него, если это действительно агат? Он лежит на принадлежащей мне земле и, значит, мой. Но что, если появится кто-нибудь и предъявит на него права?

И еще: как он, в конце концов, попал ко мне в сад?

Все эти мысли успели хорошо перепутаться у меня в голове, когда из-за угла выкатился Добби и уселся рядом со мной на ступеньках.

– Удивительные вещи происходят, – сказал он. – Слыхал, у вас в саду появилась агатовая глыба.

– Так мне сказал Томми Гендерсон. Думаю, он не ошибся. Билли говорил, что он увлекается камнями.

Добби поскреб бакенбарды.

– Великая вещь – хобби, – сказал он. – Особенно для ребят. Они многое узнают.

– Ага, – вяло отозвался я.

– Ваш сын принес мне сегодня после завтрака насекомое для идентификации.

– Я велел ему не беспокоить вас.

– Я рад, что он мне его принес, – возразил Добби. – Такого мне не приходилось видеть.

– Смахивает на божью коровку.

– Да, – согласился Добби, – определенное сходство есть. Но я не совсем уверен... Короче, дело в том, что я не уверен даже, что это насекомое. Честно говоря, оно больше похоже на черепаху, чем на насекомое. У него нет никакой сегментации тела, которая есть у любого насекомого. Внешний покров чрезвычайно тверд, голова и ноги втягиваются и вытягиваются, усиков нет. – Он с легким недоумением покачал головой. – Конечно, я не могу быть полностью уверен. Необходимо более обширное исследование, прежде чем я попытаюсь провести классификацию. Вам случайно не доводилось найти еще несколько?

– Не так давно я видел, как один такой полз по полу.

– Вам не трудно будет в следующий раз, когда вы их увидите, поймать для меня одного?

– Ничуть, – сказал я. – Постараюсь поймать для вас парочку.

Я решил сдержать свое слово. После того как он ушел, я спустился в погреб и стал искать. Мне попались на глаза несколько штук жуков, но поймать я не смог ни одного. Я плюнул и сдался.

После ужина ко мне неожиданно зашел Артур Белсен. Он весь дрожал, но в этом не было ничего странного. Он вообще человек нервный, немного смахивает на птицу, и не требуется больших усилий, чтобы вывести его из равновесия.

– Я слышал, что камень в вашем саду оказался агатом, – сказал он мне. – Что вы собираетесь с ним делать?

– Ну, пока не знаю. Продам, наверное, если кто-нибудь захочет купить.

– Он может очень дорого стоить, – сказал Белсен. – Вы не должны оставлять его в саду просто так, без охраны. Кто-нибудь может его стащить.

– По-моему, я ничего здесь не могу поделаться, – сказал я. – Сдвинуть его с места я не в состоянии, а сидеть рядом с ним всю ночь – не собираюсь.

– А вам и не нужно сидеть с ним всю ночь, – сказал Белсен. – Я все устрою. Мы сможем окружить его проводами и подключить к ним сигнализацию.

Его слова не произвели на меня большого впечатления, и я постарался его разубедить, но он вцепился в эту идею как клещ. Он сходил в свой подвал и вернулся с мотком проводов и инструментами, и мы принялись за работу.

Мы провозились часов до одиннадцати, протягивая провода, и установили сигнальный звонок возле кухонной двери. Элен посмотрела на него без одобрения. Она не выносила беспорядка на кухне и не собиралась менять свои принципы из-за какого-то агата.

В середине ночи звонок выбросил меня из постели, и я долго соображал, в чем дело. Затем я вспомнил и бросился вниз по лестнице. На третьей ступеньке сверху я наступил на что-то скользкое и загремел вниз. Я упал ничком и наткнулся на лампу, которая свалилась и аккуратно ударила меня по голове. Оглушенный, я привалился к стулу.

Мраморный шарик, подумал я. Проклятый мальчишка опять расшвырял их по всему дому. Он уже вырос из этого возраста. Он у меня узнает, как бросать шарики на лестнице.

В ярком лунном свете, лющемся в окно, я увидел шарик. И он быстро полз – не катился, а полз! И было еще много таких шариков, бегающих по полу. Блестящих в лунном свете золотых шариков.

И это еще не все – в центре комнаты стоял холодильник!

Звонок продолжал громко звонить. Я поднялся, отшвырнул лампу и рванулся к кухонной двери. Элен что-то кричала за моей спиной, стоя на лестнице.

Я открыл дверь и побежал босиком вокруг дома по мокрой от росы траве.

Возле глыбы стояла изумленная собака. Она ухитрилась запутаться лапой в одном из дурацких проводов и теперь стояла на трех лапах, пытаясь освободиться.

Я заорал на нее, наклонился и стал шарить в траве, пытаясь отыскать что-нибудь, чтобы в нее бросить. Пес резко дернулся и освободился, потом побежал вверх по улице, болтая ушами.

Звонок за моей спиной смолк.

Я повернулся и поплелся к дому, чувствуя себя последним дураком.

Неожиданно я вспомнил, что видел стоящий посреди комнаты холодильник. Здесь что-то не так, подумал я. Он был на кухне, и никто его оттуда не вытаскивал. Не было никаких причин тащить его в комнату – его место на кухне. Никому бы и в голову не пришло его двигать, а если бы и пришло, то от шума проснулся бы весь дом.

Мне показалось, решил я. Этот камень и жуки довели меня до ручки, и мне уже стало мерещиться черт знает что.

Но мне не померещилось.

Холодильник стоял в центре комнаты. Штепсель был выдернут из розетки, шнур волочился по полу. Натекшая вода впиталась в ковер.

– Он мне погубит ковер! – завопила Элен, стоя в углу и глядя на заблудившийся холодильник. – И вся еда протухнет...

По ступенькам стал спускаться спотыкающийся полусонный Билли.

– Что случилось? – спросил он.

– Не знаю.

Я едва не рассказал ему о бегающих по дому жуках, но вовремя остановился. Не стоило еще больше раздражать Элен.

– Давайте поставим этот сундук на место, – предложил я насколько мог небрежно. – Втроем мы справимся.

Мы принялись толкать, пихать, сопеть и поднимать – и в конце концов водворили холодильник на место и включили в розетку. Элен отыскала несколько тряпок и стала осушать ковер.

– Был кто-нибудь у камня, пап? – спросил Билли.

– Собака, – ответил я. – И никого больше.

– Я с самого начала была против этой затеи, – объявила Элен, стоя на коленях и промакивая ковер тряпкой. – Сплошная глупость. Никто бы этот камень не украл. Его не так-то просто поднять и унести. Твой Артур Белсен просто псих.

– Тут я с тобой согласен, – уныло подтвердил я, – но он человек добросовестный и целеустремленный, и в голове у него одни механизмы...

– Теперь нам всю ночь не сомкнуть глаз, – сказала она. – Нам еще не раз придется вскакивать и выпутывать из проводов бродячих кошек и собак. И я не верю, что этот камень из агата. Почему я должна верить Томми Гендерсону?

– Томми разбирается в камнях, – сказал Билли, защищая своего приятеля. – Если он увидит агат, то ни с чем не спутает. У него дома этих агатов целая большая коробка из-под ботинок. И он их сам нашел.

И спорим-то мы о камне, подумал я, хотя больше всего нас должно волновать паразитное происшествие с холодильником.

И вдруг мне в голову пришла мысль – смутная, ускользающая, прилетевшая неизвестно откуда – и принялась вертеться у меня в мозгу.

Я отогнал ее, но она вернулась, впилась в меня и потрясла до глубины души.

Что, если между холодильником и жуками есть какая-то связь?

Элен поднялась с пола.

– Вот, – с вызовом произнесла она, – это все, что я смогла сделать. Надеюсь, ковер не испорчен.

Но жук, подумал я, жук не может сдвинуть холодильник. Ни один жук, ни тысяча. Более того, ни один жук не захочет этого делать. Жукам плевать, в кухне он стоит или в комнате.

Элен вела себя по-деловому. Она разложила мокрые тряпки сушиться, потом прошла в комнату и выключила в ней свет.

– Теперь можем идти в спальню, – сказала она. – Если повезет, то удастся немного поспать.

Я подошел к приколоченному возле кухонной двери звонку и выдрал из него провода.

– Вот теперь, – сказал я, – мы попробуем уснуть.

Если честно, то уснуть я не надеялся. Я решил, что так всю ночь и не усну, потому что буду думать о холодильнике. Но все-таки уснул, хотя и ненадолго.

В половине седьмого меня снова разбудил оркестр Белсена.

Элен села и зажала уши.

– Нет, только не это!

Я встал и закрыл окно. Стало немного потише.

– Накрой голову подушкой, – посоветовал я.

Я оделся и спустился вниз. Холодильник стоял на кухне, все как будто было в порядке. По кухне ползало несколько жуков, но они ничего не делали.

Я приготовил себе завтрак, потом пошел на работу. Уже второй день я приходил в контору спозаранку. Если так пойдет и дальше, сказал я себе, соседи непременно соберутся и сделают что-нибудь с Белсеном и его симфонией.

Дела шли хорошо. За утро я продал три страховых полиса и договорился о заключении четвертого.

Когда я вернулся в контору после обеда, меня уже поджидал какой-то тип с безумными глазами.

– Вы Марсден? – брякнул он. – Тот, у которого агатовая глыба.

– Так мне сказали, – ответил я.

Человек был невысок, одет в потрепанные брюки цвета хаки и грубые ботинки. На поясе висел геологический молоток – этакая штука с молотком на одном конце головки и острым отбойником на другом.

– Я услышал о нем, – сказал человек возбужденно и немного воинственно, – и не смог поверить. Таких больших агатов не бывает.

Мне не понравился его тон.

– Если вы пришли сюда спорить...

– Все нет, – сказал он. – Меня зовут Кристиан Барр. Как вы поняли, я геолог-любитель. Увлекаюсь этим делом всю жизнь. Имею большую коллекцию. Получаю призы почти на каждой выставке. И я подумал, что если у вас есть такой образец...

– И что?

– Короче, если у вас есть такой камень, я мог бы его купить. Но сначала мне надо на него взглянуть.

Я нахлобучил на макушку шляпу.

– Пошли.

Увидев камень, Барр закружил вокруг него. Казалось, он впал в транс. Он слюнявил палец и смачивал гладкие места. Он наклонялся и разглядывал его. Он его щупал. Он бормотал что-то себе под нос.

– Ну? – спросил я.

– Это агат, – сказал Барр, затаив дыхание. – Очевидно, цельный, одной глыбой. Посмотрите на эту неровную, пупырчатую поверхность – это обратный отпечаток вулканической полости, внутри которой он образовался. А здесь характерная крапчатость, которая тоже должна быть. И в тех местах, где поверхность надколота, видны раковинообразные трещины. И конечно, есть признаки ленточности.

Он отцепил от пояса молоток и слегка стукнул по глыбе. Она загудела, словно огромный колокол.

Барр застыл, у него отвисла челюсть.

– Он не должен так звучать, – объяснил он мне сразу, как только немного пришел в себя. – Звук такой, словно он внутри пуст.

Он стукнул снова. Глыба опять загудела.

– Агат – удивительный материал, – сказал он. – Он тверже самой лучшей стали. Вы могли бы сделать из него колокол, если бы только были в состоянии его обработать.

Он прицепил молоток к поясу и, пригнувшись, стал рассматривать глыбу со всех сторон.

– Возможно, это громовое яйцо, – пробормотал он. – Нет, не может быть. У громового яйца агат находится внутри, а не снаружи. И этот агат ленточный, а такие в громовых яйцах не встречаются.

– Что такое громовое яйцо? – спросил я.

Но он не ответил. Сидя на корточках, он разглядывал нижнюю часть глыбы.

– Марсден, сколько вы за него просите?

– Назовите сумму сами, – ответил я. – Понятия не имею, сколько он может стоить.

– Даю тысячу за такой, какой он есть.

– Не согласен, – сказал я. Не скажу, что этого было мало, но в принципе глупо соглашаться с первой же названной суммой.

– Не будь он пустой, – заметил Барр, – он стоил бы гораздо больше.

– Вы не можете точно знать, что он пустой.

– Вы же сами слышали, как он звучал.

– А может, он так и должен звучать.

Барр потряс головой.

– Здесь все неправильно, – пожаловался он. – Ленточные агаты не бывают такими большими. Ни один агат не бывает пустым. И вы даже не знаете, откуда он взялся.

Я не ответил ему. Незачем было.

– Посмотрите, – сказал он немного погодя, – в нем дыра. Здесь, возле дна.

Я согнулся и посмотрел туда, куда указывал его палец. Там была круглая аккуратная дырка не более полудюйма диаметром. И не просто пробитая, а с четкими краями, словно ее высверлили.

Барр пошарил вокруг, нашел прочную травинку и очистил ее от листьев. Она вошла в дыру фута на два.

Барр отклонился назад и замер, глядя на валун.

– Он пустой, это уж точно, – сказал он.

Я не обращал на него особого внимания, потому что меня понемногу начал прошибать пот еще от одной сумасшедшей мысли: «Эта дыра как раз такого диаметра, что через нее может пролезть один из тех жуков».

– Вот что я вам скажу, – произнес Барр. – Даю две тысячи и забираю прямо сейчас.

Я затряс головой, чтобы отделаться от того странного состояния, в котором связал воедино жуков и глыбу – ведь в глыбе была просверлена дыра по размерам жука. Я вспомнил, что почти так же связал воедино жуков и холодильник – хотя каждому должно быть очевидно, что жуки не могут иметь никакого отношения к холодильнику. Да и к глыбе.

Это не обычные жуки – ну, может, не совсем обычные, но все же жуки. Они задали задачу Добби, но сам же Добби первый скажет, что существует много неклассифицированных насекомых. Некоторые виды внезапно появляются неизвестно откуда и начинают процветать благодаря какому-то капризу экологии после многих лет тайного существования.

– Так вы говорите, что не возьмете две тысячи? – удивленно спросил Барр.

– Что? – спросил я, вернувшись на землю.

– Я только что предложил вам две тысячи за эту глыбу.

Я посмотрел на него долго и пристально. Он не был похож на человека, способного выбросить две тысячи ради хобби. Скорее всего, он сразу углядел стоящую вещь и хочет приобрести ее за бесценок. Ему хочется захватить эту глыбу раньше, чем я узнаю ее истинную стоимость.

– Мне хотелось бы подумать, – осторожно произнес я. – Если я соглашусь на ваше предложение, то как смогу с вами связаться?

Он грубовато мне объяснил и сразу попрощался. Его раздражало, что я не взял его две тысячи. Он протопал вокруг гаража. Немного позже я услышал, как он завел свою машину и уехал.

Я сидел на корточках и гадал, стоит ли соглашаться на две тысячи. Это большие деньги, и они мнегодились бы. Но слишком уж он разволновался и слишком жадно на нее смотрел.

Зато в одном я теперь был уверен. Я не должен оставлять глыбу в саду. Она слишком ценная вещь, чтобы бросать ее без присмотра. Каким-нибудь способом мне надо перетащить ее в гараж, где можно ее запереть. У Джорджа Монтгомери есть блок и тачка. Может, я смогу их одолжить и передвинуть глыбу.

Я направился к дому, чтобы сообщить Элен хорошие новости, хотя и был уверен, что она прочтет мне целую лекцию о том, чтобы я не продавал камень за две тысячи.

Она встретила меня у двери кухни, обняла за шею и поцеловала.

– Рэндолл, – проворковала она, – это просто чудесно.

– Согласен, – ответил я, недоумевая, как она смогла обо всем узнать.

– Ты только посмотри на них! – воскликнула она. – Жуки чистят дом!

– Что они делают?! – рявкнул я.

– Пойди и посмотри, – настаивала она. – Видел ли ты когда-нибудь такое? Все просто сверкает!

Я поплелся за ней и, остановившись на пороге комнаты, с удивлением, граничащим с ужасом, уставился на происходящее.

Они работали целыми батальонами и очень целеустремленно. Одна группа обрабатывала спинку кресла, взбираясь по ней вверх четырьмя рядами. Зрелище было потрясающее: верхняя часть спинки была пыльной и тусклой, а нижняя – как новенькая.

Другая компания очищала от пыли стол, еще одна трудилась в углу над плинтусом, а небольшая армия наводила блеск на телевизор.

– Они вычистили весь ковер! – взвизгнула от восторга Элен. – В этом углу уже нет ни пылинки, а некоторые уже забрались в камин. Нору я не могла заставить даже притронуться к камину. А теперь мне не нужна Нора. Рэндолл, ты понимаешь, что эти жуки будут экономить нам двадцать долларов в неделю, которые мы платили Норе? Ты не будешь против, если я стану брать себе эти двадцать долларов? Мне так много нужно всего купить. У меня уже тысячу лет не было нового платья, мне нужна еще одна шляпка. А на днях я видела такие прелестные туфельки...

– Но жуки! – рявкнул я. – Ты же боишься жуков. Ты их терпеть не можешь. И к тому же жуки не чистят ковров. Они их жрут.

– Эти жуки хорошенькие, – запротестовала Элен. – И я их не боюсь. Это совсем не то, что муравьи или пауки. От них мурашки по спине не поползут. Они такие чистенькие, такие опрятные. Просто прелесть. Мне так нравится смотреть, как они работают. Собираются в такие симпатичные кучки и работают. Совсем как пылесос. Там, где они проползут, и пыль и грязь пропадают.

Я стоял, смотрел, как они усердно трудятся, и чувствовал, как по моей спине сверху вниз проводят ледяным пальцем. Потому что теперь я знал – не важно, насколько это противоречит здравому смыслу: все, что я думал о холодильнике и глыбе, не было и наполовину так глупо, как могло показаться.

– Я пойду позвоню Эми, – сказала Элен, направляясь на кухню. – Разве можно скрывать такое необыкновенное событие? Быть может, мы и ей дадим несколько жуков? Как ты считаешь, Рэндолл? Немного для начала, чтобы они потом у нее развелись.

– Эй, подожди-ка, – окликнул я ее. – Это не жуки.

– А мне все равно, кто они такие, – небрежно отозвалась Элен, набирая номер Эми, – если они умеют чистить дом.

– Но, Элен, если ты меня слушаешь...

– Ш-ш-ш, – игриво произнесла она, – как я смогу разговаривать с Эми, если ты... О, алло! Эми, это ты?..

Я понял, что все мои увещевания безнадежны, признал свое полное поражение и ушел.

Я направился в гараж, намереваясь расчистить в нем место для глыбы.

Дверь в гараж была распахнута. Внутри оказался Билли, который усердно трудился за верстаком.

– Привет, – произнес я насколько мог беззаботно. – Что ты тут мастеришь?

– Делаю ловушки для жуков, пап. Хочу поймать несколько из тех, что чистят дом. Томми – мой компаньон. Он пошел домой за приманкой.

– Приманкой?

– Ну да. Мы обнаружили, что им нравятся агаты.

Я протянул руку и ухватился за дверной косяк, чтобы не упасть. События стали развиваться слишком быстро, и я не успевал с ними освоиться.

– Мы испытали ловушки в подвале, – сказал Билли. – Перепробовали кучу приманок. Пробовали ловить на сыр, на яблоки, на дохлых мух и кучу всякой всячины, но жуки на них и не посмотрели. У Томми был в кармане агат, маленький такой кусочек. И мы попробовали ловить на него.

– Но почему агат, сынок? Самая что ни на есть неподходящая...

– Видишь ли, дело было так. Мы перепробовали все...

– Да, – сказал я. – Теперь я понял вашу логику.

– Беда в том, – сказал Билли, – что ловушки приходится делать из пластика. Это единственное, что их удерживает. В любом другом материале они тут же проделывают дырку.

– Погоди-ка, – перебил я его. – Когда вы наловите жуков, то что собираетесь с ними делать?

– Продавать, конечно, – сказал Билли. – Мы с Томми решили, что они всем будут нужны. Как только люди узнают, что они умеют чистить дом, все захотят их иметь. Мы думаем продавать полдюжины за пять долларов. Это куда дешевле пылесоса.

– Но разве могут шесть жуков...

– Они размножаются. Они должны очень быстро размножиться. День или два назад их было всего несколько штук, а теперь дом ими просто кишит.

Билли снова занялся ловушкой. Повозившись немного, он спросил:

– Может, ты хочешь войти в долю? Нам нужно немного денег. Надо купить еще пластика, чтобы наделать ловушек побольше и получше. Мы сможем на этом хорошо заработать.

– Послушай, сынок, ты уже продал кому-нибудь жуков?

– Знаешь, мы пробовали, но нам никто не поверил. Поэтому мы решили подождать, пока мама не растрезвонит о них на всю округу.

– А что вы сделали с пойманными?

– Отнесли доктору Уэллсу. Я вспомнил, что ему хотелось получить несколько штук. Ему мы их дали бесплатно.

– Билли, я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделал.

– Конечно. Что?

– Не продавай ни одного жука. По крайней мере сейчас. Пока я не разрешу.

– Но послушай, пап...

– Мне кажется... Я думаю, что эти жуки не с Земли.

– Похоже на то. Мы с Томми тоже так решили.

– Что?

– Дело вот как было. Сначала мы решили продавать их просто так, потому что они очень интересные на вид. Это было еще до того, как мы узнали, что они могут чистить дома. Мы подумали, что кто-нибудь захочет их купить, потому что они не слишком похожи на обычных жуков, и мы решили их как-нибудь назвать – чтобы лучше брали. И Томми сказал, что неплохо бы назвать их инопланетными жуками, например марсианскими или еще как-нибудь. И тут мы задумались, и чем больше думали, тем больше нам казалось, что они и в самом деле с Марса. Они же не насекомые и, насколько мы поняли, не что-либо другое. Они не похожи ни на что на Земле...

– Хорошо, – сказал я. – Хватит!

Таковы современные дети. С ними невозможно держаться на равных. Стоит решить, что все продумано и сделано, как появляются они и переворачивают все вверх ногами. И так все время.

– Сдается мне, – сказал я, – что когда вы все это придумывали, то заодно сообразили, как они могли к нам попасть.

– Мы не беремся утверждать, но у нас есть теория. Эта глыба в саду... мы нашли в ней дырку как раз размером с жука. Поэтому нам пришлось в голову, что они вылезли оттуда.

– Ты мне не поверишь, сынок, – сказал я, – но я думаю точно так же. Но я никак не могу понять, какой энергией они пользовались. Что заставляло глыбу двигаться?

– Ну, пап, этого и мы не знаем. Но есть еще кое-что. Они могли питаться этой глыбой, пока летели. Скорее всего, поначалу их было только несколько штук. Они залезли в глыбу, это была их еда, ее могло хватить на несколько лет. И вот они ели агат, проели в нем пустоту, и он смог лететь быстрее. Ну, если и не быстрее, то двигать его стало немножко легче. Но они были очень осторожны и не проели в нем ни одной сквозной дыры, пока не приземлились и не пришлось время вылезать.

– Но агат же просто камень...

– Ты плохо слушал, пап, – нетерпеливо произнес Билли. – Я ведь тебе говорил, что агат – единственная приманка, которая их привлекает.

– Рэндолл, – сказала Элен, направляясь по дорожке к гаражу. – Если ты не возражаешь, я хотела бы взять машину и съездить к Эми. Она хочет, чтобы я ей все рассказала про этих жуков.

– Езжай, – согласился я. – Как ни крути, все равно день пропал. Я могу остаться дома.

Машина выехала из гаража и направилась к шоссе, а я сказал Билли:

– Отложи-ка все, пока я не вернусь.

– А ты куда?

– Хочу повидаться с Добби.

Я нашел Добби развалившимся на скамейке под яблоней. Лицо у него прямо-таки перекопилось от раздумий, но это не помешало ему болтать.

– Рэндолл, – сказал он, едва заметив меня, – у меня сегодня день печали. Всю свою жизнь я гордился, что профессионально точен в выбранной мною области науки. Но сегодня я не сдержался и сознательно, намеренно нарушил каждый из принципов экспериментального наблюдения и лабораторной техники.

– Ужасно, – сказал я, не понимая, что он имеет в виду. Впрочем, в этом не было ничего необычного. Говоря с ним, частенько приходилось задумываться о том, куда он клонит.

– Это все ваши чертовы жуки! – выпалил он.

– Вы хотели иметь несколько штук. Билли вспомнил и принес их вам.

– Я тоже о них помнил. Мне хотелось продолжить их изучение. Вскрыть одного из них и посмотреть, как он устроен. Возможно, вы помните, что я упоминал о твердости их панцирей?

– Да, конечно, помню.

– Рэндолл, – печально произнес Добби, – поверите ли вы мне, что этот панцирь оказался настолько твердым, что я не смог с ним справиться? Я не смог его разрезать и не смог проколоть. И знаете, что я тогда сделал?

– Понятия не имею, – объявил я несколько раздраженно. Я надеялся, что он быстро доберется до сути, но торопить его было бесполезно. Предоставленное ему время он всегда использовал полностью.

– Ну так я вам скажу! – вскипел Добби. – Я взял одного из этих мерзавцев и положил на наковальню. Затем я взял молоток – и отвел душу. Скажу вам честно, я не горжусь тем, что сделал. Это во всех отношениях наиболее неподходящий лабораторный прием.

– Меня это мало волнует, – сказал я. – Могли бы просто упомянуть об этом как о необычном обстоятельстве. Важно, как мне кажется, то, что вы узнали о жуке... – Тут мне в голову пришла страшная мысль. – Только не говорите, что молоток его не взял!

– Как раз наоборот, – отметил Добби с некоторым удовлетворением. – Он прекрасно сработал. Разнес его в порошок.

Я уселся на скамейку рядом с ним и приготовился ждать. Я знал, что он мне все расскажет – дай только время.

– Удивительная вещь, – молвил Добби. – Да, удивительнейшая. Жук состоял из кристаллов – или еще из чего-то, что выглядело как чистейший кварц. В нем не было протоплазмы. Или по крайней мере, – рассудительно отметил он, – я ее не нашел.

– Кристаллический жук! Но это невозможно!

– Невозможно, – согласился Добби. – Конечно, по всем земным стандартам. Это противоречит всему тому, что мы знаем. Но возникает вопрос: могут ли наши земные стандарты хотя бы в некоторой степени быть универсальными?

Я сидел, молчал и чувствовал большое облегчение оттого, что кто-то еще думает так же, как я. Это доказывало, хотя и неопределенно, что я еще не свихнулся.

– Конечно, – сказал Добби, – подобное должно было когда-нибудь случиться. Рано или поздно какой-нибудь инопланетный разум нас бы отыскал. И, зная это, мы воображали чудовищ и всякие ужасы, но у нас не хватило фантазии представить себе истинную степень ужа...

– Пока нет никаких причин, – резко произнес я, – опасаться этих жуков. Они могут оказаться полезными союзниками. Даже сейчас они с нами сотрудничают. Похоже, они предлагают своего рода сделку. Мы предоставляем им место для обитания, а они, в свою очередь...

– Вы ошибаетесь, Рэндолл, – с важным видом предостерег меня Добби. – Это чужаки. И не пытайтесь даже на секунду поверить в то, что у них с людьми могут быть хоть какие-то общие цели. Их жизненные процессы, какими бы они ни были, совершенно не схожи с нашими.

Такова же должна быть и их точка зрения. По сравнению с ними даже паука можно назвать вашим кровным братом.

– Но у нас в доме были муравьи и осы, и они прогнали их.

– Может, они их и прогнали. Но это не было, я уверен, проявлением доброй воли. С их стороны это не было попыткой сблизиться с человеком, на чьей планете им случилось найти прибежище, или разбить лагерь, или захватить плацдарм – называйте это как хотите. Я сильно сомневаюсь, что они вообще осознают ваше присутствие, разве что вы им кажетесь таинственным и непонятым чудовищем, которым пока нет времени заняться. Да, они убили насекомых, но для них это было действие, совершенное на уровне, сходном с их собственным. Насекомые могли просто путаться у них под ногами, или они увидели в них возможную угрозу или помеху.

– Но даже если так, мы все равно можем использовать их, – нетерпеливо сказал я, – чтобы контролировать численность насекомых-паразитов или переносчиков инфекции.

– А можем ли? Что заставило вас так подумать? Ведь это будут не только паразиты, а все насекомые вообще. Согласитесь ли вы лишиться растения тех, кто их опыляет?

– Возможно, вы и правы, – согласился я. – Но не станете же вы утверждать, что нам следует бояться жуков, пусть даже кристаллических? Даже если они и станут опасны, мы сможем найти способ справиться с ними.

– Я сидел тут, думал и пытался во всем разобраться, – сказал Добби, – и мне пришло в голову, что здесь мы, возможно, имеем дело с социальной концепцией, которую еще не встречали на своей планете. Я убежден, что жуки обязательно должны действовать по принципу коллективного разума. Мы имеем дело не с каждым поодиночке и не со всем их числом, а с неким целым, неким единым разумом и единым выражением целей и средств.

– Если вы действительно считаете их опасными, то что же нам делать?

– У меня есть наковальня и молоток.

– Бросьте шутить, Добби.

– Вы правы. Это не предмет для шуток и даже для молотка с наковальней. Мое лучшее предложение заключается в том, что всю округу следует эвакуировать и сбросить сюда атомную бомбу.

Я увидел, что по дорожке сломя голову несетя Билли.

– Папа! – вопил он. – Папа!

– Успокойся, – сказал я, сжав его руку. – В чем дело?

– Кто-то ломает мебель, – выпалил Билли, – и потом выбрасывает ее на улицу.

– Постой, ты в этом уверен?

– Сам видел! – вопил Билли. – Боже, что мама скажет?!

Я не стал мешкать и со всех ног помчался к дому. За мной по пятам топал Билли, замыкал цепочку Добби, бакенбарды которого тряслись, как козлиная борода.

Дверь в кухню была открыта, словно кто-то распахнул ее пинком, а на улице возле ступенек валялась куча мятой ткани и обломков разломанных стульев.

Я взлетел на крыльцо одним прыжком. Но, оказавшись у двери, я увидел летящую в меня кучу обломков и отскочил в сторону. Сплющенное и искореженное кресло, кувыркаясь, вылетело в дверь и приземлилось на кучу хлама.

К этому моменту я успел хорошо разозлиться. Я наклонился и выудил из кучи ножку стула. Ухватив ее покрепче, я бросился через кухню в комнату. Дубинку я уже держал наготове, словно видел того, на кого хотел ее обрушить.

Но в комнате никого не было. Холодильник снова стоял в центре, а вокруг него громоздилась куча кастрюль и сковородок. Из нее под дикими углами торчали пружины от бывшего кресла, а по ковру были рассыпаны болты, гайки, гвозди и несколько кусков проволоки.

Я услышал за спиной странное потрескивание и быстро обернулся на звук.

В углу медленно, умело и любовно разбиралось на части мое любимое кресло. Обивочные гвозди плавно вылезали из своих гнезд и падали на пол, тихонько позвякивая. Пока я смотрел, на пол упал болт, у кресла отвалилась ножка, и оно опрокинулось. Гвозди продолжали вылезать.

Наблюдая эту картину, я почувствовал, как моя ярость медленно испаряется, а ее место занимает страх. Я похолодел, по спине пробежали мурашки.

Я начал потихоньку выбираться на улицу. Я не решился повернуться спиной к комнате, поэтому аккуратно пятился, держа дубинку наготове.

Наткнувшись на что-то, я взвизгнул, резко обернулся и замахнулся ножкой стула.

Это был Добби. Я вовремя остановил руку.

– Рэндолл, – спокойно сказал Добби, – это снова ваши жуки.

Он указал на потолок. Я поднял голову. Потолок был покрыт сплошным слоем золотистых спинок.

Увидев их, я успокоился и снова стал понемногу злиться. Я замахнулся и уже собрался бросить дубинку в потолок, когда Добби схватил меня за руку.

– Не надо их трогать! – крикнул он. – Откуда мы знаем, что они в ответ сделают?

Я попытался вырвать руку, но он повис на ней и не отпускал.

– Мое продуманное мнение таково, – произнес он, продолжая удерживать меня, – что ситуация зашла слишком далеко, чтобы с ней справилось частное лицо.

Я сдался. Было несolidно пытаться вырвать руку из цепких пальцев Добби, к тому же я стал соображать, что дубинка – неподходящее оружие для борьбы с жуками.

– Может быть, вы и правы, – сказал я.

Я заметил, что в дверь подглядывает Билли.

– Уходи отсюда! – рявкнул я. – Ты сейчас на линии огня. Они почти покончили с креслом и сейчас выбросят его через дверь.

Билли исчез.

Я пошел на кухню и порылся в выдвижном ящике стола, пока не отыскал телефонную книгу, потом позвонил в полицию.

– Сержант Эндрюс слушает, – раздалось в трубке.

– Выслушайте меня внимательно, сержант. У меня здесь жуки...

– А у меня их разве нет? – весело спросил сержант.

– Сержант, – повторил я, стараясь говорить как можно рассудительней. – Я знаю, что это звучит смешно. Но это особый вид жуков. Они ломают мою мебель и выбрасывают ее на улицу.

– Вот что я тебе скажу, – все еще весело отозвался сержант. – Ложись-ка ты в постельку и постарайся проспаться. Если ты этого не сделаешь, мне придется засадить тебя в участок.

– Сержант, – сказал я. – Я совершенно трезв.

В трубке раздался шелчок. Телефон смолк. Я позвонил снова.

– Сержант Эндрюс.

– Вы только что повесили трубку! – заорал я. – Что вы хотели этим показать? Я трезвый, законопослушный, платящий налоги гражданин и прошу защиты. Даже если вы со мной не согласны, то хотя бы ведите себя вежливо. И если я говорю, что у меня жуки...

– Ладно, – устало произнес сержант, – ты сам напросился. Имя и адрес.

Я сказал.

– И еще, мистер Марсен.

– Что еще?

– Хорошо, если у вас действительно окажутся эти жуки. Для вашей же пользы. Не дай бог, если их не будет.

Я швырнул трубку и обернулся. В кухню ворвался Добби.

– Посмотрите! Летит! – крикнул он.

Мое любимое кресло – вернее, то, что от него осталось, – со свистом пронеслось мимо меня, ударилось о дверь и там застряло. Оно сильно задержалось, высвободилось и плюхнулось на кучу мусора на улице.

– Изумительно, – пробормотал Добби. – Просто изумительно. Но это многое объясняет.

– Так расскажите мне, что именно это объясняет! – гаркнул я.

Мне уже осточертело его бормотание.

– Телекинез, – произнес Добби.

– Теле... что?

– Ну, возможно, всего лишь телепортация, – робко уточнил Добби. – Это способность перемещать предметы усилием мысли.

– И вы считаете, что эта самая телепортация подтверждает вашу теорию коллективного разума?

Добби взглянул на меня с некоторым удивлением.

– Именно это я и имел в виду.

– Чего я не пойму, – отозвался я, – так только того, зачем они это делают?

– И не поймете, – сказал Добби. – Никто от вас этого и не ждет. Потому что никто не может претендовать на понимание мотивов чужого разума. Создается впечатление, что они собирают металл, и не исключено, что именно этим они и занимаются. Но этот голый факт мало о чем говорит. Истинное понимание их мотивов...

С улицы донесся вой полицейской сирены.

– Прибыли, – сказал я и бросился к двери.

Полицейская машина остановилась у кромки тротуара. Из нее вылезли двое.

– Вы Марсен? – спросил один из них.

Я сказал, что да.

– Странно, – отозвался второй. – Сержант говорил, что тот мужик надрался.

– Послушайте, – сказал первый, разглядывая кучу обломков возле кухонной двери, – что здесь происходит?

Через дверь вылетели две ножки от стула.

– Кто это там расшвырялся? – осведомился второй.

– Жуки, – ответил я. – Там только жуки и Добби. Думаю, он все еще там.

– Пошли, повяжем этого Добби, пока он не разнес всю хибару, – сказал первый.

Я остался на улице. Не было смысла заходить в дом вместе с ними. Они лишь задали бы кучу глупых вопросов, многие из которых я хотел бы задать сам.

Начала собираться небольшая толпа. Билли привел нескольких своих приятелей, а соседские женщины забегали от дома к дому, кудахча, как перепуганные наседки. Остановилось несколько машин, и их пассажиры присоединились к зевакам.

Я вышел на улицу и присел на бордюр.

Теперь, подумал я, все немного прояснилось. Если Добби оказался прав насчет телепортации – а все факты говорят об этом, – то глыба могла быть кораблем, на котором жуки прилетели на Землю. Если они могут ломать мебель и выбрасывать ее на улицу, то они в состоянии тем же манером передвигать в пространстве что угодно. И не только эту глыбу.

Билли с его пытливым мальчишеским умом смог, как видно, угадать и другое – они выбрали эту глыбу, потому что она служила им пищей.

Недоумевающие полисмены вышли из дома и остановились возле меня.

– Скажите, мистер, у вас есть хоть какая-то идея насчет того, что происходит? – спросил один из них.

Я покачал головой:

– Поговорите с Добби. Он все расскажет.

– Он говорит, что эти жуки с Марса.

– Не с Марса, – возразил второй. – Это ты говорил, что они могут быть с Марса. Он сказал «со звезд».

– Этот старый чудака очень странно разговаривает, – пожаловался первый. – Он так много сразу говорит, что не успеваешь переваривать.

– Джейк, – сказал второй, – надо бы что-то сделать с толпой. Нельзя, чтобы они стояли так близко.

– Я вызову по радиации подмогу, – сказал Джейк.

Он подошел к полицейской машине и залез в нее.

– А вы будьте поблизости, – сказал второй.

– Я никуда не собираюсь уходить.

К этому времени собралась уже порядочная толпа. Остановилось еще несколько машин, некоторые пассажиры повывлезали, но большинство сидели внутри и смотрели. Набежала целая куча мальчишек, а женщины все шли и шли – наверное, даже те, кто жил за несколько кварталов от нас. В нашем районе новости разлетаются быстро.

Через двор легкой походкой прошел Добби. Он сел рядом со мной и принялся теревить бакенбарды.

– Глупо все это, – сказал он. – Да по-другому и быть не могло.

– Я никак не пойму, – отозвался я, – зачем они чистили дом? Зачем им нужно было, чтобы все заблестело, прежде чем они начали собирать металл? Должна же быть какая-то причина.

По улице промчалась машина и остановилась рядом с нами. Из нее выскочила Элен.

– Стоит мне отлучиться на минуту, – заявила она, – как обязательно что-нибудь да произойдет.

– Это твои жуки, – сказал я. – Твои миленькие жучки, которые так хорошо вычистили весь дом. Теперь они его дочищают.

– Почему же ты их не остановишь?

– Потому что не знаю как.

– Это инопланетяне, – спокойно сказал Добби. – Они прилетели откуда-то из космоса.

– Добби Уэллс, не лезьте не в свое дело! Все это из-за вас. Это вы заинтересовали Билли насекомыми! Все лето в доме был сплошной кавардак!

По улице мчался человек. Подбежав ко мне, он вцепился в мою руку. Это был Барр, геолог-любитель.

– Марсен, – возбужденно произнес он. – Я передумал. Я дам вам пять тысяч за этот камень. И чек выпишу прямо сейчас.

– Какой камень? – спросила Элен. – Глыба, что лежит в саду?

– Она самая, – подтвердил Барр. – Я должен ее иметь.

– Продай ее, – сказала Элен.

– Не продам, – ответил я.

– Рэндолл Марсен! – завопила она. – Ты не можешь вот так взять и плюнуть на пять тысяч! Ты только подумай, сколько можно...

– Я не могу ее продать за бесценок, – твердо ответил я. – Она стоит гораздо дороже. Теперь это не просто глыба агата. Это первый космический корабль, прилетевший на Землю. Я могу получить за него любую сумму.

Элен ахнула.

– Добби, – чуть слышно произнесла она, – он правду говорит?

– Думаю, – ответил Добби, – что на этот раз он прав.

Мы встали.

– Леди, – сказал полисмен Элен, – перегоните машину в другое место. А вы перейдите улицу, – велел он нам с Добби. – Как только приедут остальные, мы оцепим ваш дом.

Мы зашагали через улицу.

– Леди, – повторил полицейский, – отгоните машину.

– Если хотите остаться вместе, – предложил Добби, – то я отведу машину в сторону.

Элен дала ему ключи, и мы вдвоем перешли через дорогу. Добби сел в машину и уехал.

Другим машинам полисмены тоже велели уехать.

Подъехало несколько полицейских машин. Из них выскочили люди: одни стали оттеснять толпу, другие начали окружать дом. Время от времени из дверей кухни продолжали вылетать обломки мебели, постельное белье, одежда, занавески. Куча росла на глазах.

Мы стояли на противоположной стороне улицы и смотрели, как разрушается наш дом.

– Скоро они должны закончить, – сказал я со странной отрешенностью. – Интересно, что будет дальше?

– Рэндолл, – со слезами произнесла Элен, – что нам теперь делать? Они испортили все мои вещи. А они... это все застраховано?

– Откуда я знаю? Никогда об этом не думал.

В том-то и дело – такое никогда не приходило мне в голову. И кому – страховому агенту!

Я сам выписывал полис и теперь отчаянно пытался вспомнить, что там было напечатано мелким шрифтом. Мне стало не по себе. Ну как, спросил я себя, как можно было подобное предвидеть?

– В любом случае, – сказал я, – у нас есть кое-какие вещи. Мы сможем их продать.

– Мне кажется, тебе стоит согласиться на пять тысяч. Что, если приедет кто-нибудь из властей и увезет камень?

А ведь она права, подумал я. Это один из тех случаев, которые могут весьма заинтересовать власти.

Я принялся раздумывать, стоит ли соглашаться на пять тысяч.

Трое полицейских пересекли двор, вошли в дом и почти сразу выскочили обратно. Следом за ними вылетел золотой рой. Жуки гудели, жужжали и летели так быстро, что, казалось, следом за ними в воздухе остаются золотистые полоски. Полицейские бежали зигзагом, спотыкаясь, ругаясь и размахивая руками над головами.

Толпа подалась назад и начала разбегаться. Полицейский кордон разорвался и удалился, пытаясь сохранить достоинство.

Я опомнился за соседским домом по ту сторону улицы и обнаружил, что продолжаю мертвой хваткой сжимать руку Элен. Она была зла, как оса.

– Незачем было меня так быстро волочить, – сказала она. – Сама бы добежала. Из-за тебя я потеряла туфли.

– Да наплюй ты на туфли, – резко ответил я. – Дело становится серьезным. Пойди отыщи Билли и уходите отсюда. Поезжайте к Эми.

– Ты знаешь, где Билли?

– Где-то здесь. Со своими приятелями. Походи поищи ребят.

– А ты?

– Я останусь.

– Ты будешь осторожен, Рэндолл?

Я сжал ее плечо и поцеловал:

– Я буду осторожен. Ты ведь знаешь, какой из меня храбрец. А теперь иди и отыщи мальчишку.

Она ушла, затем вернулась:

– А мы вообще вернемся домой?

– Думаю, что да, – ответил я. – И скоро. Кто-нибудь придумает, как их выгнать.

Я смотрел ей вслед, и ложь, произнесенная вслух, заставила меня похолодеть.

Вернемся ли мы в свой дом, если рассуждать честно? И вернется ли весь мир, все человечество в свой дом? Не отнимут ли золотые жуки тот комфорт и уютную безопасность, которыми человек веками единолично обладал на своей планете?

Я отыскал туфли Элен и сунул их в карман. Затем вернулся за дом и выглянул из-за угла.

Жуки больше никого не преследовали, а, образовав сверкающее кольцо, медленно кружились вокруг и чуть повыше дома. Было ясно, что это их патруль.

Я нырнул обратно за дом и сел на траву, прислонившись спиной к стене. Стоял теплый летний день, небо было чистое и голубое. В такие дни хорошо косить газон перед домом.

Слюнявый страх, подумал я, каким бы постыдным он ни был, можно понять и прогнать. Но холодную уверенность, с какой золотые жуки шли к своей цели, ту самозамкнутую зловещую эффективность их действий понять было гораздо труднее.

И их безличная отрешенность, их полное пренебрежение к нам наполняли душу ледяным страхом.

Я услышал шаги, поднял глаза и вздрогнул.

Передо мной стоял Артур Белсен. Он был печален.

В этом не было ничего необычного. Белсен мог расстроиться из-за любого пустяка.

– Я вас повсюду ищу, – быстро заговорил он. – Я только что встретил Добби, и он мне рассказал, что эти ваши жуки...

– Это не мои жуки, – резко возразил я. – Мне уже осточертело, что все считают их моими, словно я в ответе за то, что они явились на Землю.

– Ну, в общем, он сказал мне, что им нужен металл.

Я кивнул.

– За этим они и явились. Быть может, для них это большая ценность. Наверное, там, откуда они явились, его не очень много.

И я подумал об агатовой глыбе. Будь у них металл, наверняка они не воспользовались бы камнем.

– Я с таким трудом добрался до дома, – пожаловался Белсен. – Думал, что пожар. Несколько кварталов вокруг забито машинами, да еще огромная толпа. Еле пробился.

– Садитесь, – сказал я ему. – Бросьте терзаться.

Но он не обратил на мои слова внимания.

– У меня очень много металла, – сказал он. – Все эти машины в подвале. Я вложил в них много труда, времени и денег и не могу допустить, чтобы с ними что-то случилось. Как вы считаете, жуки будут расползаться?

– Расползаться?

– Ну да. Знаете, когда они покончат со всем, что есть в вашем доме, они могут начать перебираться в другие.

– Об этом я не подумал. Кажется, такое возможно.

Я сидел и думал о том, что он сказал, и представлял, как они захватывают дом за домом, вышвыривают весь металл, складывают его в одну большую кучу, которая покрывает целый квартал, а наконец и город.

– Добби сказал, что они кристаллические. Не странно ли, что есть такие жуки?

Я промолчал. В конце концов, он разговаривал сам с собой.

– Но кристалл не может быть живым, – запротестовал Белсен. – Кристалл – это вещество, из которого что-то делают. Радиолампы и все прочее. В нем нет жизни.

– Не старайтесь переубедить меня, – отозвался я. – Если они и кристаллические, то тут я не в состоянии ничего изменить.

Мне показалось, что на улице поднялась какая-то суета. Я встал и выглянул из-за угла.

Поначалу я ничего не заметил. Все выглядело мирно. По улице возбужденно пробегали один или двое полицейских, но ничего вроде бы не происходило. Все было по-старому.

Затем от одной из полицейских машин, стоявших возле тротуара, медленно и почти величественно отделилась дверь и поплыла к открытой кухонной двери. Долетев до нее, она аккуратно развернулась влево и исчезла внутри.

Затем в воздухе промелькнуло автомобильное зеркальце. За ним последовала сирена. Оба предмета исчезли в доме.

Боже, сказал я себе, жуки взялись за машины!

Теперь я заметил, что у некоторых машин недостает капота и крыльев, а у других – дверей.

Теперь жуки нашли себе золотое дно, подумал я. Они не остановятся, пока не разденут машины до колес.

И еще я подумал, ощущая какую-то странную радость, что в доме просто не хватит места, чтобы запихать в него все разломанные машины. Интересно, что они станут делать, когда заполнят весь дом?

Пока я смотрел, через улицу в сторону дома бросились несколько полицейских. Они успели достичь лужайки, когда их заметил жучиный патруль и, со свистом описав дугу, помчался им навстречу.

Полицейские убежали сломя голову. Патруль, сделав свое дело, снова закружил вокруг дома. В дверь опять принялись влетать крылья, дверцы, антенны, подфарники и другие предметы.

Откуда-то прибежала собака и стала пересекать лужайку, помахивая хвостом.

От патруля отделилась небольшая группа и помчалась к ней.

Собака, напуганная свистом приближающихся жуков, повернулась, собираясь убежать.

Но не успела.

Послышался глухой звук, словно в нее попали пули. Собака высоко подпрыгнула и упала на спину.

Жуки снова взмыли в воздух. В их рядах потерь не было.

Собака лежала, подергиваясь, на траву лилась кровь.

Я резко отпрянул за угол. Меня мутило, я согнулся, с трудом сдерживаясь.

Наконец мне это удалось, и спазмы в желудке прекратились. Я выглянул из-за угла.

Все снова выглядело мирно. На лужайке валялась мертвая собака. Жуки разламывали автомобили. Все полицейские куда-то пропали. И вообще никого не было видно. Даже Белсен куда-то делся.

Теперь все изменилось, сказал я себе. Из-за собаки.

До сих пор жуки были лишь загадкой; теперь они стали смертельной опасностью. Каждый из них был разумной винтовочной пулей.

Я вспомнил то, что всего лишь час назад сказал мне Добби. Всех эвакуировать, а затем сбросить атомную бомбу.

Дойдет ли дело до такого, подумал я. Неужели опасность настолько велика?

Никто пока еще так не думал, но со временем станет. Это всего лишь начало. Сегодня город встревожен и действует полиция; завтра губернатор может прислать солдат. Затем наступит черед федерального правительства. И к тому времени решение, предложенное Добби, станет единственным.

Пока еще жуки не расплозились. Но страх Белсена имел под собой основание – со временем они распространятся, расширяя плацдарм, захватывая квартал за кварталом, как только их станет больше. Билли был прав, когда говорил, что они размножаются быстро.

Я попытался представить, каким способом они могут размножаться, но так ничего и не придумал.

Конечно, сперва правительство попытается установить с ними контакт, наладить какую-нибудь связь – возможно, не с самими жуками, а, скорее всего, с их коллективным разумом, как предположил Добби.

Но можно ли установить контакт с такими существами? На каком интеллектуальном уровне пытаться это сделать? И какова может быть польза, даже если попытка удастся? Где искать основу для взаимопонимания между этими существами и людьми? Это была, конечно, не моя проблема, но, размышляя над ней, я увидел смертельную опасность: кто-то из людей, обладающих политической властью, кто бы он ни был, в поисках объективности может промедлить слишком долго.

Должен существовать способ остановить жуков; должен быть и способ контроля над ними. Прежде чем пытаться установить контакт, нам необходимо их сдержать.

И я вспомнил, как Билли говорил мне, что пойманного жука может удержать только пластиковая ловушка.

Я попытался догадаться, как он смог это узнать. Наверное, просто путем проб и ошибок. В конце концов, они с Томми Гендерсоном перепробовали разные ловушки. Пластик мог быть решением проблемы, над которой я думал. Но лишь в том случае, если мы начнем действовать раньше, чем они расплзутся.

Но почему пластик? – подумал я. Какой из содержащихся в нем элементов не дает им вырваться, когда они попадают в ловушку? Какой-то фактор, который мы, возможно, и обнаружим при длительном и осторожном исследовании. Но сейчас это не важно; главное, что мы знаем, что пластик подходит.

Я постоял немного, обдумывая эту проблему и куда с ней направиться.

Я мог, конечно, пойти в полицию, но у меня было предчувствие, что там я не многого добьюсь. То же самое наверняка относится и к городским властям. Возможно, они и выслушают меня, но им захочется все обсудить, собрать совещание, выслушать мнение какого-нибудь эксперта, прежде чем они станут что-либо предпринимать. А о том, чтобы обратиться к правительству в Вашингтон, сейчас нечего было и думать.

Беда в том, что пока еще никто не был серьезно напуган. Чтобы люди стали действовать быстро, как только могут, их надо грубо напугать – а у меня для этого было куда больше времени, чем у остальных.

И тут я подумал о другом человеке, который был напуган не меньше, чем я.

Белсен.

Белсен мне поможет. Он здорово перепугался.

Он инженер и наверняка сможет сказать, принесет ли пользу то, что я задумал. Он сможет рассчитать все действия. Он знает, где достать нужный нам пластик и определить самый подходящий тип. И он может знать кого-нибудь, к кому можно обратиться за советом.

Я вышел из-за дома и огляделся.

Вдалеке маячили несколько полицейских, но не очень много. Они ничего не делали, просто стояли и смотрели, как жуки трудились над их машинами. К этому времени твари успели полностью разобрать кузова и теперь принялись за двигатели. На моих глазах один из двигателей поднялся и поплыл к дому. Из него текло масло и отваливались комки грязи, смешанной со смазкой. Я представил, во что превратился любимый ковер Элен, и содрогнулся.

Тут и там виднелись кучки зевак, но все на порядочном расстоянии от дома.

Я решил, что без помех доберусь до дома Белсена, если обойду квартал, и зашагал.

Я гадал, будет ли Белсен дома, и боялся, что не застану его. Большинство домов по соседству выглядели пустыми. Но я не должен упускать этот шанс. Если Белсена не окажется дома, придется его разыскивать.

Я подошел к его дому, поднялся по ступенькам и позвонил. Никто не ответил, и я вошел.

– Белсен, – позвал я.

Он не ответил. Я крикнул снова.

Я услышал стук шагов по ступенькам. Дверь подвала распахнулась, из щели высунулась голова Белсена.

– А, это вы, – сказал он. – Рад, что вы пришли. Мне потребуется помощь. Я отослал свою семью.

– Белсен, я знаю, что мы можем сделать. Достать огромный кусок пластика и накрыть им дом. Тогда они не смогут вырваться. Может быть, удастся достать несколько вертолетов, хорошо бы четыре, для каждого угла по одному...

– Спускайтесь вниз, – велел Белсен. – Для нас найдется работа.

Я спустился вслед за ним в мастерскую. Там было опрятно, как и должно быть у такого чистюли, как Белсен.

Музыкальные машины стояли ровными и сверкающими рядами, рабочий стол безукоризненно чист, все инструменты на своих местах. В одном из углов стояла записывающая машина, она светилась лампочками, как рождественская елка.

Перед ней стоял стол, загроможденный книгами: одни из них были раскрыты, другие свалены в кучи. Там же валялись исписанные листки бумаги. Скомканные и исчерканные листы усеивали пол.

– Я не должен ошибиться, – сказал мне Белсен, встревоженный, как всегда. – Все должно сработать с первого раза. Второй попытки не будет. Я потратил уйму времени на расчеты, но думаю, что своего добился.

– Послушайте, Белсен, – произнес я с некоторым раздражением, – не знаю, над какой заумной схемой вы работаете, но, что бы это ни было, мое дело неотложное и гораздо более важное.

– Потом, – ответил Белсен, почти подпрыгивая от нетерпения. – Потом расскажете. Мне надо закончить запись. Я все рассчитал...

– Но я же говорю о жуках!

– А я о чем? – рявкнул Белсен. – Чем же я еще, по-вашему, занят? Вы ведь знаете, я не могу допустить, чтобы они добрались до моей мастерской и утащили все, что я построил!

– Но послушайте, Белсен...

– Видите эту машину? – перебил меня он, указывая на одну, самую маленькую. – Ею мы и воспользуемся. Она работает от батарей. Попробуйте подтащить ее к двери.

Он повернулся, подбежал к записывающей машине и сел перед ней на стул. Затем медленно и осторожно начал нажимать клавиши на панели. Машина зашумела, защелкала и замигала лампочками.

Я понял, что, пока он не закончит, с ним разговаривать бесполезно. И был, конечно, шанс, что он знает, что делает, – или придумал какой-то способ защитить свои машины или остановить жуков.

Я подошел к машине. Она оказалась тяжелее, чем выглядела. Я начал ее толкать и смог передвинуть лишь на несколько дюймов, но я не сдавался.

И тут я понял, что придумал Белсен.

И удивился, почему не подумал об этом сам и почему Добби, со всеми его разговорами об атомной бомбе, тоже об этом не подумал. Но конечно же, только Белсену с его необычным хобби могла прийти в голову подобная мысль.

Идея была такой старой, такой древней – и все же должна была сработать.

Белсен оторвался от своего занятия и вынул сбоку из цилиндра ролик с записью. Потом торопливо подошел ко мне и опустился на колени возле машины, которую я почти дотащил до двери.

– Я не могу точно знать, что они из себя представляют, – сказал он мне. – Кристаллические. Конечно, я знаю, что они состоят из кристаллов, но из какого вида кристаллов,

из какого типа? Поэтому я изготовил узконаправленный генератор ультразвука с постепенно меняющейся частотой. Какая-нибудь из них, я надеюсь, попадет в резонанс с их структурой.

Он откинул в маленькой машине дверцу и стал вставлять ленту с записью.

– Что-то вроде той скрипки, которая разрушила бокал, – сказал я.

Он нервно улыбнулся.

– Классический пример. Вижу, вы о нем знаете.

– Это все знают.

– Теперь слушайте меня внимательно, – сказал Белсен. – Нам надо только нажать эту кнопку, и запись начнет прокручиваться. Вот этой ручкой регулируется громкость, я поставил ее на максимум. Мы откроем дверь и потащим машину. И постараемся протащить как можно дальше. Я хочу подобраться к ним поближе.

– Но не слишком близко, – предупредил я. – Жуки только что убили собаку. Налетели несколько штук и прошили ее насквозь. Они как живые пули.

Белсен облизнул губы:

– Я предполагал что-то вроде этого.

Он направился к двери.

– Подождите, Белсен. А есть ли у нас на это право?

– Право на что?

– Право убить их. Они первые живые существа, прилетевшие к нам с другой планеты.

Мы многое сможем у них узнать, если договоримся с ними...

– Договоримся?

– Ну, установим контакт. Попытаемся их понять.

– Понять? После того, что они сделали с собакой? И после того, что они сделали с вами?

– Думаю, что да. Даже после того, что они сделали с моим домом.

– Да вы сумасшедший! – крикнул Белсен.

Он распахнул дверь.

– Ну! – крикнул он мне.

Я помедлил секунду, потом взялся за ручку.

Машина была тяжелая, но мы подняли ее и вынесли во двор. Потом вытащили на улицу и остановились перевести дух.

Я посмотрел на свой дом и увидел, что жучиный патруль все еще кружится вокруг него на уровне крыши, сверкая золотом в лучах заходящего солнца.

– Может быть, – выдохнул Белсен, – может быть, мы сможем подойти поближе.

Я наклонился, собираясь ухватиться за ручку, но тут заметил, что круг разорвался.

– Смотрите! – завопил я.

Жуки мчались прямо на нас.

– Кнопку! – взревел я. – Нажмите кнопку!

Но Белсен молча продолжал стоять, глядя на жуков. Он оцепенел.

Я кинулся к машине, нажал кнопку, а затем бросился на землю, стараясь стать как можно меньше и тоньше.

Я не услышал никакого звука и, конечно, знал, что не услышу, но это не помешало мне удивиться, почему его нет. А вдруг оборвалась лента? – подумал я. Или машина не сработала?

Краем глаза я видел летящих к нам по широкой дуге жуков, и мне показалось, будто они застыли в воздухе. Но я знал, что это не так, что это всего лишь вызванная страхом зрительная иллюзия.

Да, я был испуган, но не так, как Белсен. Он все еще стоял во весь рост, не в силах шевельнуться, и с недоумением глядел на приближающуюся смерть.

Жуки были уже почти рядом. Так близко, что я различал каждое танцующее золотое пятнышко, – и вдруг они превратились в облачко сверкающей пыли. Рой исчез.

Я медленно встал и отряхнулся.

– Выключите ее, – сказал я Белсену и потряс его, выводя из оцепенения.

Он медленно повернулся ко мне, и я увидел, как с его лица постепенно сходит напряжение.

– Сработало, – вяло произнес он. – Я наверняка знал, что работает.

– Я это заметил, – сказал я. – Теперь вы герой.

Я произнес эти слова с горечью, даже не знаю почему.

Оставив его стоять на месте, я медленно побрел по улице.

Дело сделано, подумал я. Правильно мы поступили или нет, но дело сделано. Первые существа явились к нам из космоса, и мы стерли их в порошок.

А не случится ли и с нами, когда мы отправимся к звездам, чего-либо подобного? Найдем ли мы там хоть немного терпения и понимания? И станем ли мы действовать столь же самоуверенно, как эти золотые жуки?

И всегда ли будут находиться Белсены, берущие верх над Марсденами? И будут ли чувство страха и нежелание понять всегда стоять на пути пришедших со звезд?

И самое странное, думал я, что из всех людей именно я задаю себе подобные вопросы. Потому что именно мой дом разрушили жуки.

Хотя, если поразмыслить, все это не стоило мне ни цента. Кто знает, быть может, я на них еще и заработал. Ведь у меня осталась агатовая глыба, а она стоит кучу денег.

Я бросил взгляд в сад, но глыбы там не было!

С трудом переводя дыхание, я побежал к дому, остановился у сада и в ужасе уставился на аккуратную кучку блестящего песка.

Я забыл, что агат, как и жуки, тоже кристаллический!

Я повернулся к куче спиной и побрел через двор, злой как черт.

Этот Белсен, подумал я, чтоб его разорвало вместе с его постепенно меняющейся частотой!

Я запихну его в одну из его машин!

И тут я замер на месте. Я понял, что ничего не смогу ни сказать, ни сделать. Белсен стал героем, и я сам только что произнес эти слова.

Он тот самый человек, что в одиночку отразил нашествие из космоса.

Так назовут его в заголовках газет и так станет думать весь мир. За исключением разве что нескольких ученых и немногих других – но с их мнением никто не станет считаться.

Белсен стал героем; и если я его хоть пальцем трону, меня растерзают.

И я оказался прав. Теперь Белсен герой.

Каждое утро в шесть часов он включает свой оркестр, и никто во всем квартале не говорит ему ни слова.

Вы случайно не знаете, во сколько обойдется звукоизоляция целого дома?

По спирали

1

Эмби Уилсону этот конверт всю жизнь испортил, причем самым вежливым и благопристойным образом. Адрес напечатали через новенькую ленту яркими черными буквами, но стандартный формуляр имел блеклый и убогий вид. В письме значилось следующее:

Д-ру Амброузу Уилсону

Кафедра истории

Вынуждены с прискорбием известить, что сегодня утром попечительский совет решил закрыть университет в конце текущего семестра.

Причиной сего решения является нехватка средств, а также прогрессирующая убыль числа студентов. Вы, разумеется, давно уже в курсе наших проблем, но тем не менее...

В письме были и другие слова, но читать их Эмби не стал. Вне всякого сомнения, дальше шла банальщина высшей пробы.

Что ж... чему быть, того не миновать.

Попечители как могли справлялись с чудовищными трудностями, но университет окончательно захирел. Когда-то здесь кипела жизнь, бурлила жажда знаний, пылала страсть к учебе; теперь же от былого великолепия осталось одно название.

Ибо раньше здесь был нормальный город, а теперь это город-призрак.

«Да и сам я без пяти минут привидение», – подумал Эмби.

Он отважно принял то, что не был готов принять еще вчера. Да какое там вчера, еще час назад он не признал бы, что последние тридцать лет (а то и больше) обретался в ненастоящем, невещественном мире. Цеплялся за старую жизнь, которую хотя бы умел жить, – а она становилась все более эфемерной, и, чтобы добавить ей осязаемости, Эмби изгнал мысли о просторах за пределами города на периферию сознания. Можно сказать, заключил их в интеллектуальную тюрьму.

И по вполне понятной причине, думал он, по вполне понятной и веской причине. Загородный мир никак не соотносился с мирком Эмби. Популяция кочевников – совершенно чуждых ему обитателей новой реальности – породила собственную некультуру, пропитанную духом декаданса. Состряпала ее из двух ингредиентов: провинциальной ограниченности и древних народных сказок.

«Там ничего нет, – думал он, – ничего, что представляло бы интерес для такого человека, как я. Нет там для меня ничего ценного. Здесь же, в университете, я, как мог, поддерживал слабосильный огонек науки и былых традиций. Теперь же этот огонек угас и традиции навсегда затеряются во тьме. Не говоря уже о науке.

Стоп, не годится, – одернул себя Эмби. – Я же историк, а историку нельзя раскисать, ибо история – это истина и поиски истины; замалчивать, игнорировать, отворачиваться от непреклонных фактов, какими бы нелицеприятными они ни были, – разве это путь историка? Нет, никакой это не путь историка».

Так уж вышло, что сама история ставила его перед выбором из двух зол: спрятаться от реальности или выйти наружу и встать с ней лицом к лицу. Третьего не дано.

Кончиками пальцев Эмби поднял письмо, словно дохлую мышь, слишком долго пролежавшую на солнцепеке. Аккуратно опустил его в корзину для мусора, после чего решительно

нахлобучил на голову старую фетровую шляпу. Твердо промаршировал к выходу из аудитории и ни разу не оглянулся.

2

Подходя к дому, он увидел, что на ступеньках крыльца примостилось пугало. Заметив Эмби, пугало собралось с силами, выпрямилось и сказала:

– Добрейшего вечерочка, док.

– Здравствуй, Джейк, – отозвался Эмби.

– Я тут на рыбалку собираюсь, – пояснил Джейк.

Эмби осторожно присел на ступеньки и помотал головой:

– Не сегодня. Я не в настроении. Университет закрывают.

– Это, наверное, для вас не сюрприз. – Джейк плюхнулся рядом и уставился на улицу пустынного города.

– Ну да, я этого ожидал, – согласился Эмби. – На занятиях больше никого не бывает, если не считать душнил. Все кочуны учатся в собственных университетах. Так называемых. Хотя, Джейк, если уж говорить начистоту, я в толк не возьму, чему они могут там научиться.

– Ну, у вас-то все схвачено, – взялся успокаивать его Джейк. – Столько лет проработали; небось и в кубышке что-то да скопилось. А у нас дело другое. Сколько себя помню, что поймали, то и едим. Как оно всегда было, так оно всегда и будет.

– Не сказал бы, что у меня все схвачено, – возразил Эмби, – но как-нибудь протяну. Мне же скоро семьдесят. Жить осталось всего ничего.

– Когда-то, – вспомнил Джейк, – был закон, чтобы человек в шестьдесят пять бросал работу, а ему за это пенсию назначали. Но кочуны тот закон отменили, как и все остальное. – Он рассеянно ковырял траву сухим прутиком. – А я всегда мечтал: вот поднакоплю денег и возьму себе кибитку. Без кибитки человеку ни черта не светит. Вы только прикиньте, как времена-то меняются. Помню, когда малой был, если у человека имелся дом, то жизнь, считай, удалась. А теперь дом – пустое место. Теперь человеку кибитка нужна. – Он медленно выпрямился и навис над Эмби, и его лохмотья трепал ветер. – Ну так что, док, не передумали насчет рыбалки?

– Я страшно устал, – пожаловался Эмби.

– Раз уж вы теперь не учитель, – сказал Джейк, – можно поохотиться. На пару охотиться – самое то. Тут белок тьма-тьмушая. Того и гляди крольчата подрастут до съедобных размеров. Осенью енот пойдет. А шкуры пополам разделим, раз уж вы теперь не учитель.

– Шкуры можешь оставить себе, – разрешил Эмби.

Джейк сунул большие пальцы за ремень и сплюнул на землю.

– У вас теперь времени вагон, можно чем угодно заниматься, хоть по лесу днями гулять, хоть по городу. Раньше, бывало, везучий человек и денег подзаработать мог, когда по городу шастал. Хотя нынче туда соваться – только время даром терять. Все нормальные места переворотили, да и вообще, опасно стало в них заглядывать. Того и гляди что-нибудь отвалится и по башке долбанет. Или пол под ногами проломится, и поминай как звали. – Он подтянул штаны. – А помните, как мы шкатулочку нашли с драгоценностями?

– Помню, – кивнул Эмби. – Ты тогда чуть было кибитку не купил.

– Чистая правда! И как оно у человека выходит, все проматывать? Ума не приложу. Взял тогда новое ружьишко, патронов к нему прикупил, одежонку для семейства – видит Бог, пообносились все, ходить было не в чем – и еще добрый запас харчей; а потом гляжу – на кибитку даже близко не хватает. А тогда ее можно было в рассрочку взять, плати десять процентов вперед и бери. Тогда можно было, а теперь нельзя. Ни банков не осталось, ни ссудных контор. Помните док, раньше, куда ни плюнь, везде ссудные конторы были?

– Все теперь иначе, все без исключения, – снова кивнул Эмби. – Вспоминаю прошлое, и даже не верится, что все так изменилось.

Верится не верится, но все действительно изменилось.

Города утратили роль социальных центров и фактически перестали существовать; фермы превратились в корпорации; в домах теперь жили только душники да скваттеры.

«И люди вроде меня», – подумал Эмби.

3

Мысль была сумасбродная – должно быть, первый признак старческого слабоумия. Обычно люди шестидесяти восьми лет, люди с каким-никаким достатком и устоявшимися привычками не ищут приключений. Даже если им только что всю жизнь испортили.

Он пробовал подумать о чем-нибудь другом, но не сумел. Не мог выкинуть эту мысль из головы, когда готовил ужин, когда ел и даже когда мыл посуду.

Покончив с тарелками, он прихватил кухонную лампу и перешел в гостиную. Поставил лампу на стол, где стояла еще одна такая же. Зажег обе. «Когда для чтения нужна не одна лампа, а две, – подумал он, – это верный признак, что у тебя садится зрение». Но керосиновые лампы – неважный источник света. С электричеством не сравнить.

Он взял из шкафа книгу и уселся за стол, но читать не смог – никак не получалось сосредоточиться. Поэтому вскоре сдался.

Взял лампу, подошел к камину. Поднял лампу повыше, чтобы свет падал на портрет, и подумал: интересно, улыбнется ли она сегодня? Он был почти уверен, что улыбнется, ведь она всегда готова была одарить его едва заметной улыбкой – в те моменты, когда он нуждался в этом больше всего.

Поначалу он не понял, улыбается ли она или нет. А потом убедился, что улыбается. Стоял и смотрел на ее улыбку.

В последнее время он часто с ней разговаривал, поскольку помнил, что она всегда готова была выслушать, помнил, как рассказывал ей о своих победах и поражениях... Хотя, если призадуматься, побед насчитывалось совсем немного.

Но сегодня вечером он не мог с ней поговорить. Ведь этот чокнутый мир, в котором он остался без нее, выходил за рамки ее понимания. Если все же завести разговор, ей станет неприятно, она разволнуется, а такое недопустимо.

«Возьмись за ум, – отчитывал он себя, – твоя жизнь тебя вполне устраивает, ведь есть где укрыться, есть где скоротать остаток дней в безопасности и комфорте». Он всей душой желал в это поверить.

Но его донимал назойливый голос: «Ты не справился со своей задачей, причем преднамеренно; ты зажмурился и провалил дело своей жизни, потому что вечно оглядывался назад. Настоящий историк живет не только прошлым. Настоящий историк обязан пользоваться знаниями о прошлом, чтобы понимать настоящее; обязан разбираться и в прошлом, и в настоящем, чтобы предвидеть будущее».

«Но я не хочу предвидеть будущее», – упрямылся доктор наук Амброуз Уилсон.

И назойливый голос сердито спрашивал: «А что еще стоит предвидеть, если не будущее?»

Эмби молча стоял с лампой над головой и смотрел на портрет, почти ожидая, что тот заговорит с ним, что подаст какой-нибудь знак.

Но знака не было. Ясное дело, никакого знака и быть не может, ибо перед ним всего лишь изображение женщины, умершей тридцать лет назад. Кажущаяся близость, яркие воспоминания, улыбка на ее губах существуют только в его воображении, но не в прямоугольнике полотна, покрытого умелыми мазками, – старинного полотна с иллюзией любимого лица.

Он опустил лампу и вернулся в кресло.

«Столько всего надо сказать, – думал он, – а сказать-то и некому – хотя дом, наверное, выслушает, если заговорить с ним, как со старым другом. Дом и правда мне друг, – думал Эмби. – С тех пор как ее не стало, здесь бывало одиноко, но и вполнину не так одиноко, как за пределами этих стен, так как в доме осталась частица ее души».

Здесь ему ничего не грозит, в этом стареньком доме он в безопасности – как и в покинутом городе с опустевшими зданиями; ему уютно в этом городе, что превращается в пустыню;

в городе, где резвятся белки и кролики; в городе пестром и ароматном в пору цветения одичавшей сирени и отбившихся от рук нарциссов; в городе, где бродят скваттеры, где они добывают дичь на заброшенных лужайках и обшаривают ветхие строения, в надежде найти барахло на продажу.

Какая же они странные, думал он, эти понятия, на которых зиждется культура; какие же причудливые стандарты социального одобрения порождает всякое общество!

Лет сорок назад начался культурный раскол. Все произошло не сразу, но достаточно быстро, чтобы историки сочли это событие не постепенным, а внезапным.

Дело было в Год кризиса, вспоминал он, – в год, когда сама земля пульсировала от страха, а люди без сна лежали в своих постелях, напряженно прислушиваясь, не взорвется ли бомба, и понимая при этом, что если она взорвется, то никто ничего не услышит.

Все началось со страха, думал он. И когда же – и чем – все это закончится?

Он съезжился в кресле, словно пытался укрыться от варварства, что бушевало за пределами города. Старик, застывший между будущим и прошлым.

4

– Ну, док, это вещь. – Джейк вскочил и снова обошел вокруг трейлера. – Да, сэр, вещь что надо, точно вам говорю. Разрази меня гром, если я когда-нибудь видел кибитку получше этой. – В подтверждение своих слов он хлопнул по трейлеру ладонью. – А я их столько повидал, что и не выговоришь.

– Не исключаю, что нам предстоит много ездить, – сказал ему Эмби. – Так что автомобиль нужен надежный. Насколько я понимаю, дороги сейчас не те, что прежде. Кочуны крайне неохотно платят дорожную пошлину, и у правительства не хватает денег, чтобы латать выбоины.

– Много ездить? Это вряд ли, – с уверенностью заявил Джейк. – Только и надо, что оглядеться по сторонам. Сразу сообразим, куда податься. Оно ж ясно, что моргнуть не успеете, как найдется подходящий лагерь, а там лишние руки ой как нужны. – Он подошел к трейлеру, заметил грязное пятнышко, старательно стер его рукавом заношенной рубахи, и поверхность заблестела как новенькая. – Мы, док, после разговора с вами даже уснуть не сподобились. Мирт – так она вообще ничего понять не может, все спрашивает: «Чего это док нас с собой позвал? Мы ведь ему никто, соседи просто».

– Староват я, – объяснил Эмби, – пускаться в такие приключения в одиночку. Надо, чтобы рядом были люди. Помогали с хозяйством, с машиной. А ты давно уже мечтаешь о кочевой жизни.

– Ваша правда, док, – признал Джейк. – Правдивее этой правды вы в жизни не говорили. Так мечтаю, что аж пыль дорожная на зубах скрипит; а ежели так посудить, то и остальные домашние одного со мною мнения. Вы бы видели, как они собираются. Стены ходуном ходят! Мирт прямо сама не своя. Главное, док, в дом сейчас не соваться. Подождать надобно, пока она чуток в себя придет.

– Мне, наверное, тоже пора вещи собирать, – опомнился Эмби. – Хотя собирать особенно нечего. Почти все останется здесь.

Но не пошевелился. Боялся заглядывать правде в глаза.

Непросто бросить домашний очаг, хотя это устаревшее понятие. Выражение «домашний очаг» осталось в минувшей эпохе, его теперь можно услышать только от стариков вроде Эмби, когда те ворчат, что раньше трава была зеленее. «Домашний очаг» был символом статичной культуры – как оказалось, непригодной для выживания. Остаться на месте, пустить корни, обрасти вещами, традициями, привязанностями – это теперь смерти подобно. Чтобы сохранить жизнь и свободу, надо быть мобильным, ничем не обремененным, готовым к немедленному бегству.

«Виток спирали, – думал Эмби. – Вот мы и оказались на новом витке исторической спирали – от племени к городу, а теперь снова к племени».

Джейк отошел от трейлера и уселся рядом с Эмби:

– Скажите-ка, док, только честно: зачем вы это затеяли? Не подумайте, что я не рад, ведь без вас я ни в жизнь не высвободился бы из этой мышеловки. Но у меня в голове не укладывается, что вы вот так запросто решили пуститься во все тяжкие. Ведь вы немолодой человек, и...

– Знаю, – перебил его Эмби. – Может, причина именно в этом. Мне осталось всего ничего, и я хочу найти этому остатку самое достойное применение.

– Вы же неплохо устроились, док, волноваться вам вообще не о чем. Теперь, когда вы больше не учитель, можете расслабиться. Жить в свое удовольствие.

– Я обязан разобраться, – сказал Эмби.

– В чем?

– Пока не знаю. Наверное, в том, что происходит.

Оба умолкли и уставились на великолепный блестящий трейлер. Из соседнего дома доносился звон кастрюль и сковородок, перемежаемый резкими окриками.

Мирт собиралась что было сил.

5

В первый вечер остановились в заброшенном лагере через дорогу от закрытой фабрики. Лагерь был немаленький и выглядел так, словно трейлеры разъехались всего пару дней назад. В пыли виднелись свежие следы протекторов, ветер гонял по территории клочки бумаги, земля под водонапорными колонками еще не просохла.

Джейк и Эмби, устроившись в тени трейлера, смотрели на ту сторону дороги, на безжизненные здания.

– Странно это, – начал Джейк, – что они закрылись. Видите вывеску? Это пищевка была. Похоже, делали сухие завтраки. Может, завтраки перестали покупать? Вот закрылась фабрика.

– Может, и так, – ответил Эмби. – С другой стороны, кое-какой рынок для сухих завтраков должен был остаться. Достаточный, чтобы фабрика продолжала работать хотя бы в половину мощности.

– Думаете, тут что-то произошло?

– Судя по виду, ничего тут не произошло, – сказал Эмби. – Кочуны просто снялись с места и уехали.

– Видите громадный дом – вон там, на холме?

– Ага, вижу, – кивнул Эмби.

– Может, там душнила живет?

– Может, и живет.

– Интересно, каково это, быть душнилой? Сидишь себе и смотришь, как остальные надрываются, а к тебе денежки текут. И никакой нужды. Что пожелаешь, то у тебя и будет.

– Наверное, у душнил тоже проблем хватает.

– Мне бы их проблемы, все до единой, да на годик-другой. Я бы только и делал, что до потолка прыгал от радости. – Джейк сплюнул в пыль и поднялся на ноги. – Пойду пройдуся. Может, кролика подстрелю или белку. Компанию не составите?

– Составил бы, да устал немного, – покачал головой Эмби.

– Впрочем, пустая затея. Рядом с таким лагерем, поди, всю дичь перебили.

– Вот посижу, отдохну, – сказал Эмби, – а потом схожу на прогулку.

6

Это и правда был дом душнила. От него буквально разило деньгами. Высокий, широкий, ухоженный, а вокруг – здоровенный участок с цветами и кустами.

Эмби сидел на каменной стенке, окружавшей территорию поместья, и смотрел вниз – туда, откуда пришел, на фабрику, на заброшенный лагерь, на одинокий свой трейлер посреди огромной вытоптанной площадки. Дорога, петляя, уходила за горизонт, белела в лучах летнего солнца и была совершенно пустой: ни грузовика, ни трейлера. А раньше, думал он, все было совсем иначе. Раньше дороги кишели всевозможными автомобилями.

Теперешний мир сильно отличался от прежнего; Эмби игнорировал его уже тридцать лет, и за эти тридцать лет мир стал для него совсем чужим. Эмби закрылся от него и утратил его; теперь же он хотел обрести его снова – но обнаружил, что мир стал непонятным, а местами и страшноватым.

– Добрый вечер, сэ, – сказали у него за спиной.

Обернувшись, Эмби увидел человека в твидовой паре и с курительной трубкой: извечный образ сквайра из английской деревушки.

– Добрый вечер, – ответил он. – Надеюсь, я не нарушил ваших границ.

– Все нет. Как вижу, вы остановились под холмом. Очень рад соседству.

– Мой напарник ушел на охоту, а я решил прогуляться.

– У вас смена?

– В смысле?

– Смена лагеря. Раньше это было частое явление. Сейчас уже реже.

– То есть переезд со стоянки на стоянку?

– Именно. Насколько я понимаю, это процесс обустройства. Не понравилось в одном месте, отправляетесь на поиски другого.

– Период потрясений уже закончился, – сказал Эмби. – В наши дни каждый, наверное, уже нашел свое место.

– Быть может, вы правы, – кивнул душнила. – Быть может, так оно и есть. Я слабо в этом разбираюсь.

– Я тоже, – сказал Эмби. – Мы только что выехали. Мой университет закрылся, вот я и решил купить кибитку, а соседи отправились со мной. Первый день в пути.

– Мне иной раз думается, – сказал мужчина, – что неплохо бы пуститься в небольшое путешествие. Когда я был совсем мальчишкой, мы выезжали в долгие автомобильные туры, бывали в разных местах; но теперь ездить почти некуда. Раньше ночевали в специальных постройках, они назывались мотелями. А вдоль дороги – то кафе, то бензоколонка, то авто-сервис, и так каждую милю. Теперь же перекусить и заправить машину можно лишь в лагере, а кочевники, насколько я понимаю, не очень охотно продают еду и топливо.

– Но мы не путешествуем, мы хотим примкнуть к лагерю.

Душнила какое-то время внимательно смотрел на Эмби, а потом изрек:

– По виду и не скажешь.

– Вы такого не одобряете?

– Не принимайте мое мнение близко к сердцу, – поспешил объяснить пояснил душнила, – но я слегка обижен на кочевников. Буквально на днях они закрыли фабрику, снялись с места и исчезли. А я остался. – Он перелез через стенку, сел рядом с Эмби и после минутного размышления продолжил: – Видите ли, они решили все у меня отобрать. По условиям контракта они и так уже управляли фабрикой. Закупали сырье, устанавливали рабочие графики, обслуживали оборудование. Рассчитывали порядок смен, определяли политику производства. А мне прихо-

дилось спрашивать у них разрешения, чтобы просто зайти и посмотреть, как обстоят дела. Но им и этого было мало. Знаете, чего они захотели?

Эмби помотал головой.

– Чтобы я отдал им маркетинг. А это последнее, что у меня осталось. И вот они решили ободраить меня как липку. Платить мне процент с прибыли, а от дел отстранить.

– По-моему, это не очень справедливо, – рассудил Эмби.

– А когда я отказался ставить подпись, они собрались и уехали.

– Устроили забастовку?

– Можно и так сказать. Забастовку, причем весьма эффективную.

– И чем вы теперь занимаетесь?

– Жду, когда другие разобьют здесь свой лагерь. Рано или поздно так и будет. Увидят, что фабрика стоит без дела, и заявятся ко мне в гости – конечно, если разбираются в производстве и готовы запустить конвейер. Быть может, мы с ними договоримся. А если нет, буду ждать следующих. Блуждающих лагерей здесь хватает. И роёв тоже.

– Роев?

– Как у пчел. Когда в лагере становится слишком много народу – так много, что с одного контракта всех не прокормить, – от него отделяется рой: обычно это компания юнцов, начинающих взрослую жизнь. С роем проще договориться, чем с отщепенцами, – эти чаще всего представляют собой группу радикалов и мятежников, ни с кем не ладят, а молодежь из роя спит и видит, как бы начать собственное дело.

– Все это понятно, – покивал Эмби. – Ну а как же те, что вас бросили? Неужели у них хватило денег, чтобы запросто сняться с места и уехать?

– Денег у них полно, – заявил душнила. – Они проработали здесь почти двадцать лет. У них такой амортизационный фонд, что на слоне не увезешь.

– Не знал, – сказал Эмби, а про себя подумал, что много чего не знает.

Образ мышления, обычаи... да и терминология оказалась весьма непривычной.

Раньше, когда выпускали газеты, все было иначе: новая фраза, свежая идея уже завтра становилась общественным достоянием, а силы, управляющие человеческой жизнью, ежедневно являли себя миру – черным по белому. Теперь же не было ни газет, ни телевидения. Осталось только радио; но радио, думал Эмби, не создает иллюзию причастности; в любом случае радио тоже испортилось, и Эмби его не слушал.

Ни газет, ни телевидения, но это еще не все. Не стало мебели, равно как и потребности в мебели, поскольку в трейлере вся мебель уже встроенная. Не стало штор, ковров, напольных покрытий. Радикально уменьшилось число предметов роскоши, ведь в трейлере для них нет места. Не стало деловых и праздничных костюмов, ведь в лагерях не принято было щеголять в дорогих нарядах – во-первых, негде держать объемный гардероб, а во-вторых, кочуны бытовали тесными коммунами и не одобряли формальностей. Если костюмы и были у них в почете, то, наверное, только спортивные.

Не стало банков, страховых компаний и заемных контор. Соцзащита отправилась псу под хвост. В банках и заемных конторах отпала нужда; их заменила касса взаимопомощи, выросшая из зерен профсоюзного движения, что упали на благодатную почву тесных общин. Функции соцзащиты, правительственной поддержки малоимущих и медицинского страхования исполнял профсоюзный фонд здоровья и благополучия, укоренившийся в той же благодатной почве, а концепция «зачапки на случай войны», также берущая начало в идеях тредюнионизма, обеспечивала каждому лагерю статус автономной единицы самоуправления.

Система работала как часы, так как тратить деньги было почти не на что. Мухоловки увеселений, желание наряжаться и украшать жилье – все это осталось в прошлом. Под гнетом обстоятельств бережливость возвели в ранг культовой добродетели.

Теперь даже налогов не платили – по крайней мере, в общепринятом смысле. Органы управления городами и штатами давно затерялись на обочине истории, осталось лишь федеральное правительство, но и оно утратило почти всю свою власть, если сравнивать с тем, что было сорок лет назад. Теперь с людей собирали только смехотворный налог на оборонную промышленность да чуть менее смехотворную дорожную пошлину, а от нее кочуны старались увильнуть всеми правдами и неправдами.

– Раньше было лучше, – посетовал душнила. – С этим тред-юнионизмом они совсем от рук отбились.

– По сути дела, людей связывали только профсоюзы, – объяснил ему Эмби. – Они были лучом света во мраке, единственным осколком логики, последним спасательным кругом. Само собой, люди вцепились в концепцию тред-юнионизма, и профсоюзы стали выполнять функции правительства.

– Правительство руководило бы иначе, – вздохнул душнила.

– Наверное, если бы мы не так сильно испугались. Виной всему страх. Если бы не наш страх, все было бы нормально.

– И правильно сделали, что испугались, – возразил душнила. – Иначе сгорели бы к чертовой матери.

– Не исключено, что вы правы, – согласился Эмби. – Помню, как все было, когда началась децентрализация. Наверное, по промышленникам она ударила сильнее, чем по всем остальным. В одночасье все взяло и рассыпалось. Может, правительство вовсе не валяло дурака; может, у него была какая-то секретная информация. Хотя, если память не подводит, даже опубликованные факты выглядели довольно мрачно.

– Я тогда был еще подростком, – сообщил душнила, – но кое-что припоминаю. Недвижимость шла за бесценок. Городское жилье отдавали за малую частицу реальной стоимости. Рабочим нельзя было оставаться в своих домах, ведь рабочие места переехали за город. Из-за децентрализации в городах ничего не осталось. Крупные заводы разделились на множество мелких цехов, раскиданных на многие мили друг от друга.

– Чтобы на них не сбросили бомбу, – кивнул Эмби. – Чтобы отбить у врага желание ликвидировать промышленность. Раньше для уничтожения завода хватало бы одной бомбы. Теперь же необходима сотня бомб, а это слишком дорого.

– Ну, не знаю, – не сдавался душнила. – По-моему, правительство могло бы повести себя иначе, а вместо этого пустило все на самотек.

– Подозреваю, что в те дни у правительства и других забот хватало.

– Бесспорно. Но чиновники по уши погрязли в строительном бизнесе. Помните, сколько возводилось бюджетного жилья?

– Чтобы помочь промышленности с запуском новых заводов. Но оказалось, что кибитки полностью решают жилищную проблему.

– Сделанного не воротишь, – резюмировал душнила.

И разумеется, был совершенно прав.

Чтобы не умереть от голода, трудяги пустились вдогонку за рабочими местами. Не имея возможности продать городское жилье, поскольку рынок недвижимости рухнул почти мгновенно, они сделали выбор в пользу трейлеров и возле каждого объекта фракционированной индустрии возник собственный трейлерный лагерь.

Со временем кочунам полюбилась такая жизнь – или же они попросту боялись строить новые дома, вспоминая о судьбе старых; боялись, что все повторится, – даже если стройка была им по карману, ведь большинству такие деньги только снились. Или же они утратили иллюзии, прониклись омерзением к старой жизни... Да какая разница? Суть в том, что наступила эпоха кибиток. Даже те, кого децентрализация зацепила лишь косвенно, со временем перебирались в трейлерные лагерь, пока не опустели не только города, но и почти все деревни.

Отвергнув культ имущества, люди сделали выбор в пользу племени.

Свою роль сыграли страх и свобода – свобода от пожитков, возможность сорваться с насиженного места и уехать без оглядки. А еще повлиял тред-юнионизм.

Трейлеры уничтожили громоздкую и неповоротливую систему, подконтрольную профсоюзным боссам и их карманным бизнес-агентам. Громадные профсоюзы рассыпались на сотни мелких неуправляемых осколков, но в каждом трейлерном лагере укоренился, обрел значимость и вошел в силу собственный тред-юнионизм. Благодаря ему лагерь спекся в единую сущность. Семьи кочунов душой и сердцем прикипали к локальным профсоюзам. Тред-юнионизм, преломленный через призму человеческих потребностей, лег в основу племенной структуры и стал фундаментом, необходимым для существования трейлерной системы.

– Но надо отдать должное этим ребятам, – снова заговорил душнила, – они свое дело знают. Управляли фабрикой куда лучше моего; следили за себестоимостью, постоянно что-то урезали и рационализировали. За двадцать лет работы фабрика изменилась до неузнаваемости. Это был их главный аргумент на переговорах. Но я сказал, что они попросту обустроивали свои рабочие места. Поэтому, наверное, они так сильно обиделись, что бросили удобную стоянку. – Он постучал трубкой по камню, чтобы вытряхнуть пепел. – Я, знаете ли, не уверен, что был прав. Скорее всего, новым работникам потребуется не меньше месяца, чтобы разобраться во всех новшествах, придуманных моими прежними ребятами. Надеюсь только, что они разберутся как следует, а не то весь конвейер станет. – Он рассеянно протирал чашку трубки. – Даже не знаю... Жаль, что я не помирился с тем племенем. Хотя бы ради спокойствия на душе. Они неплохие люди, в большинстве своем здравомыслящие. И сговорчивые, и трудолюбивые – если не считать последнего месяца. В сущности, они жили нормальной жизнью, хотя кое-чего я не понимал. К примеру, их суеверий. Они составили внушительный список табу и помешались на изгнании и умиротворении злых духов. Да, конечно, и за нами такое водилось – постучать по дереву, поплевать через левое плечо, – но для нас это была забава, веселая игра, что-то вроде отголоска древности, привычки, от которой мы не спешили избавляться. Но у этих людей... Клянусь, они искренне верят во всю эту чушь. Возвели ее в ранг жизненных правил.

– Вот и еще один плюс, – сказал Эмби, – в поддержку моего мнения, что культура деградировала до трайбализма, эквивалента племенного обособления. Пожалуй, даже сильнее деградировала, чем я думал. И этому положили начало ваши компактные и закрытые социальные группы. В более сплоченной культуре такие понятия высмеивают и гонят прочь, но в тепличных условиях они укореняются и цветут буйным цветом.

– В фермерских лагерях вообще кошмар, – продолжал душнила. – Призывание дождя, колдовство на урожай и все такое.

– Неудивительно, – кивнул Эмби. – Из семян и почвы появляются растения, причем самым загадочным образом. Отсюда всплеск мистицизма. Вспомните, сколь богатая мифология окружала сельское хозяйство в доисторические времена: заклинания на плодородие, лунный календарь и прочие фетиши.

Он сидел на каменной стенке и глядел вдаль, словно видел там мрачные таинства зарождения новой расы, словно слышал ритмичный топот загрубелых подошв, ритуальную песню и вопли жертвы на алтаре.

7

На следующий день они, поднявшись на вершину высокого холма, увидели фермерский лагерь. Он раскинулся на краю рощицы, неподалеку от ряда элеваторов. Вокруг, куда ни глянь, виднелись золотисто-зеленые поля.

– Вот тут я обосновался бы, – сказал Джейк. – Подходящее место, чтоб растить детишек, да и работа, по моему разумению, не шибко пыльная. Машины вкалывают, а ты знай себе катаешься – то на тракторе, то на комбайне, то на прессовщике, то еще на чем. И для здоровья полезно: солнышко, свежий воздух, виды опять же. А как покончишь с урожаем, сматывай удочки и дуй в другие края, так что заодно и страну можно посмотреть. К примеру, двинуть на юго-запад, где салат и прочие овощи, или на побережье, где фрукты. А то и на самые юга. Хотя не знаю, растет там что зимой или нет. А вы, док, не знаете?

– Не знаю, – ответил Эмби.

Он сидел рядом с Джейком и смотрел, как тот управляет машиной. С таким отличным водителем, как Джейк, опасаться нечего. Не рискует, не превышает скорость, знает автомобиль как свои пять пальцев.

Дети подняли гвалт, и Джейк оглянулся на заднее сиденье:

– Ежели вы, пострелята, не уйметесь, я приторможу на этом самом месте и всыплю вам по первое число! Будь ваша мамка тут, а не в кибитке, вы сидели бы тише мыши, чтобы она вам уши не надрала!

Но дети продолжали потасовку, не обращая внимания на грозные речи.

– Я все думаю, – обратился Джейк к Эмби, исполнив отцовский долг, – что умно вы поступили, умней всего в жизни, вот только затянули с этим делом. Вы человек образованный; ясно, что вас в любом лагере с руками оторвут. Вряд ли у них тут много образованных людей, а я всегда говорил: нет на свете ничего лучше образования. Я вот, к примеру, сам так и не образовался. Может, поэтому и гляжу на вас, образованных, с таким восхищением. В городе у меня ажно сердце разрывалось, когда смотрел, как детишки по двору носятся без капли образования за душой. Мы с Мирт, конечно, старались их подучить, вот только что мы знаем, кроме алфавита? Да и учителя из нас неважные.

– В лагерях, наверное, имеются свои школы, – сказал Эмби. – Я о таком не слышал, но у кочунов есть что-то вроде университетов, а перед высшим образованием надо сперва получить какое-то подобие среднего. Думаю, у них развиты общинные программы, ведь лагерь – это, по сути, мобильная деревня. Скорее всего, и функционирует так же: есть в нем и школа, и больница, и церковь, и все остальное, что ожидаешь увидеть в мелких городках... Хотя, наверное, с некоторым налетом тред-юнионизма. Культура – своеобразная штука, Джейк, но в конечном счете разные культуры приходят примерно к одному и тому же укладу. Разные культуры – это всего лишь разные подходы к решению одинаковых проблем.

– Должен сказать, – заявил Джейк, – что для меня большое удовольствие просто сидеть и слушать, как вы чешете по-ученому. Да с таким видом, будто знаете, что означает вся эта ваша мудреная терминологистика.

Он свернул с шоссе на ведущую в сторону лагеря колею. Сбавил ход до черепашьего, и машину затрясло на ухабах.

– Нет, вы только гляньте, какая красота. Сколько белья на веревках развешано, сколько цветиков под окошками растет, а вон частокольчик между кибитками, ну прямо как у нас во дворах. Док, я не удивлюсь, если здешние окажутся людьми вроде нас, честное слово!

Подъехав к лагерю, они остановились возле трейлеров, где уже собралась толпа любопытных детей. В дверях ближайшего трейлера возникла женщина, прислонилась к косяку и уставилась на новоприбывших. К детям подбежали собаки и уселись на землю вычесывать блох.

– Здравствуйте, ребяташки, – сказал Джейк, выбираясь из машины.

Те смущенно захихикали.

Дети Джейка высыпали с заднего сиденья и сбились в кучу вокруг отца. Из трейлера, обмахиваясь картонкой, вылезла Мирт.

– Ну и ну! – провозгласила она.

Все ждали.

Наконец из-за трейлеров вышел старик. Шагал он небыстро, помогая себе тросточкой. Дети расступились, чтобы дать ему дорогу.

– Чем тебе помочь, незнакомец?

– Мы просто осматриваемся, – объяснил Джейк.

– Осматривайтесь на здоровье. – Старик взглянул на сидящего в машине Эмби. – Здравия, дедуля.

– Здравствуйте, – отозвался Эмби.

– Разыскиваешь что-то конкретное?

– Можно сказать, что все мы ищем работу. Надеемся найти лагерь, где согласятся взять нас к себе.

– Мы забиты под завязку, – покачал головой старик. – Поговори-ка лучше с бизнес-агентом. С твоим вопросом надо не ко мне обращаться, а к нему. – Развернувшись, он крикнул плечами детям: – Ну-ка, бегом разыскали мне Фреда!

Детей как ветром сдуло.

– К нам уже нечасто люди вроде вас заворачивают, – продолжил старик. – Несколько лет назад приезжих было полно, все что-то себе подыскивали. И городских хватало, и вэ-эфов. – Заметив озадаченную мину Эмби, он пояснил: – Вытесненных фермеров. Тех, кто не справился в одиночку. Когда началась децентрализация, их на дороге стало пруд пруди. Напрочь безумные, ты таких чокнутых в жизни не видал. Не ожидали великой подлянки. Думали, жизнь всегда будет одинаковая. Решили, что правительство им подгадило, – да пожалуй, так оно и было. Но правительство и всем остальным подгадило, не только вэ-эфам. Когда творятся такие дела, кто-то непременно попадает под раздачу. Нечего ждать, что правительство сохранит все свои программы. Пришлось приспособливаться.

Эмби кивнул:

– Невозможно держать раздутый штат бюрократов, когда общественный строй стал родо-племенным, да еще и с технологическим уклоном.

– Ты, верно, прав, – в свою очередь согласился старик. – По большому счету для фермеров ничего не изменилось. Мелкие хозяйства по-любому были обречены на вымирание. Фермер-одиночка попросту не имел шансов на успех. Сельское хозяйство еще до гэ-ка двинулось в сторону корпоративных холдингов. Все из-за механизации. Без машин ничего толком не вырастишь, а вкладываться в машины ради пары акров... – Он подошел ближе и погладил решетку радиатора шершавой ладонью. – Однако, неплохой автомобиль.

– Он у меня уже давно, – сказал Эмби. – Я за ним хорошо ухаживал.

– У нас тут тоже такое правило, – просветлил старик. – Каждый обязан хорошо за всем ухаживать. Сейчас ведь не то что раньше, когда терял вещь, ломал или изнашивал – и тут же бежал за угол покупать такую же. Но у нас в этом смысле очень хороший лагерь. Ребята помоложе все свободное время возятся с железками. Ты бы видел, что они с некоторыми машинами сотворили. Да, дружище, некоторые машины у них почти как люди. – Он встал напротив Эмби у открытого окошка, прислонился к дверце. – Чертовски славный у нас лагерь, с какой стороны ни глянь. Собираем первосортный урожай, хорошо о земле заботимся. Душнила, которому тут все принадлежит, очень нас ценит. Мы сюда почти двадцать лет возвращаемся, каждую весну на одно и то же место. А если кто нас опередит, душнила с ними даже говорить не желает. Всегда нас ждет, а таким отношением, скажу тебе, не каждый лагерь похвастается. Зимой,

конечно, приходится поехать, но только потому, что нам так нравится. Нет такого зимнего места, куда мы не могли бы вернуться – в любое время, когда пожелаем. – Он смерил Эмби оценивающим взглядом. – А ты, часом, не умеешь дождь выкликать?

– Несколько лет назад читал, как это делается, – ответил Эмби. – Такую процедуру называли «засев облаков». Но чем пользовались, не припомню. Каким-то химреагентом. По-моему, производной серебра.

– Ничего не знаю про такой засев, – сказал старик. – И пользовались химикатами, не пользовались – тоже не знаю. Конечно, – тут же добавил он, встревожившись, что его неверно поймут, – у нас есть свои выкликатели, самые лучшие, но в фермерском бизнесе лишних выкликателей не бывает. Чем больше, тем лучше. – Он поднял глаза к небу. – Прямо сейчас мы и без дождя обойдемся, а растрчивать силы без надобности... Как-то это неправильно. Ты бы приехал, когда нужен дождь. Остался бы, посмотрел, как наши парни дождь выкликают. У них такое шоу, залюбуешься. Как пойдут в пляс, все сбегаются поглазеть.

– Когда-то я читал про навахо, – начал Эмби, – или то было про хопи...

Но ни навахо, ни хопи не вызвали у старика никакого интереса.

– А еще у нас отменная команда зеленюшников, – сказал он. – Только не подумай, что я бахвалюсь, но имеются также отличнейшие...

Из-за трейлеров с криками выбежали дети. Старик обернулся:

– А вот и Фред.

К ним неспешно подошел Фред, огромный мужчина с непокрытой головой, буйной черной шевелюрой, кустистыми бровями и полным ртом белых зубов.

– Здорово, ребята, – сказал он. – Чем могу помочь?

Джейк все ему объяснил.

Фред сделал смущенное лицо и озадаченно поскреб голову:

– Сейчас у нас слишком много народу. Вот-вот начнем роиться. Говорите, принять еще одну семью? Нет, не получится. Если только предложите что-нибудь особенное...

– Я в механизмах смыслю, – сказал Джейк. – Могу ездить на чем угодно.

– Водителей у нас предостаточно. А чинить умеешь? Сварку знаешь? На токарном станке работал?

– Ну, нет...

– Нам приходится чинить машины, поддерживать в полном порядке. Иной раз нужно изготовить деталь взамен сломанной. Некогда ждать, пока с фабрики доставят, так что мы мастера на все руки. Просто управлять механизмом – этого мало. Тут кто угодно справится: хоть женщина, хоть ребенок.

– А вот у нас док, – сказал Джейк. – Он человек образованный. Служил преподавателем в университете, пока тот не закрыли. Может, найдете применение...

– Да что ты говоришь! – приободрился Фред и повернулся к Эмби. – Вы случаем не агроном?

– Историк, – ответил Эмби. – Ни в чем не смыслю, кроме истории.

– А вот это плохо, – сказал Фред. – Агроном бы нам пригодился. У нас имеются экспериментальные участки, но в теории мы слабоваты, так что особыми успехами похвалиться не можем.

– Смысл в том, чтобы улучшить посевные культуры, – объяснил старик. – Это наше уникальное торговое предложение, главный плюс на переговорах. У каждого лагеря собственные семена, а чем лучше семена, тем выгоднее сделка с душнилой. Табак у нас уже неплохой, а с кукурузой пока работаем. Если добиться, чтобы она вызревала дней на десять раньше...

– Все это очень интересно, – перебил его Эмби, – но ничем не могу помочь. Я в сельском хозяйстве не разбираюсь.

– Но я готов трудиться не покладая рук, – тут же встрял Джейк. – Только шанс мне дайте. Уверяю, во всем вашем лагере не сыскать такого работающего парня, как я.

– Прости, – сказал бизнес-агент, – но мы все тут работающие парни. Если ищете себе место, правильное всего будет попроситься в рой. Быть может, вас примут. В старые лагеря вроде нашего новичков, как правило, не берут. Разве что они могут предложить что-нибудь особенное.

– Ну, – расстроился Джейк, – тогда, наверное, говорить нам больше не о чем.

Он открыл дверцу и уселся за руль. Дети забрались на заднее сиденье, а Мирт полезла обратно в трейлер.

– Спасибо, – сказал Джейк бизнес-агенту. – Вы уж простите, что мы время у вас отняли.

Автомобиль вырулил на колею и потащился обратно к шоссе. Джейк долго молчал. Наконец заговорил:

– Агроном? Это что еще за птица такая, черт бы ее побрал?

8

Так было везде, куда они приезжали.

– В кибернетике смыслите? Нет? Очень жаль. Спец по кибернетике нам точно не помешал бы.

– Очень жаль. Химик бы нам пригодился. Мы с горючими веществами работаем, но не понимаем в них ни черта – приходится штудировать справочники. Как бы ребята однажды не взорвали весь лагерь.

– Будь вы подъемщик, мы бы нашли вам применение.

– Может, разбираетесь в электронике? Нет?

– История? Извините, историки нам не требуются.

– В медицине соображаете? А то наш док совсем старый стал.

– Инженер-ракетчик? Нет? Жаль, а то есть у нас одна задумка, только инженера-ракетчика не хватает.

– Историк? Не-а. Историк нам не нужен.

«Еще как нужен!» – думал Эмби, а вслух говорил:

– История – очень полезная штука. В прошлом ей всегда находили применение. Не может такого быть, чтобы она утратила смысл, – даже теперь, в этом новом неотесанном мире.

Он лежал в спальном мешке и глазел на небо.

Дома уже осень, думал он. Вспоминал, как желтеют листья и как красиво осенью в городе. Такая красота, что дух захватывает.

Но здесь, далеко на юге, по-прежнему стояло лето, и в глубокой зелени листвы, в непоколебимой синеве небес виделось что-то странное, что-то летаргическое – словно окружающий мир выкрасили синей и зеленой краской, и он останется таким навсегда; мир, где динамику объявили вне закона, где матрицу бытия отлили из самого прочного сплава, чтобы не оставить ей шансов на перемены.

На фоне неба чернел трейлер; теперь, когда Джейк и Мирт закончили в нем переругиваться, Эмби слышал, как неподалеку от стоянки журчит ручей. Костер давно погас, осталось лишь розовое марево в пепельной белизне, а на опушке завела песню какая-то птица. Пересмешник, подумал он, хотя раньше ему казалось, что у пересмешника песни повеселее.

И куда ни глянь, везде все так, размышлял он. Кажется одно, а на поверку совсем другое – никакого волшебства, сплошная проза жизни; а потом вдруг настанет день, когда закончишь странствия и пустишь корни, причем в самом неожиданном месте.

Повидав два-три лагеря, Эмби понял, по каким принципам они организованы: по старым добрым американским принципам ведения бизнеса. Он перестал удивляться своеобразию, когда разобрался, почему в каждом конкретном лагере все устроено именно так, а не иначе.

Например, еженедельные военные тренировки и регулярные игры в войну, когда каждый мужчина подтягивался, отжимался и принимал участие в маневрах – без баловства, со всей серьезностью выполнял поставленную тактическую задачу, – а женщины и дети, словно выводок куропаток, мчались в укрытие, чтобы спрятаться от воображаемого врага.

Именно поэтому, понимал Эмби, федеральное правительство обходится грошовым налогом на оборонную промышленность. Ведь везде имеется подразделение солдат в гражданской одежде, готовых к тотальной войне на уничтожение, готовых к встрече с любым, кто рискнет высадиться на континент, готовых разыскать врага с ловкостью следопытов Фронттира и с индейской жестокостью разорвать его на куски. Федеральное правительство содержит военно-воздушные силы, обеспечивает лагеря оружием, проводит военные исследования, отвечает за общее командование и планирование, но бесплатной армией стали мирные граждане, все до

единого готовые к мгновенной мобилизации, натренированные до взрывоопасного состояния, несущие службу без оглядки на федеральный бюджет.

Насмотревшись на тренировки и военные игрища, он понимал: такая система озадачит любого неприятеля, эта система – новое слово в военной науке, ибо в государстве не осталось ни единой цели, на которую стоило бы сбросить бомбу, ни одного города, который имело бы смысл захватить и удержать, ни одного предприятия, которое можно разрушить до основания, и каждый гражданин страны, каждый мужчина в возрасте от шестнадцати до семидесяти лет является обученным и мотивированным бойцом.

Он лежал и размышлял обо всем, что видел: обо всем непривычным и в то же время удивительно знакомом.

Например, обычаи, выросшие в лагерях из легенд, предрассудков и магии, из полузабытых учений, из преклонения перед местными авторитетами и других неизбежных особенностей тесного сосуществования в рамках коммуны. Через эти обычаи, понимал он, каждый мужчина, каждая женщина демонстрируют горячую и даже фанатичную преданность родному лагерю. Отсюда гротескное, а временами и малопонятное соперничество между лагерями, проявляющее себя на всех уровнях, от болтовни рядовых кочунов до упрямства лагерных лидеров, не желающих делиться секретами с конкурирующей группой. Осмыслить это соперничество можно, лишь углядев за ним извечные традиции американского бизнеса, самую соль американской земли.

Причудливый расклад, думал доктор Амброуз Уилсон, ворочаясь в спальнике под ночным южным небом. Причудливый, но чрезвычайно эффективный и вполне понятный, если рассматривать его в рамках нынешней реальности.

Понятный, за исключением одной детали, но Эмби никак не мог уловить ее суть. То был не факт, а ощущение – ощущение, что под покровом неопыганщины таится нечто принципиально новое, жизненно важное, доступное пониманию, но не имеющее имени.

Он задумался об этом новом и жизненно важном факторе, стал просеивать собственные впечатления в поисках ключей к разгадке, но не сумел нащупать ничего осязаемого, ничего, за что мог бы зацепиться, ничего, что мог бы поименовать. Как мякина без единого зернышка, как дым без огня – что-то небывалое и, подобно всему остальному, целиком и полностью понятное в своей системе координат, но вот вопрос: как определить рамки этой системы?

Они ехали сюда через всю страну с севера на юг, вдоль русла Великой реки, и повидали множество лагерей – фермерских лагерей с бескрайними полями хлебных злаков и многими квадратными милями кукурузных плантаций; промышленных лагерей с дымящими трубами и лязганьем механизмов; транспортировочных лагерей с объединенным парком грузовиков и невообразимо запутанной логистической сетью; молочных лагерей с маслобойнями и сыроварнями, со стадами коров и непременными свиньями – побочной веткой любого молочного производства; лагерей-птицефабрик; овощеводческих лагерей; лагерей, занимающихся горными работами, лесозаготовками и ремонтом дорог. Иногда встречались рои или отщепенцы – такие же бродяги, как они, ищущие, куда бы приткнуться.

И повсюду их ждало одно и то же: толпа любопытных ребятишек, блохастые дворняги, разводящий руками бизнес-агент и неумолимое «очень жаль».

В некоторых лагерях их принимали теплее, чем в других; кое-где даже удавалось остаться на денек или недельку, отдохнуть от странствий, подправить мотор, размять сведенные судорогой ноги и походить в гости.

В таких местах Эмби прогуливался и разговаривал, сидел на солнце или в тени (в зависимости от времени суток), и иногда казалось, что он как следует изучил этих людей, что видит их насквозь, но при этом он неясно чувствовал в них что-то странное, чужое, незнакомое, и чудилось, что рядом сидит невидимка, следит за ним из укромного места. В такие моменты

Эмби понимал, что от этих людей его отделяет тончайшая, но прочнейшая пелена, сотканная из четырех десятков лет.

Он слушал радио, внимая местным версиям пошлых радиопостановок родом из шестидесятых. Иногда слышал призрачные голоса радиостанций из других лагерей, расположенных по соседству или на другом конце континента. Дурацкие передачи провинциального уровня, в основном слухи, но не только, ведь иногда проскакивали официальные объявления: заказ на тонну сыра, на грузовик сена, на запчасть для какого-нибудь механизма; или извещение о том, что один лагерь задолжал другому некую долю своей продукции; а иной раз творились совсем непонятные вещи, когда долги переходили от лагеря к лагерю и одно обещание сменялось другим. У слухов же имелся особенный смысл, самым невероятным образом вплетенный в фантастическую культуру, что в одночасье выползла из-за деревенской печки навстречу эпохе кочевников.

И обязательно магия, необычайно тонкая магия, действующая не во вред, но на благо. Словно, думал он, вернулись феи и домовые-брауни, вернулись после кратковременного изгнания из материального мира. Новые церемонии черпали своеобразие из старых, не менее причудливых; теперь принято носить обереги на добрую удачу и приговаривать определенные слова; возродились примитивные верования – забытые, но не далее чем вчера; воскресла первобытная вера в разнообразные глупости. Пожалуй, думал он, все это не так уж плохо.

Страннее всего было наблюдать за смешением древней магии и старинных суеверий с новейшими веяниями современных технологий. Кибернетика шагала рука об руку с оберегами, агрономия – с ритуальной пляской на вызов дождя.

Не находя покоя, он старался все осмыслить, разложить по полочкам, мысленно разместить на историческом графике. Но едва на графике вырисовывалась сколько-нибудь вразумительная картина, все шло наперекосяк; и он понимал, что учитывает лишь самые поверхностные данные.

Чего-то всегда не хватало. Чего? Того самого жизненно важного, но не поименованного фактора.

Они проехали по всему материку под аккомпанемент хорового «очень жаль»; Джейк, по всей видимости, волновался и имел на то полное право. Ночь за ночью, лежа в спальнике, Эмби прислушивался к их разговорам – разговорам Джейка и Мирт, – когда дети уже спали, да и Эмби должен был спать. Хотя он из вежливости старался не различать слов, по тону приглушенных голосов было ясно, о чем судачат эти двое.

Вот досада, думал он; Джейк так верил в себя, так надеялся на лучшее. Ужасное это дело – видеть, как человек изо дня в день утрачивает веру в собственные силы, как надежда вытекает из него по капле, словно кровь из раны.

Он поерзал в спальнике, устраиваясь поудобнее, и зажмурился, чтобы не видеть звезд. Почувствовал, как сон окутывает его видавшим виды стеганым одеялом, и в дымке перехода из одного мира в другой вновь узрел идеал красоты: висящий над камином портрет в свете керосиновой лампы.

9

Когда Эмби проснулся, трейлера не было.

Поначалу он этого не понял, ведь ему было тепло и удобно, лицо ласкал свежий утренний ветерок, с каждого дерева радостно пели птицы, и еще журчал ручей, бегущий по каменистому руслу.

Эмби лежал и думал, как прекрасно быть живым, и задавался вопросом, что готовит ему грядущий день, и благодарил всех богов, давших ему силы не бояться будущего.

Тут он заметил, что трейлера нет на месте; какое-то время лежал, не двигаясь и ничего не понимая, пока будущее не хлестнуло его по лицу.

Первая волна паники – паники брошенного человека, ледяного страха перед одиночеством – нахлынула и быстро улеглась, зато разгорелся огонек гнева. Эмби нашарил в спальнике одежду, выбрался наружу и принялся одеваться, осматриваясь и пытаясь восстановить случившееся.

Лагерь находился внизу, сразу за долгим спуском, и Эмби помнил, как они с Джейком расклинили колеса булыжниками, чтобы трейлер не укатился под горку. Скорее всего, Джейк просто убрал камни и снял машину с тормозов, а мотор завел уже за пределами слышимости.

Эмби встал и на ватных ногах двинулся вперед. Вот булыжники из-под колес, вот отпечатки протекторов на утренней росе.

Вот прислоненная к дереву винтовка 22-го калибра – самое ценное, что имелось у Джейка, – а рядом лежит старый пузатый рюкзак.

Эмби присел у дерева, раскрыл рюкзак и выложил на траву две упаковки спичек, десять коробок с патронами, свою запасную одежду, продукты, утварь для приготовления пищи и изношенный дождевик.

Он стоял на коленях, смотрел на все, что у него осталось, и чувствовал, как под веками кусаются слезинки. Да, предательство – но не совсем. Эмби обокрали и бросили самым жестоким образом, но Джейк оставил ему винтовку – все равно что правую руку отдал.

Те приглушенные разговоры, что он слышал... Наверное, то были не встревоженные споры, то были козни. Но что, если бы он вслушался в слова, если бы подполз поближе и узнал про заговор? Что бы он мог поделаться?

Он сложил вещи в рюкзак, подхватил его и винтовку, вернулся к спальнику. Груз немалый, но Эмби никуда не спешил: пойдет потихоньку, так что справится. В сущности, утешал он себя, все не так уж плохо. В кармане лежит бумажник с оставшимися деньгами. Интересно, как Джейк раздобудет еду и бензин, у него же ни гроша за душой, думал Эмби, хотя на самом деле его это не особенно волновало.

Он вообразил, как Джейк говорит вполголоса на тех полных совещаниях: «Все из-за дока. Это из-за него нас не берут. Глянут на старика, и сразу ясно: ему надо будет платить пенсию. Зачем брать человека, который через пару лет станет обузой для лагеря?»

Или: «Точно говорю, Мирт, это все док. Как начнет вещать по-ученому, так сразу всем не по себе становится. Думают, что он им неровня. Думают, что он нос задирает. Ну а на нас глянь, мы же нормальные люди, обычные, как все. Если бы не док, нас мигом бы взяли».

Или: «Ну сама подумай, мы-то на любую работу годимся, а у дока специализация. Ничего нам не светит, пока от него не избавимся».

Эмби покачал головой. Забавно, подумал он, на что готов пойти отчаявшийся человек. Благодарность, честь, даже дружба – все это лишь песочный замок перед волной отчаяния.

«Ну а как же я? – спросил он себя. – Что мне теперь делать?»

Понятно, первое, что пришло в голову: развернуться и отправиться домой. Это невозможно: через месяц на севере ляжет непролазный снег. Если возвращаться, то сперва надо дожидаться весны.

Остается одно: двигать дальше на юг, продолжать начатое путешествие – правда, уже с иной скоростью. У такого путешествия даже есть свои достоинства: он будет предоставлен сам себе и сможет размышлять, сколько душе угодно. А поразмышлять есть над чем, загадка сама себя не разгадает. Где-то должен быть ответ, ключ, указание на фактор, присутствие которого Эмби чувствовал в лагерях. Если поймать этот фактор за хвост, все детали исторического графика встанут на свои места и Эмби доделает то, что начал.

Он оставил рюкзак с винтовкой на спальнике, вышел на дорогу и посмотрел сперва налево, потом направо. Дорога была длинной и одинокой, совсем как его жизнь. У него не было детей, а в последние годы и друзей толком не было. Джейк, признал он, был самым близким его другом; но где теперь тот Джейк? Теперь их с Джейком разделяет не только долгая извилистая дорога, но и предательство.

Он расправил плечи, принял отважный и самоуверенный вид (хотя в душе чувствовал себя совсем иначе) и зашагал обратно к спальнику, рюкзаку и винтовке.

10

Через месяц он чисто случайно набрел на стоянку дальнобойщиков.

День клонился к вечеру. Эмби вышел к перекрестку и увидел припаркованный полуприцеп.

У только что разведенного костра сидел на корточках мужчина и аккуратно подкладывал веточки в огонь. Второй мужчина распаковывал контейнер: судя по виду, с харчами. Третий выходил из леса с ведром: наверное, набрал воды в ближайшем ручье.

Мужчина у костра первым заметил Эмби, вскочил на ноги и крикнул:

– Привет тебе, незнакомец! Ищешь место для ночевки?

Эмби кивнул и приблизился к костру. Снял рюкзак с притороченным к нему спальником, бросил на землю:

– Буду признателен, если не прогоните.

– Рады встрече. – Мужчина снова опустился на корточки и продолжил возиться с костром. – Обычно мы на всю ночь не останавливаемся. Приготовим еды, перекусим и едем дальше. У нас в машине койка: один спит, другой рулит. Даже Тома, бывает, за руль пускаем. Он у нас отменный водитель. – Мужчина кивнул на человека с ведром. – Но не по профессии. По профессии он препод из университета. В отпуске.

– В творческом, – усмехнулся Том, глядя на Эмби поверх костра.

– И я, – сказал Эмби. – Только я в бессрочном.

– Но сегодня заночуем, – продолжал дальнобойщик. – Что-то мне звук мотора не нравится. Да и греется он сильно. Надо бы перебраться.

– Перебраться? Прямо здесь?

– Почему нет? Здесь не хуже, чем везде.

– Но...

– Ты за нас не переживай, – гоготнул дальнобойщик. – Видишь Джима? Он мой помощник, профессиональный подъемщик. Поднимет движок, поднесет к огню, тут и разберем.

– Я Эмби Уилсон, – представился Эмби и сел у костра. – Прогуливаюсь.

– Издалека прогуливаешься?

– Из Миннесоты.

– Неплохо прогулялся для человека твоего возраста.

– Часть пути проделал на машине.

– И что, сломалась твоя машина?

– Нет, напарник угнал.

– А вот это, – рассудительно сказал дальнобойщик, – называется подлейшая подлянка.

– Джейк не желал мне зла. Просто отчаялся.

– Ты не пробовал его выследить?

– Что толку пробовать? Это невозможно.

– Мог бы иscarя нанять...

– Иscarя? В смысле?

– Дедуля, ты где вообще пропадал все это время? – спросил дальнобойщик.

Интересный вопрос, подумал Эмби.

– Иscarь, – объяснил Том, – это такой телепат. Узкоспециальный. Может выследить человека по его сознанию, а потом найти – почти что в каждом случае. Он как пес, только человек. Работа непростая, иscarей не так уж много. Но с годами, надеюсь, их станет побольше. И работать они станут лучше.

Иscarь – это такой телепат.

Как обухом по голове.

Причем узкоспециальный, словно телепатов великое множество и все они разные.

Сгорбившись у костра, Эмби посматривал по сторонам, силился заметить сдержанные ухмылки. Но никто не ухмылялся. Ведут себя так, подумал он, словно телепатия – самое обычное дело.

Неужели такое возможно, что эти люди в первую минуту знакомства объяснили тебе фольклорно-магический сумбур, что царит в лагерях?

Искарь – это телепат; подъемщик, наверное, специалист по телекинезу; а зеленюшником может оказаться человек с врожденной способностью чувствовать и понимать мир растений – почему бы и нет?

Может, вот он, тот самый недостающий фактор? Может, отсюда и непонятная аура в лагерях, и призывание дождя, и колдовские ритуалы, и все то, что Эмби считал побочным продуктом жизни в закрытой социальной группе?

Он спрятал ладони между коленями и крепко сцепил пальцы, чтобы не дрожали. «Господи, вот же он, ответ на массу вопросов! А если передо мной тот самый ответ, что я ищу, надо признать, что эта культура идеальна, что она непобедима!»

– Говорите, вы в творческом отпуске? – спросил Том, перебив ход его мыслей. – Как я, только в бессрочном? Так вы тоже преподаватель?

– Был преподавателем, – подтвердил Эмби, – пока университет не закрыли. Он у нас был один из старейших. Безденежье сказалось, да и студентов не стало.

– Ищите учебную должность?

– Готов заняться чем угодно. Но такое впечатление, что я никому не нужен.

– В университетах не хватает преподавателей. За вас драться будут.

– Это где? В кочевых университетах?

– Именно, – кивнул Том.

– А что, ты о них невысокого мнения? – оцетинился дальнобойщик.

– Я ничего о них не знаю.

– Они лучше всех остальных университетов, вместе взятых, – заявил дальнобойщик. –

А если кто скажет иначе, плюнь ему в глаза.

Эмби придвинулся к костру; в голове мельтешили вопросы – пугающие, но исполненные надежды.

– Кстати, насчет искарей, – сказал он. – Вы говорите, что искарь – это особый телепат. А что, бывают и другие?.. В смысле, другие специализации?

– Бывают, – ответил Том. – В последнее время появилось множество особых талантов. Мы вылавливаем таких ребят в университетах, пробуем развивать их особенности, но не очень-то получается. Как прикажете тренировать телепата? С чего хотя бы начинать? Поэтому мы просто призываем их пользоваться талантами в благих целях и самым ответственным образом.

– Ничего не понимаю. – Эмби растерянно помотал головой. – Откуда они взялись, если раньше их не было?

– Может, все же были – еще до гэ-ка, – но не в таких количествах. Наверняка были, просто их способности находились в латентном состоянии. Дожидались своего часа. А он наступил совсем недавно. Может, на эти способности... ну, не обращали внимания во всеобщей суете. Или они задохнулись под прессом единой образовательной системы. Ребята не рисковали проявлять свои способности в культуре, где нельзя отличаться от других, ведь иначе на тебя будут показывать пальцем. Боялись и держали талант в узде, пока не забывали про него. А другие пользовались своим даром тайно, для собственной выгоды. Представьте себе политика, юриста или продавца, владеющего телепатией. Это же сказочное преимущество.

– И вы в это верите?

– Ну, не во все. Но таланты действительно существуют.

– А во что тогда верите?

– В то, что народ теперь умнее стал, – подсказал дальнобойщик.

– Нет, Рэй, не в этом дело. Народ какой был, такой и остался. Возможно, до гэ-ка тоже существовали особые таланты, но проявлялись они гораздо реже, чем сейчас. Мы избавились от прежних условностей и ограничений. Сбросили с себя ярмо конкуренции, когда съехали из домов, когда отказались от всего, без чего прежде жизни не мыслили. Искоренили все сложности, и теперь никто не дышит нам в затылок. Не нужно стремиться, чтобы все было не хуже, чем у соседа, – ибо сосед теперь наш друг, а не мерило социального и финансового успеха. Теперь не приходится втискивать в каждые сутки по сорок восемь часов. Мы наконец-то получили шанс развить способности, на которые прежде не обращали внимания.

Чуть раньше Джим-помощник подвесил над костром кофейник на рогатой ветке, а теперь нарезал мясо.

– Сегодня на ужин свинина, – сказал Рэй-дальнобойщик. – Утром ехали мимо фермерского лагеря, и свинья на дороге как выскочит, и тут уж я ничего не мог поделать...

– Ты чуть грузовик не перевернул, пока за ней гонялся.

– А вот это гнусная клевета, – торжественно заявил Рэй. – Я все, что мог, сделал, только бы ее не задавить.

Джим продолжил нарезать ломти мяса и бросать их на здоровенную сковородку.

– Если ищите преподавательскую должность, – сказал Том, – вам только и надо, что заглянуть в любой университет. Их множество. Как правило, они небольшие.

– Но где их искать?

– Придется поспрашивать. Они постоянно переезжают. Как наскучит одна местность, перебираются в другую. Но вам повезло. На юге их полно. Весной они мигрируют на север, а осенью на юг.

Дальнобойщик снова опустился на корточки и взялся скручивать сигарету. Высунул язык, лизнул, придал сигарете нужную форму, сунул ее в рот (она безвольно повисла на нижней губе) и отыскал в костре уголек, чтобы прикурить.

– А я вот что скажу, – заговорил он. – Почему бы тебе с нами не поехать? Места на всех хватит. По пути обязательно найдем кучу университетов. Выберешь, какой понравится. Или же прокатаешься с нами до самого побережья. Том, к примеру, туда и едет. У него там родственники, хоть и седьмая вода на киселе.

– Вот-вот, – покивал Том. – Почему бы вам с нами не поехать?

– Сейчас все не так, как раньше, – продолжал Рэй. – Мой батя тоже был дальнобойщик. Ему сломя голову приходилось гонять. Останавливаться было нельзя – даже для того, чтобы нужду справить по-человечески. Просто катишь вперед, и все тут.

– Так со всеми нами было, – сказал Эмби.

– А теперь не паримся, – объяснил Рэй. – Приезжаем на место чуть позже, зато ехать веселее, и никому никакого вреда, если задержимся на день-другой.

Джим поставил сковороду на угли.

– И работать легче, если подъемщик под рукой, – говорил Рэй. – Разгрузить, погрузить – плевое дело. Увязнешь в грязи – он вытащит. Такого подъемщика, как Джим, я в жизни не видал. Вон тот грузовик без проблем поднимает. Но за ним нужен глаз да глаз. Лентяй, каких поискать.

Джим тем временем жарил свинину.

Дальнобойщик щелчком отправил окурок в костер, но тот приземлился на сковородку – и мигом поднялся в воздух, описал крошечную дугу и упал на угли.

– Ты бы, Рэй, заканчивал со своими фокусами, – проворчал Джим. – Смотри, куда окурки кидаешь. Надоело за тобой подчищать.

– Ну так поедешь с нами? – спросил дальнобойщик у Эмби. – Хоть полюбуешься на здешние красоты.

– Надо подумать, – покачал головой Эмби.
Но он лукавил. Думать было не о чем.
Он уже знал, что не поедет.

11

Он стоял на перекрестке у потухшего костра и прощально махал рукой, пока полуприцеп не растворился в утреннем тумане.

Затем поднял рюкзак с притороченным к нему спальником и закинул его за спину.

Впервые за много месяцев Эмби чувствовал, что у него появилось срочное дело, и это было приятное ощущение. Хорошо, когда снова есть работа.

Минуту он помедлил, обвел глазами стоянку – пепелище костра, припасенную горку дров, огромное пятно моторного масла.

Он бы не поверил, если бы не увидел собственными глазами. Джим открутил фиксирующие болты, а потом вынул мотор из грузовика, вынул и поставил у костра, ни разу не коснувшись его руками. А потом упрямые гайки, способные потягаться с любым гаечным ключом, провернулись сами по себе – медленно, неохотно, – закрутились быстрее, разъединились с резьбой и выстроились в аккуратный ряд.

Когда-то (казалось, это было давным-давно) душнила рассказывал ему, как эффективно лагерь управлял его фабрикой, но жаловался, что рабочие переналадили под себя все производство и новым кочевникам придется месяц голову ломать, чтобы разобраться, как все устроено.

Эффективно! Ясное дело, эффективно, ведь они усовершенствовали фабрику, – но как, какими способами, благодаря каким озарениям?

Сколько же новых методик, думал Эмби, сколько же новых принципов работы теперь в ходу по всей стране? Но в лагерях они не считаются принципами и методиками; для кочевников это скорее ноу-хау, деловые секреты, козыри при заключении сделок, племенное преимущество. Сколько же повсюду новых талантов, спрашивал он себя, сколько у них вариаций, сколько сфер применения?

Новая культура – стойкая и непобедимая, если осознать ее силу, вызволить ее из оков провинциальной ограниченности, сорвать с нее вуаль предрассудков. А это, понимал он, будет труднее всего, ибо магией запросто нарекают все, что выходит за рамки понимания, и за словом «магия», за этим простым и понятным ярлыком, кроется самое отъявленное невежество. Непросто подобрать другое слово, чтобы объяснить малоизученное и не до конца понятное явление; остается лишь принять его, набраться терпения и ждать того дня, когда кто-то сумеет все объяснить.

Он подошел к дереву, у которого оставил винтовку, небрежно подхватил, легкомысленно взмахнул ею в воздухе и даже удивился, что настолько привык к ней, – винтовка сделалась едва ли не частью его организма, продолжением его руки.

Точно так же люди свыклись со своими новыми возможностями. Настолько привыкли к магии, что она стала частью повседневной жизни и никто не осознает ее величия.

А возможности, если задуматься, фантастические. Стоит развить их, и через сотню лет на смену шипящим радиоприемникам придут телепаты, покроют континент сетью телекоммуникаций – гибкой, надежной, не зависящей от погодных условий, – и создадут разумную систему без врожденных пороков электронной связи.

Грузовиков не станет, ведь специалисты по телекинезу будут перемещать грузы от побережья к побережью (и во все находящиеся между ними точки) легко и споро, и опять же без оглядки на погоду или состояние дорог.

И это лишь две из многочисленных граней будущего, а сколько их еще, этих талантов – известных, вероятных, пока что нераскрытых?

Он покинул стоянку, вышел на дорогу, застыл на миг в задумчивости. Где же он был, тот лагерь, в котором требовался инженер-ракетчик? Или тот, где искали химика, поскольку

тамошние ребята возились с горючим? Где, думал он, найти подъемщика? И умелого широко-профильного телепата?

Да, задумка поверхностная и не отличается грандиозным масштабом. Ничего особенного. Но это лишь самое начало.

– Дайте мне десять лет, – сказал он вслух. – Больше ничего не прошу.

Но даже если ему осталось лишь два года, все равно надо начинать.

Ведь если он начнет, найдется еще один, кто продолжит. Кому-то надо начинать. Кому-то вроде него, способному изучать этот неоплеменной мир объективно, в свете исторического прошлого. «А таких, как я, немного осталось», – подумал он.

Уговорить их, конечно, будет непросто, но он твердо знает, что делать.

Эмби зашагал по дороге, насвистывая под нос.

Ничего особенного, но как же здорово реализовать этот замысел! Ведь тогда любой лагерь готов будет вынюхивать, выискивать, обманывать, обкрадывать, лишь бы заполучить плоды трудов Эмби.

Он знал, что это единственный способ вбить людям в голову хоть малую толику здравого смысла, чтобы они осознали свои возможности, чтобы задумались о применении других необычных талантов, которые расцвели на руинах прежнего общества.

Но где же был тот лагерь, в котором требовался инженер-ракетчик?

Где-то на этой дороге. На извилистой одинокой дороге, которая вдруг перестала быть одинокой.

Совсем немного надо пройти. Сотню миль, максимум две. Или больше?

Он резво шагнул вперед. Прикидывал, куда идти, но безрезультатно. Столько дней миновало, столько лагерей осталось за спиной. «Надо вспомнить какой-нибудь ориентир, – думал он, – ведь я неплохо подмечаю ориентиры».

Но ориентиров тоже было слишком много.

12

Он брел по дороге, заходил в лагеря, выслушивал одинаковые ответы, и те сливались в монотонный гул:

– Ракеты? Ну их к черту! Это кому же в голову взбредет шутки шутить с ракетами?

Он и сам уже подумывал: может, его и не было, того лагеря, где требовался инженер-ракетчик? Это кому же в голову взбредет шутки шутить с ракетами? Какая от них польза?

Ему предшествовала молва – наверное, стараниями телепата или радио (не в последнюю очередь сарафанного), – и он обнаружил, что превратился в легенду. Его ждали, его встречали и произносили стандартное приветствие, со временем ставшее общеизвестной шуткой: «Не вы ли тот джентльмен, что ищет ракеты?»

Благодаря этой шутке, благодаря своему легендарному статусу Эмби стал одним из них, но даже став одним из них, держался особняком и видел то величие, которого не видели они сами, – величие, на которое им необходимо было открыть глаза. Чтобы они осознали это величие, мало было простых слов, ничтожно мало было самых оглушительных проповедей.

Он гостил на вечерних сборищах коммун, спал в трейлерах, где имелась лишняя койка, помогал по мелочам, прислушивался к сплетням и байкам – и в свою очередь сеял сплетни. Временами снова чувствовал ту своеобразную инаковость, но теперь понимал, в чем дело, и не пугался. А бывало, смотрел на окружающих и знал, от кого эта инаковость исходит.

Перед сном, лежа на койке, он много об этом думал и наконец все понял.

У человека всегда, еще с пещерных времен, имелись эти способности, но тогда – да и сейчас – человек не осознавал и не развивал их. Он пошел другой дорогой, дорогой не разума, но грубой силы, и выстроил замечательную, восхитительно хитроумную механистическую культуру, собственными руками и неустанным тяжелым трудом создал сложнейшие машины, чтобы те выполняли работу, которую человек способен был выполнять одной лишь силой мысли – стоило только захотеть! Но человек не захотел, он спрятал силы разума за пеленой витиеватого пустословия, а в погоне за интеллектуальным статусом осмелял все то, к чему стремился.

Произошедшее, говорил себе Эмби, не было случайностью, капризом судьбы человечества; нет, произошедшее было предначертано и неизбежно, словно восходы и закаты. Человек лишь вернулся на тропу, по которой ему следовало идти с самого начала. Проблуждав многие века в дремучей чащобе, человечество вновь ступило на верный путь. Даже не будь децентрализации с последующим сносом прежней культуры, рано или поздно человечество все равно вернулось бы на этот путь, ибо в технологическом мире непременно наступил бы переломный момент, момент упадка и разрушения, пик развития машин, ведь должна же существовать точка предельной сложности – и у машин, и у живых существ.

Да, в какой-то степени децентрализация принесла свою пользу, ускорила процесс – быть может, на тысячу лет, – но только и всего.

Теперь же человек вновь подбирает слова – банальные, избитые слова, – чтобы приглушить яркость явления непонятного и посему пугающего. Человека со способностями к телекинезу называют подъемщиком, телепата – искарем или говорильщиком, умение различать всемирную линию жизни нарекли вторым зрением, а человека, способного предвидеть будущее, обычно величают подглядой. А сколько еще способностей, о которых люди не имеют представления или в лучшем случае догадываются? И все их свалили в кучу, на которую нашлепнули общий ярлык со словом «магия». Но это не имеет особенного значения. Обычное простонародное словцо выполняет свои функции не хуже, чем корректная терминология; не исключено, что в итоге такие слова даже поспособствуют осознанию истины. Главное, на сей раз все эти способности не пропадут, не уйдут на задворки разума. Что-то случится, что-то обязательно должно случиться, чтобы люди вздрогнули и осознали свои реальные возможности.

Так он шагал от лагеря к лагерю, и задавать вопрос не было нужды, ибо этот вопрос шагал впереди него.

Он, человек-легенда, брел по дорогам, а потом до него дошли слухи о другом человеке-легенде: тот переезжал от лагеря к лагерю и везде распространял чудодейственные снадобья и целебные зелья.

Поначалу это были всего лишь слухи, но они повторялись все чаще, и наконец Эмби он набрел на лагерь, где врачеватель побывал не далее как неделю назад. Тем вечером, сидя у костра, Эмби слушал рассказы о чудесных исцелениях.

– Миссис Купер уже много лет на здоровье жаловалась, – рассказывала старушка, – все болела и болела, днями с постели встать не могла, да и желудок ничего не принимал. Выпила пузырек его микстуры – и вот вам нате, скачет как козочка, вы б ее только видели!

– А у меня ревматизм был, – рассудительно закивал старичок по ту сторону костра. – Да так привязался, что сил нет, кости ломило каждый божий день. Док нашего лагеря только руками разводил. А стоило глотнуть того средства... – Вместо слов он вскочил и лихо сплясал джигу.

Рассказы повторялись не в одном лагере, а в двух десятках, и везде звучали одинаково: раз – и готово, встал и пошел, как бабки отшептали.

Еще один, говорил себе Эмби. Еще один творец магии, человек, в совершенстве овладевший искусством врачевания. И спрашивал себя, чем же все это закончится.

А потом встретил целителя.

Вскоре после сумерек Эмби вошел в опустевший лагерь. Был тот час, когда ужин уже съеден, посуда вымыта и все собираются, чтобы посидеть и поговорить. Но вокруг трейлеров не было ни души – разве что пара собачонок у мусорных баков, – и гулкая пустота эхом рикошетила от трейлерных стенок.

Он стал посреди лагеря и задумался, не стоит ли крикнуть, чтобы привлечь внимание, но кричать побоялся. Медленно двинулся вперед, зыря по сторонам, высматривая любое шевеление, любой тревожный признак. Тогда-то и увидел яркое пламя на южной границе лагеря.

Осторожно приблизился и еще издали услышал ропот толпы. На мгновение застыл, не уверенный, что ему будут рады, а потом неторопливо двинулся вперед.

Толпа собралась возле рожицы сразу за лагерем. Люди тесно сбились перед одиноким трейлером. Собрание освещали шесть воткнутых в землю факелов.

На ступеньках, ведущих к двери трейлера, стоял мужчина, и его голос долетал до Эмби, но едва-едва. Хотя слов было не разобрать, в речи мужчины было что-то знакомое. Эмби стоял и вспоминал детство, вспоминал городок, о котором забыл уже много-много лет назад, вспоминал звуки банджо и столпотворение на улицах. Это было так волнующе, что потом только об этом и говорили. Старушка Адамс поклялась на купленном снадобье, что никогда себя так хорошо не чувствовала, и годами терпеливо ждала, когда в город вернется странствующий лекарь, чтобы приобрести у него еще бутылочку. Но лекарь так и не вернулся.

Эмби подошел к толпе. Какая-то женщина оглянулась, прошептала горячо: «Это он!» – словно перед толпой выступал сам Господь Всемогущий, и снова обратилась в слух.

К тому времени человек на ступеньках трейлера разошелся не на шутку. Говорил он негромко, но голос разносился над публикой – спокойный и в то же время энергичный, властный и в то же время задушевный.

– Друзья мои, – говорил человек, – я ничем не отличаюсь от остальных, ни в коем случае не подумайте иначе. Не хочу дурачить вас и делать вид, будто я что-то из себя представляю, ведь на самом деле это не так. Я и говорить-то не умею толком, и с грамматикой не в ладах. Но вы, наверное, тоже не великие грамотеи, так что смысл слов будет вам понятен и ничего не произойдет страшного. Я бы хотел спуститься и побеседовать с каждым из вас наедине, но вам будет лучше слышно, если я останусь здесь. Поверьте, я забрался на эти высокие ступеньки

вовсе не для того, чтобы важничать. Я залез сюда вовсе не для того, чтобы возвыситься над вами.

Вы уже слышали, что я не собираюсь морочить вам голову, не буду вас дурачить ни единой минутки, лучше вырву свой язык и брошу его свиньям, чем совру хоть единым словом. Поэтому не стану делать высокопарных заявлений об этом моем лекарстве, а начну с того, что буду с вами честен. Имейте же в виду: никакой я не врач, я никогда не учился медицинскому делу и ничегошеньки о нем не знаю, но считаю себя посланником и гонцом, несущим благу ю весть.

За этим снадобьем стоит целая история; и если вы готовы слушать, я ее поведаю. Началась она давным-давно, и бывали в ней самые невероятные повороты, но, поверьте, нисколько не погрешу я против истины. Для начала расскажу о своей бабушке, которой уже много лет нет с нами, упокой Господь ее душу. Свет не видывал женщины добрее, а когда я был совсем мальчишка...

Эмби отошел от толпы и безвольно опустился на землю.

Ну и наглец, думал он, наглый самозванец!

Когда все закончилось, когда последняя бутылочка перешла из рук в руки, когда люди возвратились в лагерь, а мужчина стал тушить факелы, Эмби встал, подошел к нему и сказал:

– Ну здравствуй, Джейк.

13

– Док, ну говорю же вам, – не унимался Джейк, – меня судьба к стенке приперла. Ничего у нас не осталось, ни на бензин, ни на харчи. Даже побираться пробовали, да безуспешно. В общем, впал я в отчаяние, задумался и решил, что, если человек пробыл честным всю свою жизнь, необязательно ему оставаться честным до самой смерти. Но не мог придумать, как бы подзаработать нечестным путем, разве что воровать, а воровать опасно. Хоть я и был готов почти на все...

– Охотно верю, – поддакнул Эмби.

– Ох, док, – взмолился Джейк, – ну что вы масла в огонь подливаете? Незачем вам на меня обижаться. Мы, как вас бросили, сразу стали об этом жалеть; хотели развернуться и забрать вас, но я забоялся. Да вы гляньте, как все хорошо получилось. – Он крутанул баранку, чтобы объехать лежавший на дороге камень, и продолжил рассказ: – Эх, сэр, иной раз и поверить сложно, каким боком жизнь поворачивается. Только подумаешь: «Ну все, кранты», как тут же дела идут на лад. В общем, остановились мы у той речки, сели рыбачить, а ребяташки нашли старую свалку и давай по ней рыскать – ну, вы знаете, ребяташки любят по свалкам гулять, – и нашли пузырьки, штук пятьдесят-шестьдесят, и все одинаковые. Наверное, кто-то вывез давным-давно те склянки да выбросил на свалку. Значит, сию я и смотрю на пузырьки, потому что других дел у меня тогда не имелось, и думаю, как бы пустить их в пользу, ведь попусту возить с собой – только место зря занимать. И тут меня осенило. В них полно было грязи, а некоторые были надколотые, но мы их отмыли и...

– Скажи-ка, что ты разлил по этим пузырькам?

– Док, я вам честно отвечаю: не припоминаю, что было в первой партии.

– Ничего лекарственного, так?

– Док, я же ни малейшего понятия не имею, что надобно класть во всякие там лекарства. Главное, отравы не положить, а не то клиент захворает и копыта отбросит. Но нужно, чтоб было невкусно, – если будет вкусно, люди не поверят, что это лекарство. Мирт сначала противилась, но теперь угомонилась – особенно когда люди стали говорить, что эта бурда им помогает. Хотя как она помогает – ума не приложу. Вот скажите мне, док, как эта бурда может людям помогать?

– Никак.

– Но говорят же, что помогает. Был один старый пень...

– Это кредит доверия, – объяснил Эмби. – Они живут в мире магии и готовы поверить во что угодно. Ну, почти. Они напрашиваются на чудо.

– То есть сами себе все придумали?

– От начала и до конца. Люди утратили способность к критической оценке, иначе бы эта затея тебе с рук не сошла. Они верят в твои пузырьки. Глодают твою мешанину и верят, что она поможет. Вот она и помогает. Они же ни разу в жизни не становились жертвами рекламных кампаний, их не дурачили объявлениями о непревзойденных свойствах того или иного товара. Их не обкрадывали, не обманывали, не умасливали, не запугивали. Вот они и готовы поверить во все на свете.

– Так вот оно как, значит, – сказал Джейк. – Ну, спасибо, что объяснили. А то я слегка переживал.

На заднем сиденье завозились дети, Джейк прикрикнул на них, но на него не обратили внимания. Все как в старые времена.

Пудобнее устроившись на сиденье, Эмби разглядывал проплывающие мимо пейзажи.

– Точно знаешь, где тот лагерь?

– Док, я его помню так, словно только вчера там был. Помню, как мне подумалось: с чего бы этим ребятам понадобился инженер-ракетчик? – Джейк искоса глянул на Эмби. – А почему вам так надо найти тот лагерь?

– Мысль есть, – сказал Эмби.

– Знаете, док, раз уж вы вернулись... Может, объединим усилия? Вы с вашими седиными да заумными словечками...

– Даже не думай, – ответил Эмби.

– Ну, вреда-то никакого не будет, – возразил Джейк. – Устроим для них представление. Они же поначалу ради представления собирались. Теперь все не так, как до гэ-ка, когда было кино, бейсбол, телевизор и все такое прочее. Развлечений маловато, вот и приходят хотя бы для того, чтобы просто послушать.

Эмби не ответил.

Хорошо все-таки вернуться, подумал он. По логике надо бы злиться на Джейка, но злости почему-то нет. Все Джейково семейство ему обрадовалось – и дети, и даже Мирт. Все так стараются загладить свою вину...

Но снова его бросят, как только решат, что им это на руку. Хотя сейчас с ними было приятно общаться и машина едет, куда ему нужно.

Эмби был доволен. Еще неизвестно, сколько пришлось бы искать ракетный лагерь, если бы не объявился Джейк. И нашелся бы ли он, тот лагерь?..

– Я тут подумал, – продолжал Джейк, – что пора мне избираться в конгресс. В этом лекарственном бизнесе я неплохо наловчился выступать перед публикой и знаю, на какой теме выехать – на отмене дорожной пошлины. Кочуны клянут ее распоследними словами.

– Нет у тебя права избираться в конгресс, – сказал ему Эмби. – Ты же нигде не проживаешь. Не принадлежишь ни к одному лагерю.

– Об этом я не подумал. Может, прибиться на какое-то время?..

– И дорожную пошлину отменить нельзя, иначе в стране не останется дорог.

– Ваша правда, док. Но вы бы слышали, как ребята проклинаят чертову пошлину... – Он глянул на приборную панель. – Если обойдется без приключений, к завтрашнему вечеру будем в этом вашем лагере.

14

– Ничего не выйдет, – сказали ему.

Но он знал, что услышит эти слова.

– Не выйдет, если не объединитесь, – возразил Эмби. – Чтобы вышло, вам нужно топливо.

– Есть у нас топливо.

– Но недостаточно хорошее, – сказал Эмби. – Даже близко не такое, как надо. А в соседнем лагере как раз специализируются на топливе.

– То есть предлагаете пойти к ним с протянутой рукой и...

– Не с протянутой рукой. У них что-то есть, у вас кое-что имеется – вот и поменяйтесь.

Сидя в кругу под раскидистым дубом в центре лагеря, он наблюдал за тем, как люди переваривают его слова, смотрел на озадаченные лица – грубые, но смысленные лица янки девятнадцатого века – и на сложенные на коленях мозолистые руки.

Вокруг стояли трейлеры с цветочными ящиками под окнами, на веревках сушилось белье, а из окон и дверей выглядывали женские и детские лица, и все хранили полное молчание, ибо совет был важный и здесь знали свое место.

А за трейлерами раскинулся огромный завод сельскохозяйственной техники.

– Вот что я вам скажу, мистер, – начал бизнес-агент. – Эти ракетные дела для нас всего лишь хобби. Ребята нашли какие-то книжки, почитали, заинтересовались, а потом и всему лагерю любопытно стало. В других лагерях устраивают бейсбольные матчи или соревнования по стрельбе, а мы возимся с ракетами. Не подумайте, что нам не терпится найти ракетам практическое применение. Мы просто развлекаемся.

– Ну а если бы можно было извлечь из развлечения практическую пользу?

– Против этого у нас нет предрассудков, но сперва надо все хорошенько обдумать.

– Вам понадобятся подъемщики.

– Есть у нас подъемщики, мистер, хватает с лихвой. Собираем всех, кто соглашается. От них на производстве большая экономия, так что платим, сколько запросят. Можем себе это позволить. В сборочном цеху у нас их много трудится.

– Вот только у меня вопрос, – вмешался один из парней помоложе. – А что, подъемщик и самого себя поднять может?

– Почему нет?

– Ну, допустим, есть кусок трубы. Любой, например, поднимет его без проблем. Но если встать на него всем весом, то, сколько ни тужься, он даже с места не сдвинется.

– Да умеют они себя поднимать, – сказал бизнес-агент. – В сборочном есть парень, так он по цеху на деталях летает. Поднимет и летит. Говорит, что так быстрее.

– Значит, все получится, – произнес Эмби. – Если посадить вашего подъемщика в кибитку, он же поднимет ее вместе с собой?

– Запросто, – кивнул бизнес-агент.

– И перенесет куда надо? Опустит на землю и не разобьет?

– Ну конечно.

– Как считаете, насколько далеко?

– Миль на пять или даже на десять. На словах-то все проще простого, но по факту это серьезная работа.

– Но если поставить на кибитку ракетные двигатели, подъемщику надо будет только рулить, так? Насколько это сложно?

– Честно говоря, не знаю, – развел руками бизнес-агент. – Думаю, что несложно. Весь день можно рулить, с утра до вечера.

– А если что-то случится – например, закончится топливо, – он сумеет опустить кибитку на землю так, чтобы ничего не разбилось?

– Я бы сказал, что сумеет.

– В таком случае чего мы ждем?

– Вы о чем, мистер? – спросил бизнес-агент.

– О летающих лагерях! – воскликнул Эмби. – Черт возьми, да неужели непонятно? Заходите куда-то переехать или просто отдохнуть от работы – и весь лагерь взмывает в воздух! Оглянуться не успеете, как вы уже на новом месте!

– Не хочу сказать, что это невозможно. – Бизнес-агент задумчиво потер подбородок. – Очень даже возможно. Но зачем нам такие хлопоты? Если надо куда-то перебраться, снимаемся и едем по земле. Времени-то у нас полно, спешить некуда.

– Ну да, – подхватил кто-то из собравшихся. – Какой смысл? Назовите хотя бы одну причину заморачиваться.

– Дорожная пошлина, – сказал Эмби. – Перестанете пользоваться дорогами – не надо будет платить дорожную пошлину.

Над собранием повисла тишина.

«Клюнули», – понял Эмби.

Денежное дерево

1

Сгибаясь под тяжестью фотоаппаратуры, Чак Дойл брел вдоль высокой кирпичной стены, что отделяла городской дом Дж. Говарда Меткафа от низменного обывательского окружения. И вдруг он увидел, как через стену перелетела двадцатидолларовая купюра.

Дойл давно убедился, что мир жесток и коварен, и, хотя никто не смог бы обвинить этого парня в чрезмерной умудренности, он уж точно был не лыком шит и не позволял дурить себе голову. Но если на дороге попадались деньги, он реагировал быстро и правильно.

Сейчас он огляделся, не смотрит ли кто в его сторону – к примеру, тот, кто затеял сыграть с ним грязную шутку. Или, что еще хуже, тот, кто может подойти и предъявить свои права на подобранную купюру.

Но оба варианта были маловероятны, поскольку действие происходило в снобском квартале, где жильцы предпочитают заниматься своими делами и серьезно заботятся о том, чтобы в эти дела не совали нос посторонние. Что достигается главным образом благодаря высоким глухим стенам, густым живым изгородям и прочным узорным решеткам. А улица, где Дойл готовился поохотиться на купюру, вообще-то, не имела права называться улицей. На самом деле это был переулочек между кирпичной стеной резиденции Меткафа и непроницаемой живой изгородью банкира Дж. С. Грегга. Дойл загнал сюда свою машину, поскольку дорожный знак запрещал парковаться на бульваре, куда были обращены фасады домов.

Никого не обнаружив, Дойл опустил на землю фотоаппаратуру и рванул к банкноте, которая, слабо трепеща, лежала в переулке.

Он сцапал добычу половчее, чем кошка хватается мышку, и теперь увидел, что это не однодолларовый пустяк и даже не пятерка, а целая двадцатка. Волнистая бумажка, такая новенькая, что аж лоснится. Нежно держа ее кончиками пальцев, Дойл решил вернуться в «Бенни плейс» и позволить себе порцию выпивки, а то и две, чтобы отпраздновать такую колоссальную удачу.

По переулочку гулял легкий ветерок, и малочисленные деревья, росшие между оградами, заодно с многочисленными деревьями, чинно выстроившимися по краям холеных газонов, играли что-то вроде приглушенной симфонии. Ярко сияло солнце, небо не сулило дождя, воздух был чист и свеж. Идеальный мир.

Миг спустя он стал еще идеальней.

Потому что через стену Меткафа вслед за первой зеленой бумажкой перепорхнула вторая. А за ней третья, четвертая... И вот их уже уйма, трепещущих, кружащихся, весело пляшущих с игривым ветерком в переулке.

Несколько мгновений Дойл стоял столбом: глаза выпучены от изумления, кадык ходит ходуном от восторга. А затем кинулся ловить деньги, хватать их справа и слева и запихивать в карманы, задыхаясь от страха при мысли, что упустит хоть одну или не успеет дать деру. Он знал, что у денег всегда есть хозяин и даже в этом квартале не найдется такого отъявленного транжиры, который бы не попытался вернуть уносимую ветром наличность.

Так что он собрал деньги с усердием Гекльберри Финна, набредшего на кусты ежевики, напоследок огляделся, не осталось ли чего, и кинулся к машине.

Через дюжину перекрестков, в квартале уже не столь роскошном, он загнал автомобиль на тротуар напротив пустого земельного участка. Боязливо озираясь, вытряхнул бумажки из карманов и уложил на пассажирское сиденье.

– Вот это куча! – восхищенно присвистнул Дойл. Он и не чаял, что денег окажется так много.

Он взял в руки стопку банкнот, намереваясь пересчитать, и увидел, что из нее торчит какая-то палочка. Хотел стряхнуть ее щелчком – нет, осталась на месте. Похоже, прилипла к банкноте. Дойл взял ее двумя пальцами, потянул. Она потянула за собой двадцатку из стопки. Черенок, как у яблока или вишни, самым прочным и естественным образом крепился к уголку двадцатидолларовой купюры!

Бросив остальные деньги на сиденье, Дойл держал черенок, а с черенка свисала купюра, как будто на нем и выросла. И, судя по цвету торца, этот черенок еще совсем недавно цеплялся за ветку.

«Денежное дерево!» – подумал Дойл.

Но ведь это невероятно! Не бывает денежных деревьев. Их просто-напросто не может быть!

«Белая горячка? – предположил Дойл. – Нет, вряд ли, у меня уже сколько часов капли во рту не было».

Но стоило закрыть глаза, и возникло оно, могучее денежное дерево: ствол в три обхвата, широко раскинутые ветви, на них – густая листва, и что ни лист, то двадцать долларов. На ветерке они играют денежную музыку, а ты лежишь под их сенью и в ус не дуешь, никаких у тебя бед и забот, только подбирай опавшие листья да в карман запихивай.

Он подергал за черенок, но тот крепко держался за купюру. Тогда Дойл сложил ее как можно аккуратнее и засунул в брючной кармашек для часов. После чего, не считая, затолкал в карман остальные деньги.

Через двадцать минут он вошел в бар Бенни. Хозяин протирает стойку красного дерева. В дальнем конце зала прихлебывал пиво одинокий посетитель.

– Давай бутылку и стакан, – потребовал Бенни.

– Покажи деньги, – буркнул Бенни.

Дойл вручил ему двадцатку – такую новую, свежую, что ее хруст в тихом баре показался чуть ли не грохотом. Бенни изучил дензнак самым тщательным образом.

– Тебе ее кто-то нарисовал? – спросил он.

– Не-а, – ответил Дойл. – Нашел на улице.

Бенни придвинул к нему бутылку и стакан.

– Отработал уже? – спросил он. – Или только начинаешь?

– На сегодня все, – ответил Дойл. – Щелкал старину Дж. Говарда Меткафа. Журналу на востоке понадобились его фото.

– Ты про этого рэкетира?

– Он не рэкетир. Четыре или пять лет назад завязал, теперь он магнат.

– В смысле олигарх? А чем промышляет?

– Понятия не имею. Но чем бы ни промышлял, внакладе не остается. У него на холме шикарная хата. Но сам-то он невзрачный, уж не знаю, почему им заинтересовался журнал.

– Может, хотят тиснуть статью о том, каким бывает выгодным возвращение к честной жизни?

Дойл наклонил бутылку и плеснул жидкости в стакан.

– Мне, вообще-то, без разницы, – философски произнес он. – Готов хоть червяков снимать, лишь бы платили.

– Кому может понадобиться фото червяка?

– Ну, мало ли на свете чокнутых, – проговорил Дойл. – Я вопросов не задаю, мнений не высказываю. Мне дают заказы, я иду и снимаю. Тем и кормлюсь, и все меня устраивает.

Он с удовольствием выпил и налил еще.

– Бенни, – спросил он, – слыханное ли дело, чтобы деньги росли на деревьях?

– Ты перепутал, – сказал Бенни. – Деньги растут на кустах.

– Если они растут на деревьях, значит могут и на кустах. Куст – это просто маленькое дерево.

– Нет-нет, – возразил, слегка встревожившись, Бенни. – На кустах они не растут. Как с куста – это просто такое выражение.

Зазвонил телефон, и Бенни пошел ответить.

– Это тебя, – сказал он.

– Интересно, кто додумался искать меня здесь? – удивился Дойл.

Он подхватил бутылку и побрел вдоль стойки к телефону.

– Ну-ну, – сказал он в трубку, – и кому это я понадобился? Весь внимание.

– Это Джейк.

– Да неужели? Ты дал мне работенку. Обещал заплатить завтра или послезавтра. Не припомнишь, сколько твоих заказов я выполнил, не получив ни гроша?

– Чак, выполни этот заказ, и я тебе выплачу все, что задолжал. Вот ей-богу, отдам до последнего цента. Мне позарез нужно повернуть это дело, причем срочно. Видишь ли, с дороги в озеро слетела машина, и страховая компания требует...

– Машина где сейчас?

– Все еще в озере. Со дня на день ее вытащат, и мне нужны фотографии...

– Так ты что, хочешь, чтобы я нырял и снимал под водой?

– Ну да, именно это и требуется. Понимаю, задача не из простых, но я все устрою, ты получишь снаряжение ныряльщика. Ужасно не хочется тебя об этом просить, но я не знаю, к кому еще можно обратиться...

– Не возьмусь, – твердо произнес Дойл. – У меня слишком хрупкое здоровье. Если промокну, получу воспаление легких, а когда я простужаюсь, воспаляется пара зубов, да еще эта аллергия на любые водоросли. Наверняка в озере полно водяных лилий и прочей дряни.

– Плачу по двойной ставке! – в отчаянии вскричал Джейк. – Даже по тройной!

– Знаю я тебя, – хмыкнул Дойл. – Ничего не заплатишь.

Он положил трубку на рычаг и зашаркал обратно, двигая по барной стойке бутылку.

– Ну и наглый же тип, – пожаловался он Бенни. А затем, проглотив без перерыва две порции, добавил: – Ужасный способ зарабатывать на жизнь.

– А бывают приятные способы? – рассудительно спросил бармен.

– Скажи-ка, Бенни, с двадцаткой, что я тебе дал, все ли в порядке?

– А что с ней может быть не в порядке?

– Ну, не знаю... Ты ею так хрустел...

– А я всегда хрущу деньгами, работа такая. Посетителям это нравится.

Бармен протирал стойку сугубо машинально – стойка была чиста и суха.

– И хорошенько рассматриваю, – добавил Бенни. – Наловчился, что твой банкир. Поддельную купюру с пятидесяти футов узнаю. А то некоторым хитромудрым типчикам верится, будто бар – самое подходящее место, чтобы подсунуть фальшивку. Всегда надо быть начеку.

– И часто подсовывают?

Бенни отрицательно покачал головой:

– Да я бы не сказал. На днях клиент шепнул: откуда ни возьмись появилась тьма фальшивок. Правительство, говорит, в панике. У этих денег только серийные номера одинаковые. Не должно быть двух купюр с одинаковыми серийными номерами. Парень этот сказал, что правительство грешит на русских.

– На русских?

– Ну да. Мол, русские наводнили страну поддельными деньгами, да такими качественными, что даже эксперт от настоящих не отличит. Мол, если фальшивок вбросить достаточно, может рухнуть экономика.

– Ну ничего себе, – с некоторым облегчением проговорил Дойл. – Грязный трюк.

– Русские – они такие, – кивнул Бенни. – Грязная шайка.

Дойл еще налил и выпил, а потом вернул бутылку.

– Пора мне, – заявил он. – Обещал Мейбл, что заскочу. Пьяным я ей не нравлюсь.

– Интересно, что она вообще в тебе нашла, – ухмыльнулся Бенни. – Работает в закуской, а там всякие парни бывают. Среди них попадаются трезвые и работающие.

– Души у их нет, – объяснил Дойл. – Ни один дальнбойщик или автомеханик не отличит закат от яичницы-болтуньи.

Бенни отсчитал сдачу.

– А ты, как погляжу, свою душу на коммерческую ногу поставил.

– Точно, – кивнул Дойл. – И это всего-навсего здравый смысл.

Он сгрел деньги со стойки и вышел на улицу.

Мейбл томилась ожиданием за столиком, и это не было событием из ряда вон выходящим. Всегда что-нибудь случалось и он опаздывал. Мейбл давно смирилась.

Дойл поцеловал ее и расположился напротив. В заведении было пусто, лишь новая официантка протирала стол на другом краю зала.

– Сегодня нечто странное случилось, – сообщил Дойл.

– Надеюсь, хорошее, – жеманно улыбнулась Мейбл.

– Пока не знаю, – пожал плечами Дойл. – Может, и хорошее. Но с таким же успехом могут быть и неприятности. – Он достал из кармашка для часов купюру, расправил и положил на стол. – Что это, по-твоему?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.